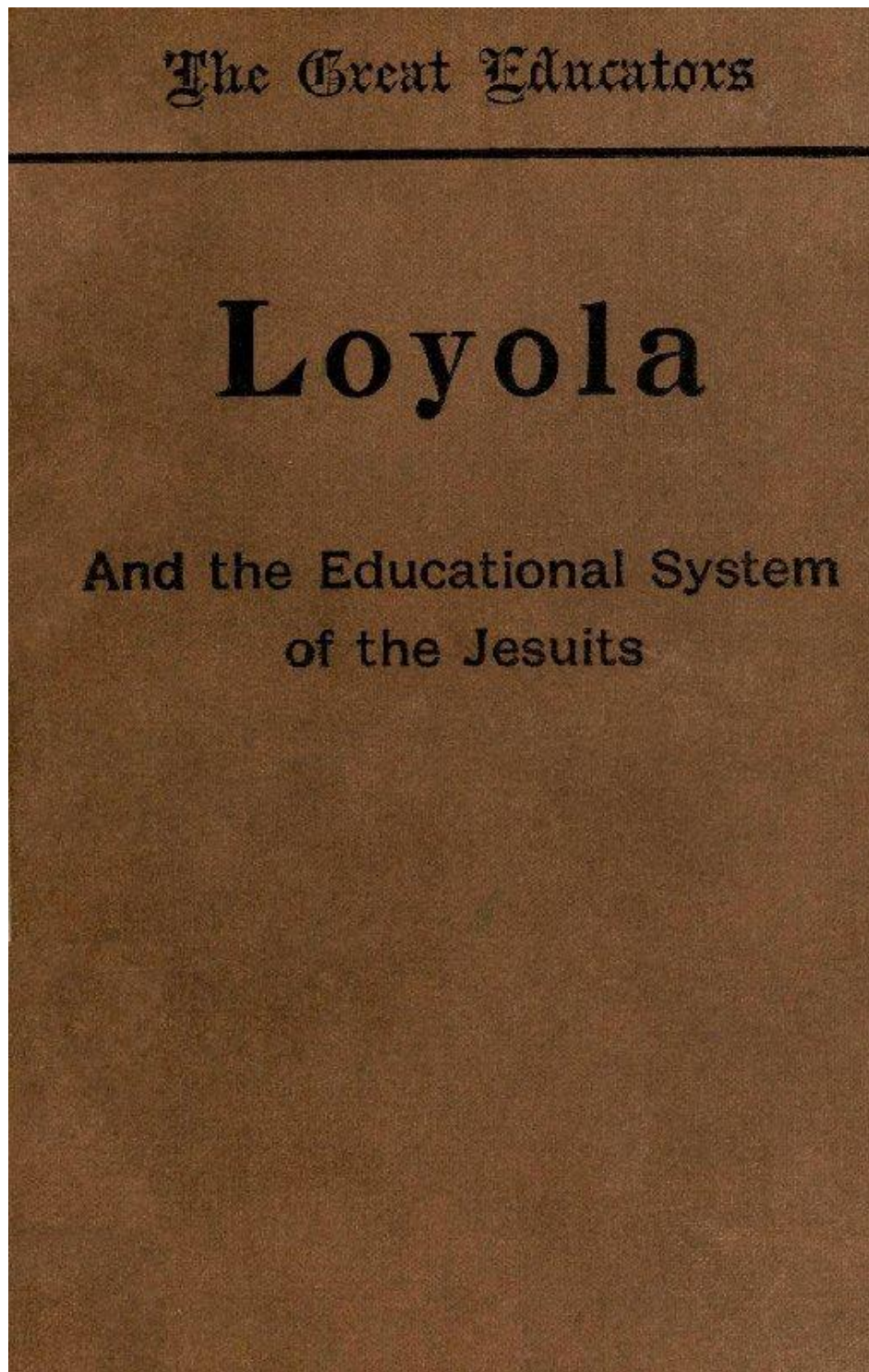

Лойола и образовательная система иезуитов

Томас Хьюз

Проект " Электронная книга Гутенберга " Лойолы и образовательная система иезуитов

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Лойола и образовательная система иезуитов

Автор: Томас Хьюз

Редактор: Николас Мюррей Батлер

Дата выхода: 18 июня 2014 г. [Электронная книга № 46018]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Дэвидом Гарсией, Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЛОЙОЛА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИЕЗУИТОВ" ***

ЛОЙОЛА.

Великие Просветители

Под редакцией НИКОЛАСА МЮРРЕЯ БАТЛЕРА

ЛОЙОЛА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИЕЗУИТОВ

ПРЕПОДОБНЫМ ТОМАСОМ ХЬЮЗОМ

Из Общества Иисуса

НЬЮ-ЙОРК

СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА

1892

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1892,

СЫНОВЬЯ ЧАРЛЬЗА СКРИБНЕРА.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В следующей работе, посвященной системе образования иезуитов, я попытался представить критическое изложение принципов и методов, принятых в Обществе Иисуса. Попытка объяснить источники, процесс развития и нынешнее влияние системы внутри Ордена и за его пределами превратила первую часть в биографический и исторический очерк, главной темой которого является личность Основателя; в то время как детали и педагогическое значение различных элементов метода представлены во второй части как критический анализ *Ratio Studiorum*.

Учебная литература, в которой рассматривается эта система, очень обширна. На основании документов, на которые часто ссылаются, были сделаны различные оценки и выводы для изложения значения и философии системы. Следовательно, с целью облегчения вынесения четкого и всеобъемлющего суждения по данному вопросу, я счел нецелесообразным привести точные цитаты из таких документов, не опуская ни одного, имеющего отношение к данному вопросу, если только они были в пределах досягаемости. Так случилось, что в настоящее время большое количество источников, правил и комментариев, до сих пор редких и совершенно недоступных, стало легкодоступным, будучи воплощено в великом труде "*Памятник немецкой педагогики*", который уже вышел за рамки десятого тома. Три из выпущенных на данный момент тома посвящены системе иезуитов; они были составлены покойным преподобным Г. М. Пахтлером, С.Дж. Если бы были доступны три или четыре тома, которые еще предстоит издать преподобному Бернарду Дюру, С.Дж., их тоже можно было бы поместить в разделе "Вклад" для примеров и иллюстраций. Но, возможно, тема покажется вам достаточно проиллюстрированной такой, какая она есть.

Помимо оригинальных документов, я использовал не менее достоверный показатель, чем тот, который одобряется максимой права: *Consuetudo, optima legis interpres*, "Обычай, который является лучшим толкователем закона".

В то время как все самое старое и достоверное, таким образом, было использовано при объяснении *Ratio Studiorum*, фактическое состояние педагогики сегодня ново, как и состояние рассматриваемого вопроса. Следовательно, чтобы удовлетворить требованиям настоящего, были сделаны ссылки не только на обычаи или научные документы прежней эпохи.

Одним словом, цель состояла в том, чтобы указать на основные черты, которые характерны для данной системы и которые могут иметь большое значение для развития педагогической науки. Была ли достигнута такая цель, чтобы ответить на многие вопросы, которые, возможно, могут возникнуть, и удовлетворить желание, которое действительно существует, решать будут другие.

ТОМАС ХЬЮЗ, С. Дж.

Университет Сент-Луиса.

Содержание.

	СТРАНИЦА
Предисловия	v
ЧАСТЬ I.	
ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОРДЕНА.	
ГЛАВА I.	
Введение	3
ГЛАВА II.	
Рыцарь, пилигрим и ученый	19
ГЛАВА III.	
Парижский университет. Рим	30
ГЛАВА IV.	
Колледжи, предложенные в Конституции иезуитов	52
ГЛАВА V.	
Основанные и наделенные полномочиями колледжи	68
ГЛАВА VI.	
Интеллектуальный охват и предлагаемый метод	82
ГЛАВА VII.	
Моральные рамки, предложенные	98
ГЛАВА VIII.	
Игнатий, управляющий коллегиальной системой. Его смерть	109
ГЛАВА IX.	
Последующие администрации	124
ЧАСТЬ II.	
АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ.	
ГЛАВА X.	
Аквавива. Соотношение студиорума	141
ГЛАВА XI.	
<i>Становление мастера.</i> Его курсы литературы и философии	156
ГЛАВА XII.	
Молодые мастера	175
ГЛАВА XIII.	
Курсы богословия и смежных наук. Частное обучение. Повторение	191
ГЛАВА XIV.	
Диспут. Диктант	208
ГЛАВА XV.	

Становление ученого. Симметрия курсов. Предварительный отбор. Книги	225
ГЛАВА XVI.	
Классическая литература. Школьное управление и контроль	248
ГЛАВА XVII.	
Экзамены и выпускной. Расписание занятий и курсов	259
ГЛАВА XVIII.	
Заключение	285
Библиографическое приложение	297

Часть I.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ОРДЕНА

ЛОЙОЛА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ИЕЗУИТОВ

ГЛАВА I.

ВВЕДЕНИЕ.

Ученый и элегантный труд, повествующий о расцвете и прогрессе христианских школ, начиная с шестидесятого года христианской эры и далее, заканчивает свой долгий путь в эпоху Реформации и прощается со своим разнообразным предметом и с позициями христианских ученых следующими словами: "Мы покидаем их в тот момент, когда епископство восстанавливало свою древнюю юрисдикцию над церковными семинариями, и когда подавляющее большинство светских школ католического христианского мира переходило в руки великого Религиозного ордена, созданного, как могло бы показаться, с особой целью". план нового укрепления системы христианского образования".¹

Два с половиной столетия спустя, когда Общество Иисуса прошло долгий путь от эпохи Реформации, в ходе которой оно возникло, до кануна Революции, приведшей к его исчезновению, генерал Ордена Игнатий Висконти, обращаясь к провинциальным начальникам по всему миру, отмечает новый этап в процессе развития образования: "Вкус к литературе сейчас, - говорит он, - более острый и изысканный, и число литературных школ увеличилось настолько, что наша, возможно, больше не кажется такой уж необходимой. Ибо я могу упомянуть тот факт, что, кроме наших школ вежливого письма, долгое время их либо не было, либо их было очень мало. Так что родители были вынуждены отправлять своих детей к нам, даже если в противном случае они этого не хотели".²

Это негласно отсылает к тому, что Леопольд фон Ранке подчеркивает с большим акцентом. Говоря о занятиях грамматикой, немецкий историк говорит: "И здесь иезуиты преуспели, вызывая восхищение. Было обнаружено, что молодые люди добились с ними большего за шесть месяцев, чем с другими учителями за два года. Даже протестанты забирали своих детей

из отдаленных гимназий, чтобы доверить их попечению иезуитов".³ Там же Ранке рассказывает, что "усилия иезуитов были направлены прежде всего на университеты". И он описывает, каковы были результаты в Германии.

Д'Аламбер пишет об их успехах во Франции: "Едва Общество Иисуса начало проявлять себя во Франции, как оно столкнулось с бесчисленными трудностями в попытке утвердиться. Университеты особенно старались не впускать новичков. Трудно решить, является ли это противодействие похвалой или осуждением иезуитов, которые его выдержали. Они объявили о бесплатном обучении; они причисляли к своему числу знаменитых и образованных людей, возможно, превосходящих тех, кем могли похвастаться университеты" и т. Д.⁴

Говоря о протестантах в Нидерландах, в хронике, охватывающей первое столетие существования Ордена, записано, что "иезуитские школы были категорически запрещены всем членам протестантских общин под угрозой суровых наказаний. Даже во время двенадцатилетнего перемирия, которым частично пользовался Орден, ежемесячный штраф в размере ста флоринов по-прежнему налагался на всех правонарушителей или на их родителей, которые упорно продолжали покровительствовать иезуитским школам. Чтобы избежать штрафа, родители отправляли своих детей под вымышленными именами."⁵

В каждой стране одна и та же драма борьбы и соперничества развивалась на протяжении двух с половиной столетий, пока не произошла знаменательная сцена. Это была сцена такого рода, какие редко случались в истории; и, конечно, никогда ни одно подобное событие не было так ярко освещено продолжением. Событие, о котором я говорю, было всеобщим и мгновенным подавлением Ордена; за этим последовали исключительные последствия как для мира, который был свидетелем этого, так и для субъекта, который пострадал от этого.

Следствием этого в мире в целом стало то, что несколько лет спустя, в конце восемнадцатого века, разразилась великая Революция под руководством людей, из которых едва ли кому-либо было больше семи лет на момент изгнания иезуитов.⁶ Они представляли во Франции первое поколение, которое не было воспитано Обществом. Отдаленные причины, сокрушившие Орден, были теми же, что привели к Революции. Но среди непосредственных причин, назначаемых историками для объяснения точной формы, которую приняла великая конвульсия, и даты, когда она произошла, указывается роспуск этого Ордена. По словам графа де Местра, который говорит о политических настроениях своего времени, все наблюдатели сходились во мнении, что революция в Европе, все еще называемая Французской революцией, была невозможна без предварительного уничтожения иезуитов. И, в соответствии с этим, в равной степени было предметом наблюдения, как осязаемый исторический факт, что в течение двух столетий иезуиты сформировали в своем Колледже в Париже элиту французского дворянства; и что всего через несколько лет после изгнания мастеров-иезуитов тот же колледж выпустил Робеспьеров, Камилла Демулена, Тальена, Ноэля, Фрерона, Шенье и других подобных демагогов. Этот колледж в Клермоне, или Луи-ле-Гран, из которого иезуиты были изгнаны в 1762 году, был немедленно занят Парижским университетом. Революция разразилась двадцать семь лет спустя.

Еще одно продолжение, о котором ранее не слышали в истории, затронуло само Общество. Европа, пережив жестокие потрясения, которые превратили старый порядок вещей в новый, достигла начала девятнадцатого века и обнаружила, что Общество снова оживает. Это было вопреки политическому принципу, который мы можем признать вместе с бароном фон

Хюбнером, а именно, что в политике, в делах государств, в жизни всех великих социальных институтов, когда однажды наступает смерть, воскресения не бывает.

И теперь, в конце девятнадцатого века, те же силы отталкивания и притяжения, преданной любви со стороны друзей и лютой ненависти со стороны врагов, были замечены действующими, как всегда раньше. Это стало обычным делом в философии истории — эта ненависть, которая была направлена против Ордена Иисуса и множества врагов, которых он нажил. Виконту де Бональду напрашивается одно объяснение: присутствие в нем, как он думает, чего—то хорошего; того добра, которое, будучи единственным предметом самой горячей любви, единственное может стать объектом самой лютой ненависти; и поэтому всегда создавало гонителей и мучеников.

Цель этой книги - дать исторический очерк с соразмерным анализом развития образования, осуществляемого Обществом Иисуса. Другие исследовали различные области истории иезуитов, либо общие, охватывающие все пути внешней и внутренней деятельности, либо частные, включающие только части истории. Некоторые из этих конкретных взглядов, особенно в более поздние годы, находятся в поле зрения исследователей и являются наиболее ценным вкладом в историю развития педагогики. Однако ни одно из них не совпадает с объемом, целью и формой, которые были обозначены для этого; на что в достаточной степени указывают Серия, к которой оно принадлежит, ответственный редактор и страна, для которой оно предназначено.

Таким образом, предметом является образовательная система иезуитов, та система, которая технически называется *Ratio Studiorum*. Не требуется ни литературной, ни исторической изобретательности, чтобы сосредоточить все, что можно сказать об этом, на личности и характере святого Игнатия Лойолы. Я буду использовать иезуитские источники информации, за исключением случаев, когда будет необходимо изложить результаты или дать оценки, которые подразумевают похвалу. Затем я буду свободно цитировать источники за пределами Ордена. В противном случае для объяснения и анализа внутренних проблем эти посторонние ссылки были бы действительно несовершенными.

Ситуация, которая соответствовала военному взгляду кавалера, в последнее время рыцарского капитана Лойолы, была новой на старом поле битвы. Спрос, который, казалось, предъявлялся к тактическим ресурсам, был столь же велик, как и политический и религиозный кризис, создавший ситуацию. С 1522 по 1540 год, пока Игнатий изучал обстановку в Европе и готовился принять в ней активное участие, у него было время и возможности понаблюдать, какими именно в ту эпоху были накопленные результаты всех предшествующих христианских эпох; и почему результаты именно тогда были именно такими, какими они были. Проблема, по-видимому, фатально определялась социальными условиями вокруг, которые более чем нейтрализовали видимое христианство. Образование, в частности, работало под действием причин, которые начали действовать несколькими столетиями ранее и которые затем, очевидно, довели себя до последнего усилия. Это был подрыв христианского образования.

В этом отношении это был тот же самый вопрос, который тысячу лет назад стоял перед августинцами, Василиями и Иеронимами. Но это была другая постановка вопроса. Августин, блестящий юноша из Hippo Regius в Африке, послужит примером того, в чем тогда заключалась проблема. Он добился самых высоких результатов, которых государственные школы того времени были способны достичь даже для самых одаренных умов. Но он утратил свою добродетель. Он жил, чтобы с горечью жаловаться, что произносить *homo* "человек" без буквы

"н" считалось серьезной ошибкой, но ненавидеть человека, обозначаемого словом *homo*, вовсе не ошибка. Следствием этого для него стало то, что, став епископом Церкви, он удовлетворил потребность в предоставлении христианского образования, открыв в своем собственном доме своего рода школу для нравственного и духовного воспитания своего духовенства.

Так возникла соборная, или каноническая школа. Точно так же в аббатствах и монастырях стали процветать монастырские школы. И даже если бы эти два вида образовательных центров не были, как это было на самом деле в Средние века, predetermined средством спасения образования в Европе, у них все равно было бы достаточно оснований для своего существования, исходя из первостепенной необходимости продолжать в нежном возрасте молодежи служение добродетельному воспитанию.

События приняли новый оборот с появлением и прогрессом университетской системы. Сначала университеты в основном были пристроены к кафедральным церквям. По мере их развития влияние монастыря ослабевало. И снова, по мере того как они развивались еще больше, они представляли явления, которые положили начало последующей системе иезуитов.

С двенадцатого по шестнадцатый века существовало целых шестьдесят шесть таких университетов; шестнадцать из них приписаны Германии, примерно столько же - Франции, а остальные - Италии, Испании и другим странам. В мою компетенцию не входит описывать их формирование или порядок их основания. Они получили свои хартии от пап, которые таким образом использовали свою власть и демонстрировали ее в форме, которую ни один век не сможет обесценить, и меньше всего - наш собственный. Обращаясь к этим местам "Общих исследований" в апеллативном падеже, *Universitas Vestra*, Суверенные Понтифики направляли их в нужное русло и поощряли во всех областях теологии, права или медицины; независимо от того, следовали ли всем этим направлениям в каждом центре или, соответственно, некоторым здесь, некоторым там. Орлеан, Бурж, Болонья, Модена исповедовали юриспруденцию либо как свою специальность, либо как отличительный факультет; Монпелье, Салерно - медицину; Падую - гуманитарные науки; Толедо - математику; Саламанка и, прежде всего, Париж - общую культуру, философию и теологию.

Эти университеты стали такими источниками знаний, что для изучения теологии епископские семинарии практически прекратили свое существование; и, чтобы приобрести общую культуру того времени, дети верующих больше не обращались в монастырские школы. Более того, в совершенно противоположном смысле сами духовенство и монахи в погоне за лучшими знаниями, которые могла дать эпоха, на некоторое время покинули свои монастыри и поступили в университеты. Они последовали за этим шагом, поселившись там. Париж видел великие старые ордена августинцев, бенедиктинцев, картузианцев, кармелитов, бернардинцев, все они основывали монастыри или колледжи; не что иное, как новейший орден тринитариев, который в основном состоял из университетских людей. Возникли два института, доминиканцев и францисканцев; которые с такими людьми во главе, как святой Фома Аквинский и святой Бонавентура, поместили себя прямо в сердце этих интеллектуальных центров; и они стали оплотом здравого учения в противовес глупостям ложной схоластики. Они поддерживали закваску религии и добродетели среди того, что не было совсем порочным поколением, но, безусловно, было, с какой бы стороны мы на это ни смотрели, очень сомнительной толпой, принадлежащей, правда, к поколению христиан. Рассмотрим 10 000 человек в Болонье, которая

была центром изучения права; 30 000 человек в Оксфорде; или 40 000 человек, которые все когда-то учились или считались учащимися в Париже, признанном центре теологии.

Такая неразборчивая масса человечества, как эта, спрессованная, теснящаяся и скучивающаяся вместе, воодушевленная со всем пылом и живая всеми страстями молодости, не могла не быть немногим лучше, чем рассадником неразборчивой распущенности. Какой бы бдительной ни была Церковь, каким бы усердным ни было осуществление законной власти, ничто в обычном ходе человеческого общества не могло помешать ей стать плодородной почвой для распространения всевозможных заблуждений. И поскольку в течение трехсот лет интеллектуальные и образовательные силы Европы следовали этим курсом, закон эволюции проявил себя во многих направлениях.

С одной стороны, те десятки тысяч молодых христиан, которые стремились занять все влиятельные посты в Церкви и государстве и которые, поступив в свой родной университет или отправившись в зарубежные, начали жизнь там в возрасте двенадцати-четырнадцати лет, чтобы оставаться в этой среде еще девять-двенадцать лет, стали, что было естественно, живыми, кишачными членами общества, настолько распущенного, что сменявшие друг друга папские престолы изображали положение вещей как моральную заразу. В том образе мышления, который преобладал, не было недостатка ни в одной форме теоретической ошибки. В философии царил скептицизм, в теологии - ересь, в то время как в политике стали широко распространены цезаризм и абсолютизм. Затем, в конце пятнадцатого века, наступил Ренессанс; и одной из первых вещей, которые он явно и формально совершил, было возрождение в жизни, искусстве и политике того же старого язычества, на руинах которого много веков назад христианство начало свое стремительное восхождение. Обновив тогда многое из того, что было старым, христианство дополнило все это таким количеством нового, что за тысячу лет сделало возможным Возрождение. И теперь форма этого Возрождения угрожала его собственному господству в морали и в жизни.

С другой стороны, старый дух консерватизма в религии и консервации в вопросах морали сохранялся некоторое время благодаря тем группам религиозных людей и священнослужителей, которые покинули монастырь или семинарию, чтобы поселиться в светских местах обучения. Именно этот дух породил новейшее и лучшее развитие университетов, систему "колледжей", созданную в их среде. В Саламанке было двадцать колледжей; в Лувене - сорок; в Париже - пятьдесят. Тем не менее, в конечном счете, в настоящее время за университетами и за их пределами практически не осталось резервных источников монастырского или епископального образования. И сами религиозные деятели и духовенство, которые в лучшем случае были не в своей тарелке с того момента, как они мигрировали в светскую среду, незаметно приспособились к условиям, в которых они оказались, и до сих пор перестали быть той властью, которой они были.

Посмотрите, во времена Игнатия был Парижский университет, как описано в записях современников. "Он утратил свое древнее величие. Узы дисциплины постепенно ослабли; учеба была заброшена; и у учителей, как и у ученых, вся любовь к литературе и уважение к правилам уступили место мрачным страстям, политической ненависти, религиозному фанатизму и распутным привычкам".⁷

Таким образом, мы имеем дело с двумя элементами в образовательном состоянии Европы, которые объясняют расцвет иезуитской системы. Одним из них был положительный,

конкретный факт, воплощенный в этой великой развитой системе университетского обучения. Другой был негативным элементом, заключающимся в упадке сущностной нравственной жизни. Эти два фактора не являются простыми предшественниками в порядке времени, поскольку они предшествовали только методу Лойолы. Одна из них, университетская система, предоставила тот самый материал, из которого были взяты его метод и содержание; да, и сами люди, иезуиты, которые применили принципы реформы к образованию. Другой фактор, который я назвал негативным, этот упадок основной нравственной жизни, был подходящим поводом, который побудил Игнатия вообще подойти к вопросу образования. Ибо мы можем с уверенностью сказать, что, если бы университеты шестнадцатого века все еще выполняли работу, для выполнения которой они изначально были уполномочены, основатель Общества Иисуса не только не стал бы использовать свою систему в качестве замены им и улучшения их, но он бы сделал то, что он всегда делал со всем хорошим, что существует; он бы использовал то, что нашел, и обратил свое внимание на другие, более неотложные вещи. Он действительно использовал эти университетские центры для своих собственных молодых людей, пока у него не появились лучшие учебные заведения и не был разработан собственный метод.

Следовательно, проблема образования, когда она попадает в поле зрения Игнатия, предстает как та же самая, что и в древности, - проблема нравственного возрождения. Но это другое состояние того же вопроса. В обстоятельствах, ставших остро критическими из-за волнений эпохи, социальных, моральных и религиозных, его любимым занятием было смотреть с состраданием на людей, живущих подобно слепым, умирающих и погружающихся в вечные глубины; на людей, говорящих, богохульствующих, поносящих друг друга; на то, как они нападают, ранят, убивают друг друга; и все вместе идут на вечную погибель.⁸ Именно с этой моральной точки зрения он вступил на арену образования.

Но прежде чем он сможет учить людей, или формировать учителей из людей, или даже зародить первую идею законодательства для интеллектуального мира, он должен сначала научиться сам. Есть два фундаментальных урока, которые он действительно усваивает, и они помогают ему формироваться. Во-первых, среди всех занятий изучение добродетели является высшим; во-вторых, какой бы высшей ни была добродетель, все же без светского обучения высшая добродетель остается безоружной и в лучшем случае приносит пользу только самому себе. Он усваивает эти два урока не только в теории, но и на практике. Чтобы достичь цели последнего, он занимает свое место на скамье ученых и начинает заниматься с маленькими детьми. Хотя он может и не добиться блестящих успехов в искусстве обучения, все же в искусстве понимания того, что такое обучение, и на уроках опыта он становится законченным ученым. Даже тогда он остается слишком большим кавалером, чтобы отказаться от своей заветной идеи о духовном крестовом походе на Восток. И только когда этот проект терпит неудачу, он, как истинный рыцарь, просто переходит на другую сторону поля боя. Он остается на Западе. Он по-прежнему капитан Роты. Но он становится также законодателем среди врачей; и среди других своих работ он проводит реформу образования.

Во всей его кампании мы можем различить две характеристики в духе его движений. Одна - это защита, другая - наступление. Его метод защиты проявился в утверждении старых принципов, в консерватизме морали, в плане кампании, который определяет весь настрой и социальную структуру Компании. Она основана на принципе отстаивания того, что есть, а не изменения древних ориентиров. С другой стороны, его продвижение направлено на решение самых высоких вопросов, которые могут интересовать человечество. Они составляли часть самой цели

и направления марша Ордена. И вот так получилось, что его Компания привлекла к себе тот класс умов, которые наиболее сильно притягиваются перспективой решения подобных вопросов, особенно в беспокойные времена. Его времена были беспокойными, если таковые вообще когда-либо были, в большей степени, чем наши, когда те же вопросы все еще должны доминировать. Это были времена войн с турками на Востоке и с христианами у себя дома; проигранных и выигранных битв, последствия которых коснулись каждого дома; смущенных и свергнутых королевских и имперских администраций; бесчисленных новых мнений; Церкви, теряющей позиции по всей линии границы, и, кроме того, новых миров, нависающих над горизонтом, где с начала времен неизвестное таилось в абсолютной тьме. В такой момент "Защита и наступление", или, как папская власть выразила это в торжественном акте, учредившем его Институт, *Defensio ac propagatio fidei*, были волнующими лозунгами для людей с ограниченными возможностями, которые чувствовали беспокойство из-за бездействия и неэффективности старых методов, по старым линиям.

Я не стану останавливаться, чтобы сказать, что личная бедность и точное послушание, требуемые на новой службе, не представляли препятствий для умов и характеров, которые в остальном были привлечены к его стандартам. Предшествующие события всей древности, по-видимому, показывают, что такие условия для таких умов являются скорее стимулом, чем сдерживающим фактором. И если кто-то заметит, что к этому в Ордене Иисуса было добавлено абсолютное равенство, посредством которого каждый состоявшийся член обязывает себя не признавать никакого достоинства ни внутри, ни вовне, или, по крайней мере, не посягать на достоинство ни дома, ни за границей, что нанесет ущерб его полному членскому праву, тогда, возможно, привлекательность такой жизни, консерватизм и интенсивная концентрация Ордена, а также готовность и выносливость, проявляемые в служении, не покажутся необъяснимыми умам этого века, в котором в совершенно иной форме то же самое равенство называется свободой, является создан для создания республик, свержения монархий и развития некоторых из самых мощных средств для раскрытия энергии людей. И все же свобода этого последнего равенства лишь слабо и как бы поверхностно отражает свободу того, кто, освободившись от оков мира и от всякой заботы о своих передвижениях, должности и месте, находит, в свою очередь, как выражается немецкий историк, "свое собственное личное развитие, навязанное ему";⁹ и, в прочном содружестве единой цели, образования и жизни, пользуется разнообразной поддержкой и готовым сочувствием личностей, столь же развитых, как его собственная.

В первой части я изложу факты из карьеры Игнатия, насколько это возможно, чтобы указать этапы того искусства арбитра, которым он сам сформировался и которое затем он реформировал в иезуитском *Ratio Studiorum*. Во второй части я кратко обрисую историю самого *Отношения* и проанализирую Систему как теорию и практику образования.

ГЛАВА II. РЫЦАРЬ, ПАЛОМНИК И УЧЕНЫЙ.

Часто рассказывали историю о кавалере, раненном на крепостных валах Пампелуны. В данный момент Лойола не был губернатором города и не нес никакой ответственности. Но официальная

ответственность не была ему необходима, чтобы видеть путь долга и следовать ему. Как человек, обязанный служить своему государю почетным титулом и благородством, он удалился в цитадель, когда город сдался; а затем, когда крепостные стены начали рушиться под канонадой, он встал в проломе. Мяч, ударившийся о камень, уложил его на землю, покалечив обе конечности. Защита сразу же рухнула. По-рыцарски обласканный теми, чье оружие сразило его в битве, он был доставлен со всем тщанием в свой замок Лойола. Было обнаружено, что одна из его конечностей была неправильно вправлена. Он снова сломал ее, чтобы привести в порядок. Между тем, обладая инстинктивным честолюбием рыцаря, принадлежащего к рыцарской нации в эпоху рыцарства, он не был нечувствителен к чарам общества и привязанности. И из чуткой заботы о своей внешности ему, должно быть, необходимо отпилить выступающую кость, которая все еще угрожала испортить его фигуру, прямо на глазах. В одиночестве и скуке палаты больного он коротал часы, мечтая о своих амбициях и стремлениях, и стремился подпитать их подходящей пищей. Он хотел почитать роман. Достать было нечего. Итак, вместо романа, который так и не был опубликован, он взял то, что они ему дали, - Жизнь Христа и Жизни тех, кто верно служил Христу. Солдат поля боя и крови почувствовал, как меняются объекты его честолюбия; он стал солдатом духа и вечной жизни. И после пережитого на ложе боли и продолжительного общения с другим миром он восстал другим человеком; он отправился в путь рыцарем, как всегда, но не в экспедицию, оканчивающуюся, как прежде. Вечер и ночь, проведенные в святилище Монсеррата, как когда-то прежде, когда он прошел боевое дежурство, когда король Наварры присвоил ему звание кавалера; утро, начавшееся с принесения Святой Жертвы и принятия Святого Причастия, открыли для него новую эру; и он отправился в путь, связанный теперь новой клятвой верности служению Царю Небесному.

Сбоку от алтаря в этом святилище Монсеррата настоятель монастыря восемьдесят один год спустя запечатлел на мраморной плите запись об этом событии на вечную память в будущем: "Блаженный Игнатий Лойола здесь со многими молитвами и слезами посвятил себя Богу и Пресвятой Деве. Здесь, как с духовным оружием, он укрепился в мешковине и провел ночное бдение. Поэтому он отправился основывать Общество Иисуса в MDXXII году".

Сначала он огляделся вокруг, чтобы найти убежище и погрузиться в размышления о времени и вечности. Была суббота. Джон ризничий Паскуаль рассказывает нам, что его мать, набожная дама из Манресы, была в то утро в церкви; и в сопровождении двух молодых мужчин и трех женщин она была на богослужении в часовне Апостолов. Подошел молодой незнакомец и обратился к ним. Его одежда была из самой обычной саржи, поскольку Игнатий отдал свое рыцарское одеяние бедняку. Юноша был похож на паломника. Он был невысокого роста; у него было светлое лицо и румяные щеки. Его непокрытая голова была немного лысой. В целом он обладал прекрасной и серьезной осанкой и очень сдержанным видом. Он едва поднимал глаза от земли. Подойдя ближе, он спросил, есть ли где-нибудь больница, которая могла бы послужить ему убежищем. Увидев его благородные и светлые черты, дама, как и подобает христианке, предложила свои услуги; если он составит ей компанию, она обеспечит его наилучшим из возможных способов. Вежливо и с благодарностью он принял ее предложение и последовал за группой, когда они покидали святилище. Они продвигались медленно, так как заметили, что он хромает. Как бы они ни уговаривали его, они не могли заставить его ехать верхом на осле. В трех лье от Монсеррата они прибыли в маленький городок Манреса, и он поселился в общей больнице для бедных и паломников. Какая бы милостыня или пища ни посылались ему отныне, в первую очередь она доставалась другим, которых в этих вопросах он до конца своей жизни всегда считал более нуждающимися, чем себя.

Теперь он приступил к испытанию христианской добродетели. По мнению католической церкви, степень добродетели, которую он проявлял, считается героической. Поскольку не мне здесь останавливаться на этом, я ограничусь одним замечанием. То, что считается обычной христианской добродетелью, основанной на вере и надежде, на принципах не столько естественных, сколько сверхъестественных, не очень понятно миру в целом. Еще меньше героической степени того же самого. Однако оба претендуют на то, чтобы их оценивали исходя из их собственных надлежащих мотивов и принципов. Когда они затрагивают саму тему, которую биограф намеревается затронуть, его искусству свойственно не игнорировать объективные мотивы и резоны вещей, как они действовали в его предмете. В самой короткой монографии, подобной настоящей, мы не можем отделить от работы, которую он сделал, человека, который это сделал. А человека создают его мотивы. Было бы плохим литературным искусством описывать подвиги, которые, по общему признанию, велики, и не находить соразмерных мотивов.

Игнатий, проведя более или менее год в Манресе, взял свой посох паломника и пешком отправился в Италию, а оттуда в Святую Землю. Это было в духе старых крестоносцев, чье рыцарство не теряло для него очарования вплоть до того дня, много лет спустя, когда вместе со своими первыми товарищами по Труппе он снова попытался перебраться из Италии в Палестину. Если бы он преуспел в этом более позднем случае, он, скорее всего, никогда бы не познакомился с другими, кто присоединился к нему; и история не смогла бы заняться ни им, ни им самим.

В день его возвращения из Святой Земли мы обнаруживаем, что он продвинулся уже ко второму уроку в развитии своего будущего. Такой зрелый по годам, как он, и полный желания творить добро своим ближним, все же не простое благочестие дает в его руки инструменты для такой работы; и, если только учеба может дать средства апостольского рвения, он не может считать себя освобожденным от закона, согласно которому он должен трудиться, чтобы приобрести то, что является всего лишь результатом труда. Ему был тридцать один год, когда после ночного бдения он отправился в пещеру Манреса. Сейчас он на два года старше. Итак, в возрасте тридцати трех лет он садится на школьную скамью в Барселоне и начинает изучать латинские склонения.

Жалея на учебу времени, которого она требует исключительно, он ошибается в ситуации и позволяет себе упражнения апостольской жизни. В его возрасте, даже если предположить, что его прежние занятия больше соответствовали его нынешней литературной жизни, он не является способным учеником. Тем не менее, он добросовестно трудится. После двух лет, проведенных за изучением грамматики, его учитель, который снисходительно относится к этому делу, считает его компетентным для того, чтобы подойти к его высшему образованию.

Он сам сомневался. Друзья посоветовали ему подняться. Он все еще колебался. Но, получив такое же благоприятное мнение от богослова, с которым он консультировался, Игнатий согласился, в соответствии со своим неизменным правилом, следовать компетентному руководству. Насколько неудачным был этот шаг для успешного продвижения его учебы, но насколько полезным для его опыта как будущего законодателя, я покажу позже.

Уезжая из Барселоны в Алькалу, он намеревался воспользоваться лучшими преимуществами, которые мог позволить себе великий университет. Он жил на подаяние, как всегда; и другие жили на подаяние, которое получал он. Это был 1626 год. Он приступил к изучению логики,

используя "Сумму" Ди Сото; также физики Аристотеля; и помимо этого он стал Мастером предложений.

Он пробыл всего полтора года в этом богатом разнообразии занятий, как схоластических, так и апостольских, когда новшества, очевидные в его образе жизни, закончились тем, что сделали его подозрительным персонажем для церковных властей. Для немногих жителей города его плодотворное рвение делало его явно ненавистным. Результатом стал судебный процесс против него, который завершился одобрительным вердиктом, викарий епархии объявил его и его товарищей совершенно невиновными. Но были наложены ограничения относительно его будущего служения, поскольку Игнатий еще не был посвящен в священный сан. В течение четырехлетнего срока он не должен был проповедовать. По прошествии этого времени его успехи в учебе позволили бы ему чтить это важное служение, не нанося оскорблений. Это был смертельный удар по устремлениям студента. Он решил поступить в другое место, в знаменитый университет Саламанки, и повернулся спиной к Алькале.

Скоро должно было наступить время приятной мести, и, очевидно, он знал об этом задолго до того, как оно наступило. Всего через шесть лет после основания своего Ордена, когда он послал Фрэнсиса Вилланову открыть дом в Алькале, он не только обнаружил, что университетские мужи принимают его Институт, но и через два года после этого преследуемый пилигрим за один год принял в Общество тридцать четырех докторов, и все из этого единственного учебного заведения. Простое появление Франциска Борджиа, герцога Гандийского, который стал скромным последователем Игнатия, заставило самых отборных людей устремиться под его знамена; и по всей Испании колледжи возникали словно из-под земли.

В Саламанке, где ему и его окружению также предстояло фигурировать в будущем, кратко рассказывается личная история Игнатия. Через десять или двенадцать дней после прибытия его заковали в цепи. Он провел в тюрьме двадцать два дня. Когда его освободили с той же похвалой за себя и свое учение, которую он получил в Алькале, но с таким же ограничением своих действий, он решил, что ему не стоит повторять тот же опыт той же ценой. Итак, несмотря на все красноречие, с которым друзья отговаривали его, он предпринял новый шаг, который показался ему правдоподобным и, следовательно, осуществимым. Он хотел попытаться счастья в другой стране и продолжить учебу в величайшем философском и теологическом центре мира - Парижском университете.

Для любого, кто судил о вещах с точки зрения обычных стандартов, этот проект был невыполним. Между Испанией и Францией бушевала война; дороги были наводнены вражескими солдатами; недавно поступили сообщения о множестве убийств и грабежей, совершенных среди путешественников. Но эти и другие соображения подобного рода не имели для Лойолы никакого значения, чтобы удержать его на пути, однажды сознательно избранном. Приняв немного подаяния от друзей в Барселоне, чтобы приобрести по дороге все необходимое для жизни, он проделал пешком весь путь от Барселоны до столицы Франции, куда прибыл в начале февраля 1528 года нашей эры.

Теперь он побывал в тюрьмах и цепях по обвинению в педагогических ошибках или в том, что был опасным энтузиастом. Один из самых спокойных и хладнокровных людей, который никогда не действовал, но сначала все просчитывал, и который никогда не позволял себе прийти к какому-либо выводу, не освободившись сначала от всех предубеждений и импульсов, он неоднократно подвергался арестам за то, что выводил людей из себя, побуждал их отказаться

от всего, что у них было, во имя благочестия или благотворительности и побуждал их самим жить на подаяние; более того, возможно, пожертвовать своей жизнью, талантами и приобретениями, чтобы служить другим безвозмездно. Основатель ордена иезуитов, сам первый в Ордене, который имеет репутацию самого стойкого сторонника авторитета во всех слоях общества, а также истин, которым учит католическая церковь, был закован в цепи или привлечен к ответственности церковными властями почти везде, где он появлялся, хотя всегда оправдывался как невиновный.

В письме, написанном в последующий период его жизни королю Португалии Иоанну III, Игнатий подводит итог своему опыту, включая два тюремных заключения в Алькале и Саламанке; три судебных расследования в Алькале, Саламанке и Париже; позже еще один процесс в Париже; затем одно в Венеции; наконец, еще одно в Риме; — восемь расследований об этом человеке в Испании, Франции и Италии.¹⁰ Куда бы он ни приходил после смерти, у Отцов Церкви вошло в поговорку, что его появление было верным предвестником бури, которая вскоре разразится против них где-нибудь в социальном или религиозном мире. Он по-своему выдерживал всю эту ярость, так же обдуманно взвешивая каждое произнесенное им слово и взвешивая каждый сделанный шаг, как тогда, когда стоял у прорыва крепостных валов в Пампелуне. Но его личный опыт заставил его свято придерживаться "Духовных упражнений" - важного принципа либерального и гуманного благоразумия. Это изложено в первых словах его маленькой книжки, чтобы сориентировать как учителя, так и ученика. Он говорит: —

"Во-первых, следует предположить, что каждый благочестивый христианин должен быть более готов истолковать любое неясное утверждение другого человека скорее в хорошем, чем в плохом смысле. Если, однако, он не может каким-либо образом защитить свое предложение, пусть он спросит самого говорящего; и, если затем окажется, что говорящий ошибается в чувствах или понимании, пусть он любезно исправит то же самое. Если этого недостаточно, пусть он использует все доступные средства, чтобы сделать его в принципе здравым и обезопасить от ошибок".

Я вряд ли возьмусь описать, насколько личный опыт его основателя был связан законом о наследии с его Орденом. Но, просто для полноты семейной картины, я упомяну главы скорбного списка, который заносит в каталог историк Общества. В качестве объектов нападок и искажения он перечисляет самого основателя, название Общества Иисуса, одежду, правила, манеры, книги, доктрину, школы, проповеди; бедность, послушание, безвозмездное служение иезуитов; что они создали своего рода литературную империю под влиянием невыносимого честолюбия; что они были слегка подкрашены и только что пригубили многое, из чего у них не было ничего существенного, чтобы предложить; да, что они хотели, чтобы все поверили, что нет святилища Муз, нет святилища священных или человеческих ценностей. мудрость в существовании, за пределами их собственных колледжей; что из этих их кабинетов вышли все искусства и науки, выполненные в лучшем стиле. "В конце концов, что бы они ни делали или не делали, при условии, что есть много ложных обвинений, которые их враги состряпали против них, — вещей слишком экстремальных, чтобы в них можно было поверить, — при условии, что они оправданы во многих приписываемых им пороках, они, по крайней мере, никогда не смогут избежать подозрений, которые возбуждают эти обвинения".¹¹ Мы верим в это. Есть хорошая домашняя английская пословица, которая выражает ту же самую идею — о приятной адгезии глинистой массы, если ее умело нанести.

Этот ретроспективный взгляд на историю был сделан ровно через сто лет после основания Ордена. История началась примерно за тринадцать лет до его основания. Когда Игнатиус стал ответственным лидером с единомышленниками, он не раз прибегал к процессу правосудия, чтобы полностью очистить свою репутацию. Но, помимо случаев, которые делали такую защиту разумной и необходимой, его практическая политика выражалась в практической максиме, которую после него часто повторял его преемник Джеймс Лейнз: *Deus faxit ne unquam male loquantur et vera dicant!* "Дай Бог, чтобы они никогда не говорили обо мне плохо и говорили правду!" В самом деле, поскольку бесполезно пытаться изменить людей, ибо они никогда не родятся заново, Игнатий скорее искал решения трудностей в другом направлении; ожидая, что неприятности, не поддающиеся другому лечению, все равно могут не пережить своих создателей. Говоря о могущественном противнике, который поднял большую бурю в Толедо и Алькале, и для умирения которого потребовался королевский совет, а затем записка от папы римского, Игнатий сказал о нем Рибаденейре: "Он стар, Общество молодо; естественно, Общество проживет дольше, чем он". Тот же самый сановник, каким бы подавленным он ни был, снова поднялся в яростном сопротивлении. На что Жуванси делает меткое замечание: "Даже самым выдающимся людям так трудно и так редко удается, однажды задумав какую-то идею, снова выбросить ее из головы!"¹² Нет, люди не рождаются заново.

Теперь пришло время поразмыслить об Игнatii Лойоле в Париже, где он приобрел некоторые из самых ценных элементов своего образовательного опыта.

ГЛАВА III. ПАРИЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ. РИМ.

Добровольная бедность, суровый образ жизни, неблагодарный труд в учебе и постоянная самодисциплина такого ума, как у него, всегда устремленного к возвышенным мыслям и пытающегося контролировать самые первые движения своей души, - все эти условия, дополненные климатом и характером ситуации, в которой Игнатий оказался в Париже, оказали такое давление на его расшатанную конституцию, что, чтобы продолжать в том же духе, ему пришлось прервать его на некоторое время и дать некоторое облегчение своему перенапряженному телу, или, как он считал, на быть его "вьючным животным".

А как насчет самих исследований? Если бы они до сих пор имели блестящий успех, они вряд ли смогли бы выжить в таких условиях существования. Как бы то ни было, они были так хороши, как будто никогда и не начинались; или несколько хуже. Он пошел по неверному пути. Какую бы основательность обучения он объективно не учитывал, что-то другое, не менее важное, чем основательность, было невольно упущено. Это был хороший метод. Логика, философия и Теология, взятые вместе и с такой поразительной поспешностью, теперь соединялись в его голове, как вышедшая из строя машина; и его скорость была *нулевой*! Он владел латинским языком как таковым, незаменимым средством всякого обучения, ровно настолько, чтобы показать ему, что для какой-либо реальной пользы от него лучше начинать все сначала.

Здесь его характер проявил себя. И ни в какой конкретной области своей жизни он не похож на себя больше, более основательный, более храбрый кавалерист, "руководящий собой в большом

и малом, руководствуясь высшими соображениями", чем тогда, когда, не имея особых возможностей для подобных занятий и еще меньшей склонности, он решает после короткой передышки снова сесть в возрасте тридцати семи лет и возобновить свои латинские склонения! В колледже Монтегю он проводит около двух лет, изучая этот язык. Тем временем он пробует различные способы найти средства к существованию.

Мне нет нужды подробно останавливаться на природе этого великого центра, в который проник Игнатий, неизвестный незнакомец, всего лишь один из десятков тысяч его ученых. В нем было более двух десятков колледжей. К этому, королеве университетов, хотя она и не собиралась быть доброй альма-матер для него и его Ордена, все же воспоминания о Лойоле в его будущих законодательных актах всегда будут возвращаться с благоговением. Его первые профессора для Римского колледжа, типичного института Общества, были отобраны у тех из его людей, которые были докторами этого университета. И каким бы ни было моральное состояние и религиозная вялость университетских мужчин по сравнению с этим нищим чужестранцем в 1529 году, со временем должны были наступить случаи, когда они показали себя достойными врага, с которым сражались насмерть. Когда чума 1580 года превратила их в пустыню, университетские мужи и иезуиты, которых никогда не видели вместе, кроме как на ристалище и лицом к лицу, теперь были повсюду и быстро пали бок о бок на поприще христианского милосердия.

Для понимания иезуитской системы в ее происхождении и форме всегда следует обращать внимание, в первую очередь, на родство, существующее между ней и Парижским университетом. Кроме того, существует множество других степеней родства, которые не остаются незамеченными при формировании *Ratio Studiorum*. Система английских университетов может быть признана по линии происхождения. Все лучшее, что где-либо было, входит в родословную; как отмечает лорд Бэкон, выступая не только как хороший философ, но и как хороший протестант, он восхваляет и клеймит на одном дыхании: "Древняя мудрость лучших времен, - говорит он, - всегда справедливо жаловалась на то, что государства были слишком заняты своими законами и слишком небрежны в плане образования; эта превосходная часть древней дисциплины была в некотором роде возрождена в последнее время колледжами иезуитов; о которых, хотя в отношении их суеверий, всегда высказывались справедливые жалобы. Я могу сказать: "что улучшается, то ухудшается"; однако в отношении этого и некоторых других моментов, касающихся человеческого образования и нравственных вопросов, я могу сказать, как Агесилай сказал своему врагу Фарнабаю: "*Talis quum sis, utinam noster esses.*"¹³

Итак, в Парижском университете, своей настоящей альма-матер, Игнатий начал изучать философию в 1529 году. Он закончил его, успешно выдержав суровый экзамен, названный *examen lapideum*, "трудное испытание", считавшееся самым сложным из всех в Парижской академии. Таким образом, после Пасхи 1534 года нашей эры он стал магистром искусств, став лицензиатом в предыдущем году. Подробности о четырех его экзаменаторах в "испытании роки", о его окончании, о степенях его товарищей с датами, найденными в парижских записях, приведены болландистами.¹⁴

Теперь он приступил к своим богословским занятиям. Было очевидно, что препятствия, которые до сих пор мешали столь многим его усилиям, исчезали одно за другим. И более того, в его руки были вложены средства для великой работы, стоявшей перед ним. Этими средствами были люди. Он был в центре преданной маленькой группы, каждого из которых он победил по

отдельности. Это были Питер Лефевр и Фрэнсис Ксавье; Джеймс Лайнез и Альфонс Сальмерон, оба совсем молодые; были Клод Ле Жей, Джон Кодури, Николас Бобадилья, Симон Родригес; и, наконец, единственный, кто в то время был священником среди них, Паскье Бруэ. Среди них, никогда не стоявший во главе, хотя все считали его отцом, никогда не шедший впереди, хотя из-за этого более эффективно проявлявший себя лидером, Игнатий был всем для каждого из них. Ранее он приобрел некоторый ценный опыт в подборе и формировании компаньонов. Но тех, кто собрался вокруг него в Испании, с ним больше не было. Каждый из его нынешней компании был избранным человеком.

Когда шестеро из них достигли достаточного возраста, он и они устроили торжественное мероприятие, которое стало настоящим днем рождения Общества Иисуса. На пятнадцатый день августа 1534 года они дали обет в церкви Пресвятой Богородицы на Монмартре в Париже. Они обязались к определенному сроку отказаться от всего своего имущества и отправиться в Святую Землю; в противном случае они бросятся к ногам Суверенного понтифика и предложат ему свое безоговорочное служение. Тем временем они продолжали свои занятия; и поскольку каждый из двух последующих лет наступал пятнадцатый день августа, это заставляло их в том же месте, с той же торжественностью и в увеличенном числе возобновлять этот обет. Официальный день рождения ордена наступил только с принятием папской хартии 27 сентября 1540 года.

Я опускаю описание передвижений Лойолы, когда ему будет предложено отправиться восстанавливать силы в его родном климате. Он вернулся в Испанию в 1535 году, оставив своих товарищей учиться до 1537 года; и он уладил дела своих молодых испанских товарищей в их домах. Все, когда пришло время, быстро распорядились своим имуществом. Они раздали бедным, не оставив себе ничего, кроме того, что позволило бы оплатить дорогу в Венецию, а оттуда на Восток. Их принципом было *Распределять, дедить бедных*, "Он распределял, он раздавал бедным". Кроме того, Ксавье в назначенный срок отказался от последнего этапа своих теологических исследований и отказался от славы получения докторской степени в Париже; блестящий молодой профессор пожертвовал тем, что больше всего привлекало его честолюбие и воображение. Лайнез выздоравливал после тяжелой болезни и мог только двигаться. Тем не менее, когда наступила ранняя весна 1537 года, все они были в Венеции.

Сам Игнатий, встретившись с ними там, завершил работу, которая стояла перед ним тринадцать лет назад и за которую он взялся вместе со своей латинской грамматикой. Сейчас ему сорок шесть лет.

Есть три направления деятельности, в которых способности и энергия Игнатия Лойолы предстают перед миром. Первое - это способность, которую он проявил как правитель или лидер людей; другое - аналогичная способность направлять души в духовной жизни; третье - это то, что мы рассматриваем в настоящее время, его законодательный гений в интеллектуальном плане. Признавая врожденный талант, который, должно быть, был основой его дара управлять, мы можем утверждать, что лучшая часть его проницательности и такта была приобретена личным опытом. Страдая, он научился действовать. Он усовершенствовал свой природный дар направлять и командовать, сначала подчинившись всем случайностям человеческой жизни.

Мы можем развить значение этого в настоящем вопросе, педагогике; и значение этого поможет раскрыть предмет. В поисках предметов первой необходимости он проводил промежутки своей

напряженной карьеры в поездках из Парижа на большие расстояния. Он обнаружил, что каждый год возвращается в Бельгию, всегда пешком: он посетил Руан и даже добрался до Лондона, чтобы обратиться там к испанским купцам. Похоже, что не скупость с их стороны удерживала его в таких стесненных обстоятельствах. Не все его принципы соответствовали условиям его жизни. Он пытался совместить жизнь студента с абсолютной нищетой; и он усугублял неудобства такого зависимого состояния тем, что не ставил никаких ограничений в проявлении своей благотворительности. Это был его осознанный выбор, ибо он постоянно размышлял о жизни и примере короля, которому он поклялся служить, Христа, бедного и трудившегося с юности. Впоследствии он исходил из мудрости опыта, когда сказал, что в условиях абсолютной бедности заниматься наукой нелегко, а развитию ума препятствуют обязанности по обеспечению тела. Поэтому он издал закон, согласно которому, хотя бедность должна была стать основой его Института, все же члены, пока они заняты учебой, должны быть освобождены от всякой заботы о поиске средств к существованию.

Он пытался сочетать жизнь, полную апостольского служения, хотя еще и не был священником, с той необходимой сосредоточенностью ума, которая одна может гарантировать успех в учебе. И он увидел, к чему это привело. Само уважение и любовь, которые он питал к упражнениям высшей духовной жизни, мешали навязчивым мыслям о том, чтобы обратиться к учебе, которая была его непосредственным долгом. Чтобы подобное вмешательство даже в самые священные занятия не препятствовало дальнейшему прогрессу членов церкви в обучении, он определил правилом меру таких занятий, при условии, что учеба была главной обязанностью.

Болезни ослабили его. Поэтому он прилагал все усилия, чтобы защитить здоровье членов церкви. Пока он был жив, он делал это с личной и отеческой заботой. В своем институте он предусмотрел то же самое на будущее.

Начав свои исследования, он охватил многие отрасли одновременно; и он испытал на себе все последствия беспорядка. Хватаясь за слишком много вещей, он все потерял; и затем ему пришлось восстанавливать все с потерей времени. Чтобы избежать любого повторения такого дорогостоящего опыта, он предусмотрел, что курсы, которым следуют в Обществе, не должны содержать в себе ничего беспорядочного, ничего искаженного или урезанного; все должно быть методично; до тех пор, пока система и метод не будут применены в каждом направлении и особое благо каждого отдела не будет обеспечено в достаточной степени для общего плана, после всего этого следует обращаться к специализированному совершенству; и такова должна была быть назначенная жизнь отдельных людей, в то время как всестороннее и законченное образование оставалось культурой всех.

Однажды в более поздние годы он обронил такие слова по поводу своего раннего опыта: "Он бы очень сомневался, что кто-то другой, кроме него самого, вынужденный бороться со столькими трудностями и преградами в ходе учебы, посвятил бы так много времени овладению науками".¹⁵ Таким образом, тогда он был угнетен бедностью, не испытывал удовлетворения от выполнения приказов; страдал от стольких болезней и при этом не стремился ни к чести, достоинству, ни к другим человеческим наградам, которые обычно привлекают людей и оживляют их при переутомлении; не находил ни удовольствия, ни удовлетворенности в жизни простого человека. учеба - стимул, который так сильно облегчает смертную предстоящую им работу. И во всех этих отношениях он был совершенно непохож на тех самых людей, которых он выделил и зачислил на новую службу благочестия; в отличие от Фрэнсиса Ксавье, который с

совершенным равнодушием наблюдал, как все его братья выбирают исконную профессию воина или жизнь придворного, в то время как сам он, со всей силой честолубивой души, успешно и блестяще продвигался по избранной им карьере профессора; в отличие от Лайнеза и Сальмерона, чьи выдающиеся способности сделали их докторами философии и богословия, хотя по возрасту они были немногим больше простых молодые люди, очень непохожие по натуре на нежного Лефевра, который начал жизнь мальчиком-пастушком и навсегда сохранил пасторальную мягкость характера. В отличие от всех них, Лойола, рожденный и воспитанный солдатом и все еще верный своей профессии, отбросил все соображения вкуса, комфорта и уюта ради одной цели, которой необходимо было достичь: в течение тринадцати лет он боролся за это; и когда испытательный срок закончился, он стал заметным человеком. Согласно закону, что подобное притягивает подобное и подобное порождает подобное, его окружала компания заметных людей, немногочисленных, если посчитать их количество, но многих, если учесть типаж. Его имя было широко известно, и весьма благоприятно. Когда он платил в пять раз больше, чем зарабатывал на хлеб насущный, путешествуя по Бельгии, Руану и Лондону и собирая там несколько испанских флоринов, это событие, казалось, показывало, что он всего лишь открывал двери, здесь, там и повсюду, для своих колледжей и университетов в будущем; хотя, если они появлялись, пропорционально появлялись и противники. Но облака и бури очищают воздух. Когда они придут снова, они все равно сделают воздух чище к своему приходу. Если законы человеческого поведения последовательны в одном, они последовательны и в другом. Беспокойство приходит, но оно делает свое дело и уходит.

Месье Кретино-Жоли, популярный в наше время французский историк, говоря о событиях более позднего этапа жизни Лойолы, делает следующее наблюдение: "Лойола, - говорит он, - мог бы замечательно применить к себе пословицу, которая гласит: "Когда испанец забивает гвоздь в стену и его молоток ломается, испанец забьет гвоздь головой!" Лойола хотел добиться осуществления своей идеи любой ценой.

Теперь мы последуем за ним в Италию и Рим.

В 1537 году Рим был не совсем той роскошной столицей, которая пала от меча коннетабля Бурбонского. Вечный город, папские монархи которого с незапамятных времен оставляли запись о том, что нигде в мире они не были менее признаны как владыки, чем в своем собственном городе, подвергся очищению, которое отличалось не существенно, а только по своим последствиям, от того, что требовалось более чем в половине стран Европы. Богатство, роскошь, праздность, которые в других местах привели к полному изменению религиозной истории многих северных народов, здесь привели к катастрофе, которая отрезвила умы. И больше не исключительная поглощенность изощренной ленью мешала значительной части здешних влиятельных элементов оказывать честь Королеве европейской цивилизации, принося пользу миру.

Все дороги по-прежнему вели в Рим. Оттуда тоже все дороги расходились. По-прежнему оставалось правдой, что кто бы ни командовал этим центром, он мог дотянуться, хотя бы силой престижа, до самых дальних пределов цивилизованных владений. Что бы ни было, что этот почтенный источник власти зафрахтовал идти своим путем в силе и благословении, у него были основания видеть в дарованной таким образом привилегии благоприятное начало полезной карьеры, интеллектуальной или нравственной. Так обстоит дело и сегодня, хотя и не во временном смысле. Хартия, или конфирмация, или булла, которая выражает признание Главой

Церкви проекта, дела или института, наделяет их моральной силой, которая, естественно, превосходит все привилегии, которыми наделены самые могущественные правительства. По сравнению с ним они местные. И, не выдерживая с ним никакого сравнения в моральном плане, они не претендуют на такую власть, которая затрагивает внутреннее сознание народов.

Поэтому, когда Игнатий обратился к великому Риму, он был подобен искусному полководцу, которого он описывает в определенном месте; он овладел выгодной позицией, взяв цитадель. Правильнее было бы сказать, как утверждает вся история, что он намеревался защищать эту цитадель, Римский престол. Он почти год ждал в Венеции, чтобы осуществить свой план путешествия в Иерусалим. Война сделала это невозможным. Теперь, в соответствии с прямым условием их обета, он и его спутники отправились в Рим и предложили свои услуги духовному главе христианского мира.

Добиться одобрения нового религиозного института было нелегко; тогда еще труднее, чем когда-либо. Недавние события на Севере были вызваны, помимо других моральных причин, тем, что более поздняя история некоторых религиозных орденов, которая столетия назад начиналась так или иначе, в последнее время приняла новый и роковой оборот. И все же, несмотря на критику и враждебность, главным образом в высших кругах, Игнатий в конце концов получил одобрительное слово папы, и его Институт был утвержден буллой о конфирмации. Отныне развитие событий принадлежит всеобщей истории. Что нас беспокоит в этом утверждении плана и института Игнатия Лойолы, так это новый характер, который оно придало образованию, и эпоху, которую оно создало в интеллектуальной истории мира. Чтобы объяснить этот вопрос, мы можем кратко проследить за обсуждениями, которые проводили Отцы Церкви и в ходе которых, среди прочих выводов, они пришли к решению о восстановлении образования.

Это было четвертого мая 1539 года, за полтора года до того, как их услуги были окончательно приняты папой. Те из десяти членов, которые находились тогда в Риме, после дневных трудов предавались ночным совещаниям, которые продолжались в течение трех месяцев. Они постановили, среди прочего, что они должны обучать мальчиков и некультурных людей необходимым положениям христианского учения, по крайней мере, раз в год и в течение определенного времени. Очевидно, что этот указ не касается того среднего и высшего образования молодежи, которое является нашей темой; он также не касается начального образования, о котором нигде не говорится в Институте иезуитов. Но, как говорится в Конституции, составленной впоследствии, "эта благотворительная деятельность в богослужении с большей вероятностью будет предана забвению и выйдет из употребления, чем другие обязанности, более показательные по своему характеру, такие как проповедь" и т.д. ¹⁶

Преподавание христианского учения относится к обязанности тех, кто занимается обычной заботой о душах. Ни одну обязанность такого рода, относящуюся к обычной сфере деятельности церковного духовенства, Игнатий не считал бы характерной для своего собственного Института, за исключением этой. Он действительно был более чем готов внести свой вклад в виде личного усердия и благотворительности для содействия всем видам благожелательности и благодеяний. Лично он ценой неутомимой деятельности посеял, как хорошо замечает Дженелли, первые семена тех улучшений в общественной жизни и тех гуманных институтов, которые являются столь характерной чертой более поздних эпох. ¹⁷ Он

был подлинным благодетелем человечества в поворотный момент современной истории, которая с тех пор стала эпохой социально организованного благотворительства. Урбан VIII торжественно свидетельствует, что Игнатий организовывал дома для сирот, для оглашенных, для необеспеченных женщин; что бедные и больные, что дети, невежды и заключенные - все это было объектами его личной заботы.¹⁸ Эти дела усердия и благотворительности стали в последующие годы конкретными причинами существования различных других общин, порядок и количество которых росли. Но он не воспринял их как специфические в своем Институте; и при этом он не считал характерными что-либо в пределах компетенции обычного приходского духовенства, кроме преподавания христианского учения мальчикам и некультурным людям. Остальным он позаботился, хотя и не предусмотрел этого; готовый отказаться от них, когда для них нужно будет что-то предусмотреть.

Но он взял на себя пять работ, которые выходили за рамки обычных; и среди них есть предмет нашего исследования - Воспитание молодежи.¹⁹ Поскольку выбор всех этих специальностей для его института показывает, что взгляд командира направлен на область, где решалось множество вопросов, так, в частности, его выбор образования в качестве специальности свидетельствует о той же виртуозной мысли в институтах, которые он проектировал, в предлагаемых им масштабах и, прежде всего, в формировании его учителей.

Между совещающимися Отцами Церкви возникли разногласия относительно христианского учения. Бобадилья не согласился с тем, чтобы сделать эту работу предметом особого обета, и остальные подчинились ему. Но было единодушие по всем другим обсуждавшимся темам, включая эту, "образование молодежи, наличие колледжей при университетах".²⁰

По определению иезуитских авторов, образование молодежи означает бесплатное преподавание литературы и естественных наук, от почти первых зачатков грамматики до высшей науки Священного Богословия, причем для мальчиков и студентов всех мастей, в школах, открытых для всех.²¹ Очевидно, эти университетские мужи, участвовавшие в создании Института, считали, что, если таланты величайшего профессора с пользой расходуются на изложение серьезнейших доктрин теологии, философии и естественных наук, ни он, ни кто — либо другой не слишком велики, чтобы быть школьным учителем. , наставник и отец мальчику, переходящему от детства к возмужанию, - тому отрочеству, которое, как говорит Климент Александрийский, дает само молоко старости и от которого конституция мужчины получает свой характер и цвет лица.

Здесь необходимо отметить, что в действительности не существовало такой вещи, как государственное образование. Для этого можно кратко назвать две причины, одна из которых присуща данному вопросу, другая является историческим фактом. Внутренней и существенной причиной был священный характер образования как изначальной функции, относящейся к первичным отношениям родителей и ребенка. Государства, или организованные содружества, возникают только на третьей или четвертой ступени человеческого общества. Гораздо позже, в тот короткий промежуток времени между исчезновением Общества Иисуса и вспышкой Французской революции, были провозглашены новые теории, которые открыто провозгласил Ла Шалотэ, о голом деизме в социальной жизни и, следовательно, о секуляризации образования. Связь между деизмом и секуляризацией была разумной. Ибо, если права Бога прошли мимо совета, не было причин, по которым права родителей и детей должны оставаться. Все одинаково, личности и "души человеческие",²² вернулись в то состояние, в котором

застало их христианство; они стали движимым имуществом государства, манекенами бюро в мирное время, "пищей для пороха" на войне.

Другой причиной был исторический факт. Для всех целей благотворительности, милосердия и филантропии существовали силы, являющиеся частью нормальной религиозной жизни христианского общества в целом. Это были те же силы, которые создали христианский мир и довели его до христианского мира, те самые, которым мы обязаны сегодняшней цивилизацией. Более того. Как нет ни одного дела благотворительности или милосердия, говорит святой Фома Аквинский, которое не могло бы стать целью учреждения, религиозного мужчины или женщины, посвящающего свою жизнь служению Богу, особому служению своим ближним; так, на самом деле, было очень мало таких дел, которые не были бы вызваны каким-либо служением религиозного самопожертвования в их пользу.

Теперь, когда речь идет, в частности, об образовании, мировые державы, как и прежде, были почти полностью клерикальными или религиозными. В университетах были священнослужители и религиозные деятели. Все великие учебные заведения имели религиозный оттенок. В старых он сохранился до сих пор. Следы этого сохранились в Оксфорде и Кембридже. Церковь основала их и руководила ими. Короли защищали их. И высшим результатом их школ было Богословие в самом широком смысле этого слова, то есть тройственное знание о Боге и о человеке, отмеченном светом Божьего лика, и о природе, несущей на себе отпечаток Божьей поступи. Как это было в университетах, так и за их пределами все педагогическое влияние принадлежало религиозным людям.

Но ни одна из всех этих религиозных держав не была связана своей конституцией с такой работой по образованию, которую Лойола теперь формально и недвусмысленно считал частью своей работы. Именно на этом этапе истории образование входит в фундаментальный план Религиозного Ордена. Это факт и целая эпоха, имеющие первостепенное значение в педагогике.

Ибо, поскольку образование таким образом вошло в план религиозного ордена, оно стало призванием морального сообщества, которое, хотя и было объединено подобно другим организациям, не ограничивалось, подобно отдельным университетам, ограниченными условиями места; это было распространяющееся объединение. И так же в отношении условий времени; хотя все корпорации дают гарантию вечности, такая распространяющаяся организация, как эта, делает больше; она увеличивает гарантию пропорционально своей собственной распространяемости.

И опять же, поскольку организация, взявшая на себя работу по образованию, была религиозной и обреченной на бедность, она гарантировала, что члены организации за свой счет будут наделять эту работу тем, что является первым, существенным и самым дорогим даром среди всех остальных, — трудом, достижениями и жизнями компетентных людей, и все это безвозмездно. Это пожертвование, которое настолько существенно, к тому же настолько далеко идущее, что не требовалось бы никакого другого временного основания, если бы не то, что предметы первой необходимости и оборудование для их работы все еще необходимы живущим людям, даже если они живут в личной бедности.

Таким образом, именно тогда Игнатий взял на себя ответственность за среднее и высшее образование христианского мира, насколько требовались его услуги: он вложил в эту работу

пожертвования Религиозного ордена. Это, как показало продолжение, означало полное возрождение обучения. Лорд Бэкон свидетельствует об этом в нескольких словах, когда говорит, что иезуиты "отчасти сами по себе, а отчасти благодаря подражанию и провокационному их примеру, значительно ускорили и укрепили уровень образования".²³ Отец Дэниел кратко излагает некоторые детали. Он говорит: "Исключительно университетский режим последних столетий заменен для значительной части студентов гораздо более совершенной схоластической дисциплиной; Схоластическая философия и теология обновлены благодаря заботе о том, чтобы молодые люди не слишком рано втягивались в школьные споры; в изобразительном искусстве литература и грамматика занимают место, утраченное ими в двенадцатом веке, и, сверх того, пользуются новыми ресурсами, созданными для их использования эпохой Возрождения; все это я называю непреложным фактом в истории человеческого разума и даже в истории Церкви".²⁴

После Игнатия другие религиозные конгрегации, подкрепленные своими собственными специальными средствами для соответствующих сфер деятельности, приступили к тому же общему полю деятельности. Это были ораторианцы, варнавиты, Отцы Школ Благочестия, братья христианских школ и другие, чьи имена могут встретиться в ходе этого очерка. И для образования женщин, как низших, так и высших, возникли общины преданных религии женщин, которые открыли свои монастыри, чтобы прививать лучшую и высочайшую культуру.

Из опасения, что при выполнении этого плана и в других их начинаниях, исполненных преданности и рвения, какие-либо второстепенные намерения или результаты, касающиеся власти и должностей, могут омрачить чистоту работы и помешать достижению главной цели, те же самые люди, чье будущее под руководством такого лидера вот-вот откроется как человека, обладающего исключительным влиянием в цивилизованном мире, связали себя обетом никогда не принимать никакого сана или должности в Церкви. Естественно, они должны держаться в стороне от государственных дел. На самом деле, было бы несовместимо с их собственными целями в области литературной и научной компетентности - отдать себя на милость взглядов других людей, быть призванными на должности за пределами Института и оказаться в невозможной ситуации для достижения конкретной поставленной цели. Это тоже было бы самоубийством. Как раз тогда, когда человек был способен продолжить свой род, он был бы потерян для тела и, таким образом, стал бы неспособен распространять свой собственный тип возвышения. Кроме того, не касаясь внутренних причин духовной жизни, которые сделали желательным этот отказ от всех почестей, следует отметить очевидный факт, когда история рисует чудесную плодовитость Ордена, требующего такого высокого уровня достижений, что многие из самых избранных душ чувствовали особое влечение к такому образу жизни, который в одно и то же время удовлетворял их представлениям о христианском совершенстве и отрезал их от всех путей мирской славы.

И теперь, чтобы упомянуть в заключение еще один момент, который не менее важен для понимания образовательной истории Ордена, и для общего сознания не менее неясен, чем некоторые из уже упомянутых, был введен принцип религиозного послушания. Это было одобрено единогласным голосованием.²⁵ Отцы завершили первое обсуждение вопроса о том, следует ли им вообще создавать общество; и они приняли положительное решение **в смысле.....**²⁶ Затем вопрос перешел в эту фазу. Если бы они хотели основать сплоченное общество, они могли бы сделать это, только взяв на себя строгие обязательства. Это было не что иное, как строгое послушание.

По этому вопросу, как и по всем другим, которые были приведены в порядок, однажды они начали обсуждение с рассуждений в противоположном смысле, подготовив свой разум к тому, чтобы подчеркнуть каждое возражение, которое они могли найти против него. На следующий день они высказались в положительном смысле. Мотивы в пользу строгого повиновения получили их единодушное одобрение. Они были такими: —

Если бы эта конгрегация взяла на себя управление делами, а ее члены не подчинялись приказам, никто не мог бы нести ответственность за точное исполнение обязанностей. Если бы тело не было связано воедино послушанием, оно не смогло бы долго существовать; и все же это было их первым намерением - оставаться связанными в постоянном теле. Отсюда они пришли к выводу, что, какими бы рассеянными они ни были и уже были заняты усердным и разнообразным трудом, они должны быть объединены строгим принципом подчинения, если они хотят оставаться таким органом. Другой утверждал так: послушание порождает героизм добродетели; поскольку истинно послушный человек быстрее всего выполняет любую обязанность, возложенную на него тем, кого он считает находящимся на месте Бога и обозначающим для него Божью волю, как религиозный акт: поэтому послушание и героизм идут рука об руку.

Это рассуждение, по-видимому, подтверждается историей всех великих наций во время кризисов в их военных и других общественных делах. Но, как ясно, принципы религиозного послушания иного порядка; они находятся на более высоком плане; и они простираются гораздо дальше во времени и вечности, чем принципы послушания в других местах.

Таким образом, здесь мы в достаточной степени для настоящих целей понимаем значение и историческое местоположение этого Института. Члены организации отрезали себя от владения всей частной собственностью, добровольно взяв на себя обязательство жить в бедности, и тем самым они подготовили фонд, на котором в основном будет основываться образование, — то есть фонд, состоящий из людей, которые будут преподавать, и их услуги будут предоставляться бесплатно. Положение и достоинство в равной степени становятся недоступными из-за прямой клятвы, которую дают члены. Послушание делает организацию мобильной, как роту обученных солдат. И, если какой-либо наблюдательный ум, хорошо знакомый с ходом человеческих дел, обнаружит в этих принципах некоторые причины успеха, нормальные, привычные и закономерные, перед лицом бесчисленных препятствий и непрекращающейся враждебности, его точка зрения получит исключительное подтверждение, когда он поднимется на уровень выше и будет считать те же принципы "религиозными", неся с собой санкцию божественного поклонения; что я бы не хотел называть "энтузиазмом", а тем более "фанатизмом". Эти чувства никогда не бывают ни очень благоразумными, ни просвещенными, ни хладнокровными; они либо очень естественны, либо недолговечны. Легкая лихорадка фанатизма едва ли может привести к высоким результатам; а сильная та же лихорадка едва ли может длиться триста пятьдесят лет, все еще угрожая вечностью. Но я бы назвал это явление по своему происхождению религиозной набожностью; по своим последствиям - сверхъестественной эффективностью; и, в целом, тем, что называется благодатью призвания.

27 сентября 1540 года Общество Иисуса получило от Римского престола буллу о конфирмации, которой оно стало официальным органом Церкви. Пока писались эти страницы, наступило 27 сентября 1890 года. Триста пятьдесят лет назад была годовщина этого основания.

ГЛАВА IV. КОЛЛЕДЖИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ В КОНСТИТУЦИИ ИЕЗУИТОВ.

Письменные правила о системе образования находятся на двух стадиях развития. Первая - это та, на которой ее оставил Лойола: она дает нам общее представление. Вторая - та, в которой Aquaviva завершила ее: это представляет нам законченную картину. Аналогично, в историческом процессе управления в мире развитие происходит двояко. Он проходит свой первый курс от Лойолы до Аквавивы, пока опыт был еще предварительным. Второй курс был проведен после Aquaviva, когда, накопив опыт в его результатах, оставалось только применить утвержденную форму. С тех пор это не подлежало никаким, кроме случайных изменений, поскольку менялись времена и места. И на эти непредвиденные обстоятельства заявка оставалась четко сформулированной и всегда гибкой.

Следовательно, все, что было воплощено в *Ratio Studiorum* в завершенном виде, было результатом самого разнообразного опыта до принятия закона, опыта в жизни Ордена, длившегося более пятидесяти девяти лет. Что бы этот универсальный опыт ни дал в качестве положительного результата или применимого ко всем местам, он не был воплощен. Учителя разные; национальные обычаи различаются; народные языки разные. Что касается этих изменчивых элементов, принцип Порядка в исследованиях, в преподавании, в руководстве колледжами был таким же, как и тот, который он предлагал себе в различных других функциях практической жизни. Представитель Института формулирует максимум следующим образом: "Человек должен иметь максимально точные знания о стране, нации, городе, способах правления, нравах людей, состоянии жизни, склонностях и т.д.; И это из истории, из общения и т.д.". ²⁷ В отношении этих переменных факторов даны только общие указания. То же самое делается в отношении новых наук, которые, как чувствовалось, приближались и развивались со времен Возрождения. Последующее законодательство возникает навстречу им по мере их появления.

Пока Отцы Церкви вели те же обсуждения, на которые я ссылался в предыдущей главе, было принято решение оставить разработку Конституции в руках тех, кто должен остаться в Италии. Еще больше ограничив задачу, они решили назначить комитет из двух человек, которые должны были заняться этой работой самостоятельно и отчитываться перед остальными. Генеральная ассамблея, когда она будет созвана, издаст окончательный указ. Каким бы это ни было, те из присутствующих, кто в то время мог отсутствовать, настоящим заранее одобрили это.

Их небольшое число из десяти человек уже сократилось до шести присутствующих членов, остальные четверо были разбросаны по разным странам. Они назначили в комиссию отцов Игнатия и Иоанна Кодури. Вскоре после этого Кодури умер, а остальные были распределены по странам Европы, Африки и дальнего Востока. В последующие годы Лайнез, который некоторое время был провинциалом Италии, чаще, чем остальные, оставался в пределах досягаемости Игнатия. Таким образом, по этой причине, помимо ряда других, мы можем понять, почему Игнатий отдал такую высокую дань уважения этому выдающемуся человеку, когда он сказал, как сообщает нам Рибаденейра, что "никому из первых Отцов Общество не было обязано больше, чем Лайнесу". На что историк Саккини замечает: "Это, я полагаю, он сказал о Лайнезе

не только из-за других выдающихся заслуг столь великого человека, и, в частности, за разработку или упорядочение системы колледжей; но особенно потому, что основы, на которых в значительной степени покоится этот Порядок, были новыми и, следовательно, могли вызвать удивление; и Лайнез, обладавший обширной эрудицией, был человеком, который подтвердил их и представил общественному мнению. И то, что эта похвала была заслужена Лайнесом, покажется менее сомнительным любому, кто рассмотрит также и тот другой период, в течение которого он сам был генералом; если посчитать, сколько моментов, еще не сформировавшихся и зарождающихся в управлении Обществом, были доведены до формы и усовершенствованы Лайнесом; как широко он это пропагандировал и защищал ".28

Но вернемся к Игнатию. После десяти лет правления он собрал в Риме всех первых Отцов, каких только мог, помимо представителей всех провинций. Присутствовали сорок семь членов. Он представил им на генеральной ассамблее Конституцию в том виде, в каком она была составлена сейчас и в соответствии с которой действовала на практике в течение этих десяти лет. Присутствующие иезуиты не исчерпали числа тех, чье четкое мнение было желательным. Чтобы ни один из главных Отцов Церкви не был упущен при обсуждении, он разослал копии предлагаемого свода законов тем, кто отсутствовал. Предложениями и одобрениями, полученными от всех этих представительных людей, он все еще не был удовлетворен. Прошло еще два года, когда, воплотив в жизнь практические результаты постоянно расширяющегося опыта, он взялся за промульгацию Конституции в силу полномочий, предоставленных ему для этой цели. Но он только провозгласил правило; он еще не использовал свою власть в полной мере и не навязал ее как обязательную к исполнению. Он желал, чтобы ежедневное использование могло еще больше показать, каково это - быть испытанным среди стольких рас и наций. Таким образом, 1553 год пришел и ушел; и он ждал, пока все дело не будет пересмотрено и одобрено еще раз всем Обществом на конклаве. Его смерть наступила в 1556 году.

Два года спустя представители двенадцати провинций Ордена собрались вместе и избрали Джеймса Лейнеза преемником отца Игнатия. Изучив еще раз эту Конституцию во всех ее частях, приняв ее в целом такой, какая она есть, с абсолютным единодушием и определенной степенью почитания, они воспользовались высшей властью Ордена и подтвердили это как письменную Конституцию Общества Иисуса. В этом акте не было ничего нежелательного, даже со стороны папской власти. Тем не менее, чтобы придать ему всей полноты торжественности, они представили его Верховному понтифику Павлу IV, который передал кодекс четырем кардиналам для точной доработки. Комиссия вернула его, не изменив ни слова, с тех пор любое добавленное общее законодательство вошло в *corpus juris*, или "Институт" в целом, как дополняющее или разъясняющее "Конституцию", которая остается основополагающим документом Института.

Конституция состоит из десяти частей. Четвертая посвящена учебе. Что касается объема, то только эта четвертая часть занимает около двадцати восьми страниц из ста одиннадцати quarto в том виде, в каком она напечатана в последнем римском издании. Таким образом, законодательство об исследованиях составляет четвертую часть всего законодательства. Оно состоит из семнадцати глав. В одном из них, посвященном Методу и Порядку, который следует соблюдать при изучении Наук, основатель отмечает, что ряд пунктов "будет рассмотрен отдельно в каком-нибудь документе, одобренном Генеральным начальником". Это прямое предписание, содержащееся в Конституции, для будущего *Ratio Studiorum*, или Системы

обучения в Обществе Иисуса. Тем временем он издает законы более общего характера. И он начинает с предмета, который ему чрезвычайно дорог, - долга благодарности. Поскольку корпорации печально известны своей забывчивостью и, следовательно, неблагодарностью, он в первую очередь указывает на постоянную обязанность Ордена по отношению к благотворителям: затем он переходит к другим темам. Они стоят так:—

Основатели колледжей; и Благотворители. Временные сотрудники колледжей. Студенты или схоласты, принадлежащие к Обществу. Забота, которую следует проявлять о них во время их учебы. Знания, которые они должны приобрести. Помощь, которая будет оказана им различными способами, чтобы обеспечить их успех в учебе. Школы при колледжах Общества, то есть для внешних студентов, не принадлежащих к Ордену. Продвижение схоластов, принадлежащих к Ордену, в различных искусствах, которые могут сделать их полезными своим Ближним. Отстранение их от учебы. Управление колледжами. О принятии контроля университетов в Общество. Науки, которые будут преподаваться в университетах Общества. Метод и порядок, которые следует соблюдать при изучении вышеупомянутых наук. Книги, которые будут выбраны в качестве стандартов. Курсы и степени. Что касается хорошей морали. Чиновники и ассистенты в университетах.

Оставляя педагогические пояснения для следующей части этого эссе, я обрисую здесь некоторые из более общих идей, пронизывающих все законодательство Игнатия Лойолы; и, во-первых, в настоящей главе я начну с его идеи о колледжах.

Выбрав личную бедность в качестве основы для осуществления этого масштабного образовательного проекта, он, следовательно, не имел в виду заниматься дорогостоящими делами усердия, не имея средств для покрытия расходов. Очевидно, что одно дело не иметь средств как личной собственности и, следовательно, не потреблять их самостоятельно; совсем другое - иметь их и использовать на благо других. Самые самоотверженные люди могут использовать средства на благо других; и могут делать это тем лучше, чем больше они отказывают себе. Именно в этом смысле позже в том же столетии кардинал Аллен признал труды и нужды английского иезуита Роберта Парсонса, который был начальником и компаньоном Эдмунда Кампиана, бывшего ведущей звездой Оксфорда, а последнего - также выпускником Оксфорда и, как называл его лорд Берли, "бриллиантом" Англии. Поскольку королева Елизавета не была настолько великодушна, чтобы предоставить иезуитам небольшое помещение для строительства на английской земле, но предпочла предоставить им убежище в Тайберне, Парсонс был занят основанием английских высших учебных заведений во Франции и Испании, в Вальядолиде, Севилье, Лиссабоне, ЕС и Сент-Омере. Кардинал Аллен отправил письмо в "Конструктивный иезуит", написав при этом: "Мужи-апостолы должны не только презирать деньги; они также должны иметь их". И именно в этом смысле сам Игнатий был философом, не принадлежащим к утопической школе. Таким образом, мы можем с пользой изучить материальные и временные условия, необходимые в его Институте для создания государственных школ и университетов. Я постараюсь свести эти принципы воедино и привести их в порядок.²⁹

Во-первых, должно быть место, обеспеченное зданиями и доходами, не просто достаточными в настоящее время, но и имеющими отношение к необходимому развитию.

Во-вторых, эти материальные условия включают ссылку на содержание профессорско-преподавательского состава. Должны быть предоставлены средства для удовлетворения

повседневных потребностей действующих Профессоров при соответствующей помощи братьев-мирян, принадлежащих к Ордену; также для содержания нескольких заместителей Профессоров; кроме того, для продолжения образования людей, которые займут места нынешних Профессоров, и, таким образом, поддерживать факультет как постоянный; более того, "обеспечить еще нескольких студентов-схоластов Ордена, видя, что так много людей заняты служением и продвижением общего блага". Эти условия также включают "церковь для совершения духовного служения другим".³⁰

Реализуя эту идею, Лайнез в 1564 году обнародовал правило или "Форму, касающуюся приема в колледжи". Он изложил условия, на которых только Общество взяло бы на себя руководство либо латинской школой, требующей основания для двадцати иезуитов; либо Лицеем на пятьдесят человек; либо Университетом на семьдесят.³¹ Двадцать четыре года спустя отец Аквавива составил более полную и окончательную "Форму", распределив колледжи на три класса: низший, средний и высший. Низший должен иметь средства для преподавания на факультетах грамматики, гуманитарных наук, риторики, языков и курса нравственного богословия; — необходимо содержать пятьдесят иезуитов. Средний класс колледжей состоит из тех, основатели которых желают, в дополнение ко всем вышеупомянутым факультетам, проводить трехгодичный курс философии, который начинается каждый год заново; требуется поддержка восьмидесяти человек. Высший класс - это Studium Generale, или Университет, в котором, помимо вышеперечисленного, преподаются схоластическая теология, Священное Писание, иврит; необходимо обеспечить сто двадцать человек. Однако страны Индии, а также северные страны Европы в настоящее время не подпадают под действие этого постановления.³²

В-третьих, местность должна быть такой, чтобы при обычном ходе событий не было предполагаемой вероятности нехватки студентов, притом подходящих. Как со стороны иезуитской провинции ее образовательные силы поддерживаются по крайней мере на уровне должностей, которые она обязалась заполнить, так и со стороны населения перспектива должна соответствовать этому начинанию и давать гарантию заполнения курсов. Следовательно, Игнатий рассматривал возможность основания колледжей только в более крупных городах; как говорится в дистихе, противопоставляющем различные сферы деятельности, выбранные разными орденами Церкви: —

Bernardus valles, montes Benedictus amabat,
Oppida Franciscus, magnas Ignatius urbes.

То есть "монахи Клерво любили свои долины; бенедиктинцы - горные вершины; францисканцы - сельские поселки; Игнатий - большие города".

Это было тем более очевидной его идеей, что мы видим, как он неохотно давал разрешение на поездки священников по стране, если из-за этого могло пострадать влияние Отцов Церкви в большом городе. Он пишет отцу Кесселю, ректору Кельна, где у Общества еще не было собственного колледжа, что "в сложившихся обстоятельствах он одобряет короткую экскурсию Кесселя по провинции, при условии, что он и его товарищи не будут надолго отсутствовать в городе и не пожертвуют главным ради второстепенного; но он не разрешает им переезжать за пределы города, потому что менее важные места предоставляют меньше возможностей собрать желанные плоды: и, кроме того, они не должны покидать столь знаменитый университет; их

усилия будут более полезны для блага общества". религии, подготавливая ученых к тому, чтобы они стали священниками и должностными лицами государства, чем все те страдания, которые они могут причинить маленьким городам и деревням".³³ Опять же, когда в 1547 году он принял пожертвование церкви, зданий и садов в Тиволи от Луиса Мендосы, он обнаружил, что это место не подходит для удобства ученых; это было слишком близко к Риму и в то же время слишком далеко; впоследствии учреждение пришлось перенести в черту города".³⁴

В-четвертых, в дополнение к этим материальным и местным условиям для нормального функционирования колледжей, предполагается, что внешние отношения политического общества настолько благоприятны, что, по крайней мере, допускают свободу действий со стороны этого учебного заведения. Такая терпимость, как правило, была не только наименьшим, о чем можно было просить, но и максимальным, что доставляло удовольствие.

Это главные условия, материальные и временные, которых требует Игнатий. Они дают ему основу для начала его работы и позволяют задействовать движущие принципы его Института. Оживляющие принципы, на которые я ссылаюсь, могут быть сведены к трем кратким разделам: во-первых, интеллектуальные и моральные рамки, четко определенные, как я объясню в следующих главах. Во-вторых, отчетливое намерение продвигать скорее интересы общественного и вселенского порядка и просвещения, чем простое местное благо какого-либо города, страны, провинции. В-третьих, тенденция в самом интеллектуальном учреждении становиться скорее великим, чем маленьким, с большим количеством степеней обучения, все большим количеством выдающихся профессоров, большим числом ученых правильного типа.³⁵

Что касается сил, имеющихся для всего этого, и доли колледжей, которые должны быть укомплектованы на постоянной основе, то мнение Игнатия было наиболее ясным и день ото дня становилось все более твердым. "Скрой свой плащ в соответствии с твоей тканью", - сказал он Оливеру Манаре, когда последний, собираясь основать колледж в Лоретто, спросил, как ему распределить своих людей. Игнатий предпочитал отказывать князьям и епископам в их просьбах, ссылаясь на ограниченность ресурсов, чем ставить под угрозу репутацию Общества опрометчивым согласием.³⁶ И он сказал, как сообщает нам его секретарь Поланко, что "если что-то и должно было заставить его пожелать прожить дольше, так это то, что он мог быть суровым при приеме мужчин в Орден".³⁷ Он не хотел иметь в Обществе много членов; еще меньше - слишком много обязательств.

Изложив таким образом вкратце материальные условия, которых требовал Игнатий, и движущие принципы или мотивы, которые его определяли, мы можем более отчетливо различить центральный объект его внимания, то, для чего были созданы материальные условия, то, с помощью чего должны были быть достигнуты конечные цели. Это был преподавательский корпус, факультет, "Колледж", правильно так называемый. "Колледж" - это группа преподавателей, которых направляли в определенное место. Для них материальные условия лишь обеспечивали местное жилье, средства к существованию, книги, аппаратуру. Самый первый указ, цитируемый Пахтлером, принятый первой генеральной ассамблеей, использует термин "Колледж" в этом смысле: "Ни один колледж не должен быть *направлен* ни в какое место" и т.д.³⁸

Только исходя из этого значения, термин применяется к зданиям и назначениям. Учреждение создается группой людей. Именно это также делает институт бессрочным; и, следовательно, он

сам должен быть таким; и должны быть обеспечены материальные условия для продолжения его существования посредством постоянного притока молодых людей, находящихся в стадии формирования, которые будут продолжать ту же работу.

Идеальной концепцией практической жизни было бы искать добродетельных и эрудированных людей, *virī boni simul et eruditi*, как называет их Игнатий, постоянно поступающих в Орден прямо с университетских кафедр, с бенефиций и постов, дающих отдых; и, уже вооруженные полным набором интеллектуальных и моральных дарований, отныне представлять себя и свои услуги, под видом абсолютной бедности, городам, провинциям и странам, которые никогда не имели никакого отношения к их образованию. "Этих людей, - говорит Игнатий, - оказалось немного, и из этих немногих большинство предпочло бы отдохнуть после стольких уже перенесенных трудов. Мы опасаемся, что этому Обществу будет трудно расти, опираясь только на силу тех, кто уже является хорошим и состоявшимся, *boni simul ac literati*; и это по двум причинам: огромные усилия, налагаемые таким образом жизни, и необходимость в великом самоотречении. Следовательно, ... нам показался целесообразным принять другой способ: принимать молодых людей, которые своей хорошей жизнью и своими талантами дают нам основание надеяться, что они вырастут в добродетельных и образованных людей, *in probos simul ac doctos viros*; принимать также колледжи на тех условиях, которые изложены в апостольских записках, независимо от того, находятся ли эти колледжи при университетах или независимы: и, если в университетах, то находятся ли сами эти учреждения на попечении Общества или нет.... Поэтому сначала мы будем говорить о колледжах, затем об университетах" и т.д.³⁹

Никогда не было недостатка в людях первого сорта, уже состоявшихся и испытанных добродетелей, которые предлагали себя для этого служения всей своей жизни. Примечательное свидетельство их численности можно найти в споре с Филиппом II Испанским, который возражал против того, чтобы какие-либо денежные средства уходили из иезуитских провинций его королевства на обслуживание великой центральной коллегии в Риме; и это несмотря на то, что там содержались и формировались испанские члены. Генеральная ассамблея, собравшаяся в Риме в 1565 году, обсудила эту трудность; и одно из упомянутых обстоятельств заключалось в следующем: "Провинции Испании не нуждались в помощи Римского колледжа так сильно, как другие; поскольку многие вступали в Общество уже зрелыми по возрасту и преуспевшими в учебе, так что их можно было сразу же использовать на государственных должностях; их также не нужно было учить, но они могли учить других.... Наконец, было рекомендовано, чтобы для уменьшения бремени расходов Римского колледжа и для того, чтобы меньше схоластов нуждалось в вызове в Рим, каждая провинция при первой возможности организовала общий университет; тем более что студентов (членов Ордена) и, кроме того, профессоров уже было достаточно".⁴⁰ Это произошло всего через двадцать шесть лет после основания Общества.

Но, даже несмотря на все преимущества, исходящие от этих уже сформированных больших контингентов ученых людей, идея Игнатия обучать молодых людей внутри Ордена была более практичной для формирования способностей; и это значительно повысило общую эффективность. Какими бы сильными и действенными ни были наиболее ярко выраженные личности, когда каждый выдающийся персонаж выходит вперед на открытое поле боя и прокладывает путь, они не более могущественны, чем когда также квалифицированы для того, чтобы двигаться ровным и регулярным маршем обученных войск. Отец Монморанси, имея в

виду силу, исходящую от единообразия, общительности и гармонии, сказал: *Homo unus, homo nullus*: "Человек в одиночку так же хорош, как и вообще без людей".

Таким образом, Игнатий, имея в виду постоянство и развитие, а следовательно, постоянное и целенаправленное развитие талантливых и добродетельных молодых людей, не стал бы принимать фонды, кроме как на основе только что описанных дарований. Уроки Барселоны, Алькалы, Саламанки и Парижа не прошли для него даром. Насколько мудро он действовал, показывают проблемы, которые вскрыло более позднее законодательство именно по этому вопросу о недостаточно обеспеченных колледжах. Вопросы о малообеспеченных колледжах, маленьких колледжах, слишком большом количестве колледжей для вооруженных сил провинции - все это превосходно обсуждается и решается на генеральной ассамблее, которая в 1565 году избрала Фрэнсиса Борджиа преемником Лайнеза. И "в тот же день, - говорит Саккини, - отцы подали пример соблюдения декрета, который они только что издали, с той же степенью строгости, с какой они его издавали; поскольку после прочтения писем нескольких епископов и муниципалитетов, в которых предлагалось основать пять колледжей, они решили, что ни один из них не должен быть принят; и, кроме того, они предоставили новому генералу все полномочия распустить некоторые уже существующие колледжи".⁴¹ Подобным образом это было темой элегантного извинения, произнесенного перед королем Стефаном отцом Кампано, провинциалом Польши, который просил королю следует воздержаться от призывов к Обществу расширять его институты.⁴²

Плата за обучение, выплачиваемая ученым профессору или учебному заведению, нигде не рассматривалась. В Дижоне, где Боссюэ впоследствии был учеником, магистраты, предлагая колледж в 1603 году, пожелали дополнить недостаточный фонд, потребовав плату от студентов. От имени Ордена отец Котон, королевский духовник, выразил протест; и сам Генрих IV написал в парламент Бургундии, желая, чтобы было заключено иное соглашение; что, соответственно, и было сделано.⁴³ Средства фонда всегда должны были поступать как безвозмездное пожертвование, за которое Орден должен был быть неизменно благодарен. В свою очередь, с тех пор она давала безвозмездно и не допускала никакого вознаграждения. "Нельзя допускать никаких обязательств или условий, которые могли бы нарушить целостность нашего принципа, который заключается в том, чтобы безвозмездно отдавать то, что мы получили безвозмездно".⁴⁴

Таким образом, создается компетентный и постоянный факультет. Он не отличается принужденностью. Профессора и схоласты одинаково работают ради определенной цели. Это "колледж" в смысле Общества Иисуса. И все же, если существует не праздная принужденность, а жизнь, полная труда и самоотречения, то было обнаружено, что система приводит ко всем последствиям, которые можно ожидать от литературной "непринужденности с достоинством"; и, возможно, к большему, поскольку никто не делает больше, чем тот, кто в своей области имеет столько, сколько он может хорошо сделать, и делает хорошо. Система и метод, великие средства для того, чтобы разнообразить время, становятся абсолютно необходимыми; а единство намерения в религиозной жизни усиливает результаты. Затем, после получения общего образования, в ходе последовательного семилетнего или девятилетнего высшего обучения в Ордене, план Игнатия оставляет открытой для индивидуальных талантов всю область специальностей в области науки и литературы. Следовательно, говоря о наших днях, Секки или Перри посвящают себя астрономии, Гаруччи - археологии, Штрассмейер - восточным надписям, Де Бакеры и Зоммервогель - библиографии,

другие - филологии, математике и естественным наукам; в то время как пятьсот с лишним писателей следуют своим собственным склонностям либо ради какой-то непосредственно полезной цели, либо потому, что их занятие само по себе либерально.

ГЛАВА V. ОСНОВАННЫЕ И ФИНАНСИРУЕМЫЕ КОЛЛЕДЖИ.

Какой была реакция христианского мира, когда он осознал природу этой новой силы в своей среде и предложение, которое сделала новая власть? К какому выводу пришел ответ в виде предоставления необходимых и достаточных временных возможностей? Достаточно странно! Собственная короткая официальная жизнь Лойолы в пятнадцать лет, по-видимому, не была слишком короткой для того, чтобы пробудить мир своей идеей; которая, подобно обоюдоострому мечу его собственного изготовления, не только вызывала сильнейшее сопротивление при каждом его нападении и каждом последующем шаге, но и открывала бесчисленные ресурсы в апостольских, благотворительных и образовательных резервах человеческой природы.

Этот человек, который включил в подлинную формулу и устав своего Института лозунг своих движений "Защита и наступление"; который сделал весь мир полем своих действий, защищая и продвигаясь; этот кавалер нового военного типа, которому стоило только показаться на поле боя, чтобы собрать вокруг себя цвет юности, а также зрелого возраста, окончивших колледжи и университеты, занявших докторские кафедры и княжеский трон, оставил после себя, в результате пятнадцатилетнего труда с момента основания Ордена, около сотни колледжей и пансионов, распределенных по двенадцати провинциям. Территориальные подразделения были названы в честь их главных центров - провинций Португалии, Кастилии, Андалусии, Арагона, Италии, Неаполя, Сицилии, Верхней Германии, Нижней Германии, Франции, Бразилии и Ост-Индии. Люди, подчинявшиеся его приказам, наводнили Ирландию, проникли в Шотландию, в Конго, Абиссинию и Эфиопию. Ост-Индия, которую Фрэнсис Ксаверий впервые пересек либо пешком, либо на немореходных судах, обозначала целую полосу стран от Гоа и Цейлона на Западе до Малакки, Японии и побережья Китая на Востоке. Отчасти эту деятельность можно было бы приписать исключительно апостольскому рвению, если бы не то, что, где бы лидеры ни продвигались в сердце новой страны, это всегда было сделано с целью и, как правило, с результатом, чтобы страна была занята образовательными учреждениями. Де Бакер отмечает это в другой связи, когда в предисловии к своему великому библиографическому труду "Библиотека писателей Общества Иисуса" он говорит: "Куда бы ни ступала нога иезуита, где бы ни основывались дом, колледж, миссия, там также появлялись апостолы другого класса, которые трудились, которые учили, которые писали".⁴⁵

Что это означает с точки зрения его стратегической ценности, нам объяснять не нужно. Герцог Пармский в письме Филиппу II Испанскому, отправленном в 1580 году с места военных действий в Нидерландах, писал: "Ваше величество пожелали, чтобы я построил цитадель в Местрихте; я думал, что колледж иезуитов был бы крепостью, которая с большей вероятностью защитит жителей от врагов Алтаря и Трона. Я построил его".⁴⁶

Шестьдесят лет спустя, после долгого правления Аквавивы, который в течение 34 лет управлял Орденом со способностями другого Игнатия, число колледжей достигло 372. Вполне мог бы его непосредственный преемник Муций Вителлески, обращаясь ко всему Обществу с письмом о воспитании молодежи, говорить о "прекрасной и драгоценной золотой массе, которую мы должны сформировать и закончить в наших руках".⁴⁷

Через сто пятьдесят лет после смерти Игнатия в учебных заведениях колледжей и университетов насчитывалось 769 человек. Двести лет спустя после той же даты, когда Орден был на грани всеобщего подавления, под натиском университетских деятелей, парламентариев, янсенистов, философов и того нового движения, которое готовило Революцию, число иезуитских учебных заведений достигло цифры 728. Колледжи охватывали почти весь мир, распределенные по 39 провинциям, не считая 172 миссий в менее организованных регионах земного шара.⁴⁸

Если мы посмотрим на эти 700 учреждений среднего и высшего образования с точки зрения их конституции, то есть их масштабов, их системы, высшей законодательной и исполнительной власти, которые их характеризовали, мы обнаружим, что они представляли собой не столько множество учреждений, сколько одно. Возьмем только 92 колледжа Франции.⁴⁹ В каком-то смысле их можно считать менее объединенными, чем 50 колледжей Парижского университета, поскольку Парижский университет находился в одном квартале города, что обеспечивает материальное единство; они, напротив, были разбросаны по всей Франции, представляя характеристики "национального" образования; точно так же, как 700 колледжей были разбросаны по всему миру, представляя космополитическую систему. Но, рассматриваемые в их формальной и существенной связи, они были гораздо большим объединением, как идентичная образовательная сила, чем любой существующий факультет. Ни один факультет, будь то в Париже или Саламанке, Риме или Оксфорде, никогда не обладал таким контролем над своими 50, 20 или даже 8 колледжами, который каждый провинциальный настоятель осуществлял над своими 10, 20 или 30, а Генеральный - над более чем 700, с 22 126 членами Ордена. В одном генерале заключалась сила активного руководства; от него исходила факультативная власть присуждения ученых степеней; и в его ведении была единая система обучения и дисциплины, которой он мог управлять с широтой усмотрения в зависимости от времени, места и обстоятельств.

Что касается количества студентов и общей оценки, которую следует составить о них, я запишу те данные, которые попадутся на глаза, одновременно быстро просматривая литературу по предмету.

В Риме в 20 колледжах, посещавших занятия Римского колледжа, в 1584 году насчитывалось 2108 студентов. Отец Ардженто в своей апологии перед Штатами в Клаузенбурге в 1607 году упоминает, что школы в Трансильвании посещал цвет дворянства; а в своей "Истории польских дел", посвященной Сигизмунду III, он свидетельствует, что от 8000 до 10 000 молодых людей, в основном из знати и мелкопоместных, часто посещали гимназии ордена в Польше. В Руане, во Франции, их регулярно было 2000. За столетие в Ла Флеше обучалось 1700 человек; 300 были пансионерами, остальные 1400 нашли жилье в деревне, но всегда оставались под присмотром профессорско-преподавательского состава. На протяжении семнадцатого века численность студентов колледжа Луи-ле-Гран в Париже колебалась между 2000, 1827 и 3000; в том числе, в последнем случае, 550 пансионеров. В 1627 году, всего через несколько лет после

восстановления Общества Генрихом IV, в одной провинции Парижа в 14 колледжах обучалось 13 195 студентов, что в среднем составляло почти 1000 человек на колледж. Кельн почти начинался с 800 студентов — его число увеличилось в 1558 году. В Дилингене в 1607 году было 760 человек; в его *convictus* 110 воспитанников были религиозными, помимо других священнослужителей; в следующем году из 250 осужденных или пансионеров 118 были религиозными различных орденов, при этом светское духовенство было представлено среди студентов в целом. В Утрехте в течение первого столетия существования Ордена насчитывалось 1000 ученых; в Антверпене и Брюсселе по 600; в большинстве бельгийских колледжей - по 300. Что касается Испании и Италии, которые впервые увидели, как Общество возникло в их среде и распространилось повсюду с огромной энергией, я считаю излишним останавливаться на них особо.

Во многих столицах и важных центрах Европы существовали отдельные колледжи для знати. В других местах дворянство смешивалось с остальными; таким образом, 400 дворян и более посещали иезуитские школы в Париже. Орден старательно стремился устранить в вопросах образования все отличительные знаки или привилегии. Так, в 1610 году отец Бью пытается свести практику в Дилингене к обычаям других колледжей провинции Верхняя Германия.⁵⁰

Большинство папских семинарий, основанных Григорием XIII в Вене, Дилингене, Фульде, Праге, Граце, Ольмюце, Вильне, а также в Японии и других странах, были переданы под руководство Общества; как это сделал Пий IV со своей Римской семинарией; и святой Карл Борромео с Миланской.

Не зная, каким на самом деле был абсолютный средний показатель в этих 700 учебных заведениях, мы все же можем составить некоторое представление о том, каким должно было быть общее количество студентов при самом низком показателе. Для этой цели мы можем взять среднее значение, которое кажется примерно минимально возможным. Я не встречал ни одного четкого упоминания о колледже, в котором обучается менее 300 человек. В генеральных ассамблеях действительно часто звучат жалобы на то, что называют "маленькими" колледжами. Однако из многочисленных указаний, как, например, из Энциклики генерала Пола Оливы,⁵¹ кажется очевидным, что эти колледжи назывались маленькими, в первую очередь, не из-за недостаточного количества студентов, а из-за недостаточных фондов, которые не поддерживали фактически нанятых профессоров. В документе для ректоров отмечается, что "до сих пор почти все колледжи, даже те, которые получили пожертвования, регулярно испытывают нужду и вынуждены часто занимать деньги".⁵²

Следовательно, нам может быть разрешено принять, в среднем, 300 студентов в колледж. Сразу же мы получаем в общей сложности более 200 000 студентов этих колледжей и университетов, все они были сформированы на определенную дату в рамках одной системы обучения и управления, интеллектуальной и нравственной.

Если статистика в той красивой табличной форме, которая радует современные бюро, подвела нас, когда мы объезжали весь мир в поисках расшифровки показаний, есть еще один взгляд, который мы можем уловить на тот же предмет, и не менее ценный. Этот образовательный рост распространился на множество наций. В Гоа, в Индостане, в семинарии, которая не уступала ни одной в Европе, обучались брахманы, персы, арабы, эфиопы, армяне, халдеи, малабарцы, кананории, гузараты, дакании и другие из стран за Ганга. В Японии были свои колледжи в Фунаи, Ариме, Анзуцзане и Нангасаки. В Китае был колледж в Макао, а позже и многие другие,

проникшие во внутренние районы страны, где Отцы стали высшими мандаринами на службе императора и построили его обсерваторию. К концу восемнадцатого века в Центральной и Южной Америке процветало большое количество колледжей. Все они исчезли, когда Орден был подавлен. Молодежь, которая могла позволить себе получить необходимое образование, отправилась в Европу, откуда вернулась поколением, совершенно отличным от того, о котором было известно раньше. Они вернулись с принципами Революции. И с этой даты вся история Центральной и Южной Америки превратилась в серию революций, которые по сей день являются неизменным чудом для политологов.

Чтобы получить наглядное представление о том, как этот образовательный орден выглядел на карте мира, можно заглянуть в девятый том *Monumenta Germaniae Pædagogica*. Здесь отец Пахтлер, как и в других своих томах серии, делает наброски только немецкой "Помощи" Обществу Иисуса. Пять вспомогательных подразделений Ордена служили целям правительства, объединяя многие провинции в более крупные подразделения. В 1725 году Немецкое вспомогательное подразделение включало девять из тридцати двух провинций. Девять, о которых идет речь, принадлежат Фландро-Бельгии, Французской Бельгии, Нижнему Рейну, Верхнему Рейну, Верхней Германии, Богемии, Австрии, Польше, Литве. Карта в конце книги отца Пахтлера представляет всю эту страну, с городами, отмеченными по-разному, в зависимости от того, находились ли в них либо университеты Ордена, либо колледжи, либо *convictus*, то есть колледжи-интернаты, или семинарии, или резиденции. Хронологический порядок их возникновения представлен в таблице в начале того же тома с примечанием, указывающим более конкретно степень или размах каждого из них, как *Studium Generale*, иначе называемого Университетом или Академией, колледжем или гимназией, а также приложения к каждому в виде одного или нескольких *convictus*, одной или нескольких епископальных или папских семинарий, колледжа знати, *convictus* для бедных ученых. С помощью этой карты обеспечивается графическое представление одного Вспомогательного средства, на основе которого, при надлежащем расширении, воображению может быть представлен весь мир. В 1750 году в пределах этой карты насчитывалось 217 колледжей, 55 семинарий, 73 резиденции, 24 послушничества, 160 миссий, 6 домов исповеди.⁵³

Упомянутые здесь университеты, иначе называемые *Генеральными студиями*, или Академиями, довольно типичны, представляют собой особую иезуитскую разработку средневекового стиля. Точный и официальный бланк, составленный для Университета Граца, можно найти в том же *Памятнике*.⁵⁴ Как отмечает отец Пахтлер, он с первого взгляда показывает внутреннюю работу иезуитского университета и общую систему, господствующую во всем Обществе. He entitles the document: "*Ordnung einer ausschlieschlich von Jesuiten geleiteten Universität*," or "*Einer selbständige Universität, 1658*." Латинское название: "*Forma et Ratio Gubernandi Academies et Studia Generalia S. J.*" Это был сборник отца Джона Ардженто.

Исходя из объема проделанной работы, а также ее внутреннего характера, показанного результатами, я собирался сделать некоторые выводы относительно объема временных пожертвований, которые, должно быть, требовались для поддержки такой обширной организации и, должно быть, были предоставлены Ордену христианским миром. Можно было бы сравнить проделанную работу с тем, чего достигает Оксфорд; и, видя, что последний университет предоставляет средства для получения высшего образования, и далеко не безвозмездно, всего паре тысяч представителей знати и джентри, тогда, поскольку он тратит на

это годовой доход в размере 2 500 000 долларов, сколько потребуется для обучения четверти миллиона студентов? Наши арифметики чувствовали бы себя подавленными этими расчетами.

Но в таком расчете нет необходимости. Совершенно очевидно, что религиозная бедность дала ключ к ситуации — бедность, самоотречение, отказ от всех мирских соображений в жизни людьми, у которых не было семей, которые нужно было обеспечивать, не было положения, которое можно было бы приобрести; которые сами отказались от любого положения, от положения священнослужителя, или либеральной и военной карьеры, до герцогских корон, княжеств и даже королевской семьи; следовательно, людьми, которые сами по себе давали миру необходимый дар образования, и которым нужно было только дополнить это немногими мирскими потребностями. все еще остающийся. И вывод, который следует сделать, по-видимому, таков. Христианский мир, будь то правитель или народ, республика или муниципалитет, делал безопасные и прибыльные инвестиции, будь то дома или за границей, посреди цивилизации или варварства, когда он предоставлял абсолютное использование достаточных временных возможностей всемирной способности, вдохновляемой чувством религиозной преданности.

Ибо какова цель любого религиозного общества вообще? Она состоит в том, чтобы дополнить в каждом из своих членов обязанности человека, гражданина и христианина другими обязанностями, называемыми "религиозными", которые, соотнося их с первыми, тем не менее отличаются от них. Это обязанности, которые предполагают моральные добродетели, гражданские и христианские добродетели, и стремятся дополнить их высшими качествами, к которым стремится совершенное христианство, качества самоотдачи и религиозного самопожертвования.

Отсюда и переживания, превращающие драму в трагедию, когда Общество внезапно исчезало. Предположим даже, что можно было бы найти достаточное количество компетентных людей со всеми личными требованиями, чтобы заполнить образовавшийся пробел, как быть с их зарплатой и поддержкой? Возьмем пример. Доходов, которых в Бурже хватало на содержание тридцати иезуитов, после упразднения Ордена оказалось недостаточно для выплаты адекватной компенсации десяти светским профессорам.⁵⁵ Фредерик II Прусский, посылая агента для переговоров с Пием VI о сохранении Ордена в своих Штатах, так выражается в письме Вольтеру: "Самое верное средство (увековечить череду профессоров) - это сохранить семинарию, состоящую из людей, предназначенных преподавать. В изучении естественных наук они подходят для должности инструктора. Было бы нелегкой задачей мгновенно заполнить вакансию, оставленную опытным профессором. Если образование обычных граждан необходимо, подготовка инструкторов должна быть не менее важной ". И затем, переходя к рассматриваемому нами вопросу, король продолжает: "Кроме того, существуют экономические причины предпочесть такую группу людей простым светским людям. Профессор, взятый из последнего класса, будет стоить дороже, потому что у него больше желаний. Излишне отмечать, что имущества иезуитов было бы недостаточно для вознаграждения их преемников; и что доходы, которые переходят в ведение правительства, всегда уменьшаются".⁵⁶ Говоря о Ганганелли, папе Клименту XIII, на которого оказывали давление с разных сторон, чтобы заставить его упразднить Орден, Фредерик пишет Вольтеру в 1770 году: "Что касается меня, у меня нет причин жаловаться на него; он оставляет мне моих дорогих иезуитов, которых они повсюду преследуют. Я сохраню драгоценное семя, чтобы однажды отдать часть его тем, кто захочет вырастить столь редкое растение".⁵⁷

Свидетельства документов единодушны в отношении бедности этих людей, которыми восхищаются протестантские историки, такие как Гроций, Робертсон и другие, из-за авторитета, которым они обладали в мире, из-за чистоты их жизни, их успехов в преподавании и их искусства мудро командовать, поскольку они сами преданно подчинялись. Их жизнь была полна стесненных обстоятельств и самоотречения. Мы можем увидеть это на примере Дилингена.⁵⁸ Или, опять же, в большом королевском колледже, основанном Генрихом IV в Ла Флеше, где триста пансионеров должны были сами оплачивать свои расходы в качестве пансионеров, мы находим Людовика XIII, издающего королевский указ, согласно которому его магистраты должны преследовать "*rétardataires et les récalcitrants part toutes les voyes raisonnables*", лиц, которые не оплачивали расходы своих собственных детей, но оставили это интересное занятие колледжу. При всем том, говорит Рошмонт, из этого ничего не вышло - ни королевских предписаний, ни судебных исков; все шло по-прежнему, "родители плохо платили, а казначеи сокращались".⁵⁹

Я завершу эту главу одним случаем, потому что он служит для того, чтобы подчеркнуть конкретное продолжение Подавления, а именно возрождение платы за обучение. Недавний автор, писавший в 1890 году, рассказывает историю колледжа Сент-Ив в Ванне, в Бретани. Он оценивает его доходы в 6000 ливров. Переданный в руки Ордена, этот колледж в 1636 году, то есть через семь лет после того, как Общество взяло на себя руководство, принял 400 студентов, позже - 900, а затем 1200. В 1762 году факультет состоял из тринадцати человек, не считая четырех отцов, занятых в соседнем доме уединения. Все они оказывали различные услуги, как это обычно бывает в колледже инструкторов-иезуитов. К ним мы должны добавить необходимый состав профессорско-преподавательского состава, по крайней мере, вдвое больше помощников-мирян, принадлежащих к Ордену и к тому же местному сообществу. Итак, здесь по меньшей мере двадцать два человека, живущих на 6000 ливров в год; и тем временем они обеспечивают свой дом, свою библиотеку, свой физический кабинет, который был полностью оснащен всеми необходимыми инструментами, и свою обсерваторию.⁶⁰ "Сразу после Подавления, - продолжает он, - это было совсем другое дело! Одно только жалованье десяти светских профессоров обходится в 11 000 ливров!" Автор приводит список их жалованья. "Чтобы восстановить равновесие, одним из первых актов парламента было взимание с каждого ученого платы за обучение в размере двенадцати ливров; и все же они жаловались, что не могут свести концы с концами".

Заметьте, плата за обучение! На следующий день после Подавления они начинают сводить на нет ту самую работу, которую двести тридцать лет назад Орден начал выполнять при своем рождении, распространяя образование безвозмездно, не привлекая учеников и не используя государственную казну.

Генерал Винсент Караффа вполне мог бы сказать во время Тридцатилетней войны: "У нас больше людей, чем доходов". И он говорит это на том же дыхании и в том же предложении, в котором он просит священников посвятить себя на всю жизнь работе по обучению низших ветвей, работе, которую он называет кропотливой, во времена, которые он называет катастрофическими, и в обстоятельствах, которые он описывает как отсутствие средств к существованию.⁶¹

Этот краткий очерк покажет, как христианский мир действительно откликнулся на предложение Ордена и основал семьсот колледжей. Но это также показывает, как Орден одарил мир и даже должен был своим личным героизмом исправить недостатки во многих основах.

ГЛАВА VI. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ОХВАТ И ПРЕДЛАГАЕМЫЙ МЕТОД.

Поскольку вторая часть этой книги задумана как педагогический анализ прививаемой ментальной культуры, мне нет необходимости описывать здесь, кроме как в общих чертах, интеллектуальный размах, предложенный Игнатием Лойолой, и метод, который он разработал. Как объем, так и метод несколько различаются в зависимости от того, являются ли рассматриваемые студенты соответственно внешними по отношению к Ордену или его членами. Последние должны быть квалифицированы для того, чтобы стать будущими профессорами, хотя на самом деле лишь определенная часть из них становится ими.

Прилежная молодежь в целом, включая духовенство и монашествующих различных орденов, рассматривается Игнатием как распределенная по двум типам учебных заведений. Одну из них он называет Государственной школой, другую - университетом. Первая - это та, курсы которой простираются от зачатков литературы до низшего уровня университетского образования. Он говорит: "Там, где это удобно сделать, пусть будут открыты государственные школы, по крайней мере, на факультетах гуманистической литературы".⁶² В примечании он объясняет, что Моральное богословие можно изучать в гимназии такого типа. Отец Аквавива в 1588 году относит этот вид школы к низшему из трех рангов колледжей; и резюмирует, что курсы включают грамматику, гуманитарные науки, риторику, языки и моральное богословие.⁶³ Он также объясняет, почему учебная программа иезуитов самого низкого уровня должна соответствовать этим требованиям, "чтобы общество не было обмануто в достижении цели, которую оно имеет в виду, а именно: довести студентов по крайней мере до посредственности в обучении, чтобы они могли продолжать заниматься своим соответствующим призванием, священнослужители - своим служением, миряне - своим духовенством". их собственная работа в жизни, в какой-то степени соответствующая литературной культуре".⁶⁴ Эта учебная программа служила также целям тех, кто, будучи членами Ордена, по какой-то причине был отстранен от полного курса обучения.⁶⁵ Если в колледже отсутствуют какие-либо оценки, то это должны быть более низкие оценки, при этом более высокие сохраняются.⁶⁶ Далее Игнатий ограничивает курсы в гимназиях такого рода: "Пусть здесь не изучаются высшие науки; но для их изучения студенты, добившиеся должных успехов в литературе, должны быть отправлены из этих колледжей в университеты".⁶⁷

Переходя к университетам Ордена, он определяет их сферу применения, во-первых, для тех, кто должен быть священнослужителями, схоластическое богословие, Священное Писание и Позитивное богословие; во-вторых, для всех студентов - гуманистическая литература, латынь, греческий, иврит и другие такие языки, как халдейский, арабский и индийский, с учетом требований необходимости или полезности; более того, Логика, физика, метафизика,

моральная философия и математика. Все эти кафедры должны обслуживаться профессорами Ордена. Если будут добавлены кафедры гражданского права и медицины, ими будут руководить профессора, не принадлежащие к Обществу.⁶⁸

Что касается схоластических членов Общества, то их умственная культура в Ордене начинается, конечно, там, где заканчивалась учебная программа их колледжа, то есть в конце классического курса. Отныне их занятия определяются двумя целями: первая - исповедовать, как образованные иезуиты в будущем, то, что они изучают сейчас; другая - дифференцироваться, в зависимости от таланта и обстоятельств, на проповедников, писателей, управляющих совестью или управляющих делами.

Ввиду этой двоякой цели все экзамены, устраиваемые для членов Ордена на продвинутых курсах, регулируются одним стандартом, согласно которому иезуитские схоласты должны быть признаны компетентными на каждом этапе преподавания курса, по которому они проходят тестирование. Соответственно, они пересматривают свои предыдущие литературные познания во всех областях, которые регулярно исповедует Общество; затем в течение трех лет они обращаются исключительно к философии и естественным наукам; и еще через четыре года - к богословию и смежным наукам.⁶⁹

Таким образом, этот длительный курс, более подробно описанный в последующем *Ratio*, состоит из поэзии, риторики и литературы; математики, физики и химии; Логики, онтологии, космологии, психологии и естественного Богословия; Этики, естественного, социального и публичного права, морального Богословия, канонического права, церковной истории, схоластического Богословия, иврита, Священного Писания. Курсы должны проводиться либо в тех же классах, которые посещают иностранные студенты, либо в их собственных университетских классах, когда общее учебное заведение формируется как "Схоластика". В обоих случаях у них есть собственные семинарские упражнения, выходящие за рамки того, что требуется в самых сжатых университетских курсах.

Те, кого здоровье и превосходство одобряют на каждом шагу, обычно отстраняются от учебы, "когда курс искусств будет окончен и когда четыре года будут потрачены на теологию". Необходимо развивать⁷⁰ специальностей.⁷¹ Последующее законодательство помещает эти специальности в промежуток между искусствами и теологией; и, опять же, после последней.

Такова, вкратце, практическая идея профессорских семинарий, филологических, философских, научных и теологических, через которые постоянно проходит поток будущих профессоров. Каждый из них на каждом этапе подвергается экзаменационным тестам, которые включают наиболее четкое указание на профессорский состав. Техническим стандартом на экзаменах является "превосходство посредственности", и этот термин точно определен, как мы увидим позже, при анализе *Соотношения*.⁷²

Несмотря на то, что сокращающиеся ряды профессорско-преподавательского состава, таким образом, пополняются регулярно, ясно, что в Ордене в целом остается доступным больше услуг, чем когда-либо требовала бы единая цель образования. Но это служит только более широким масштабам, которые имеет в виду Общество, гораздо более широким, чем образование само по себе. И Игнатий прямо упоминает об этом, когда говорит, что учащиеся-схоласты "могут никогда не прийти к тому, чтобы исповедовать знания, которые они приобрели"; тем не менее "они должны рассматривать этот труд как великую заслугу в глазах Бога".⁷³

Вот и все о самых широких и высоких интеллектуальных объектах, на которые нацелены эти исследования. Глядя теперь вниз, на его нижний предел, мы видим, что образование, передаваемое Обществом внешнему миру, должно начинаться не ниже "азов грамматики, в которых мальчики уже должны быть сведущи; они должны уметь читать и писать; и при этом не должно делаться никаких поблажек в пользу кого-либо, каковы бы ни были его жизненные условия; но тем, кто обращается к нам с этими просьбами, следует отвечать, что нам не разрешается" учить азы. Это постановление Аквавивы 1592 года, и он просто ссылается на Конституцию.⁷⁴ В том же документе он также отмечает, что новый *коэффициент Студиорума* повышает каждую оценку в том виде, в каком она была на ту дату, на год выше, чем это было раньше. Документ взят из немецких архивов. Пахтлер отмечает, что большинство латинских школ, особенно в протестантской Германии, обучали детей алфавиту.⁷⁵ Эффект иезуитской системы заключался в том, что существовала постоянная тенденция к подъему к тому, что было более высоким, систематичным и завершенным.

Это подводит нас к вопросу о методе. Здесь возникает ряд элементов, некоторые из них существенные, многие второстепенные. Эти последние, по крайней мере, были продуктом изобретательности и трудолюбия со стороны преподавательского состава и способствовали трудолюбию и жизни со стороны ученых. Чтобы проиллюстрировать все это, я сошлюсь на авторов, которые обращались к миру вскоре после того, как Общество утвердилось в качестве образовательной державы и когда его институты стали бросаться в глаза всем.

Сначала идет классификация, которая была существенной чертой иезуитской системы. Рибаденейра, близкий друг Игнатия, когда писал "Жизнь Лойолы" в 1584 году и описывал работу Ордена, которому сейчас сорок четыре года, замечает: "В других местах перед одним Профессором много ученых степеней; он обращается в одно и то же время к ученым, которые находятся внизу, на полпути и на вершине; и он едва ли может удовлетворить требования каждого из них. Но в Обществе мы отличаем один ранг ученых от другого, разделяя их на их собственные классы и ордена; и над каждым из них стоят отдельные профессора".⁷⁶

Разделение классов, столь естественное для нас, было в те времена в новинку. Существовало практически только две степени обучения: одна высшая, охватывающая теологию, юриспруденцию и медицину; другая подготовительная. Подготовительное обучение уже тяготело к более поздней системе оценок; термин "класс" был выражением эпохи Возрождения. Отец Рошмонт, говоря о Парижском университете, отмечает, что первый достоверный акт, в котором используется этот термин, датируется 1539 годом.⁷⁷ С 1535 года разделение обучения посредством классов уже осуществлялось. По-прежнему не было определенного количества оценок. Изучение литературных образцов было неполным. Грамматика была затуманена тонкостями диалектики, что нанесло большой ущерб письменному сочинению, а также чтению образцов и подражанию им.⁷⁸

Теперь следует отметить, что Игнатий учился в Парижском университете с 1528 по 1535 год, а его товарищи оставались там до 1536 года. К тому времени, когда он опубликовал Конституцию в качестве руководства, его окружали люди, которые были не просто выпускниками университетов, но были докторами, профессорами и ректорами в Португалии, Испании, Франции, Италии, Бельгии, Германии. Одним из следствий было то, что Игнатий с самого начала сформулировал полную систему поэтапных занятий. Он отнес диалектику к ее надлежащей области, философии и теологии. И, выдвинув на первый план чтение авторов и

практику стиля в подражании лучшим образцам, он определил метод. После того как она разрабатывалась в течение сорока лет, было обнаружено, что она не только нова, но и совершенна и пригодна на столетия вперед. Он расположил курсы в серии, имеющие отношение друг к другу; он согласовал определенные этапы курсов с определенным материалом, который нужно было увидеть; и в нижних отделениях он распределил студентов с их соответствующими разделами материала на пять классов, классифицируя предписания, авторов и упражнения пропорционально каждому последующему классу. Ничего более знакомого для нас сейчас; ничего более нового для мира тогда! Таково было *Ratio Studiorum*.

Классы гимназии могут включать в себя несколько подразделений, в зависимости от количества учащихся; но сама оценка остается фиксированной и не оставляет никаких элементов ни актуальной культуры, ни будущего развития, которые не были бы предусмотрены или не имели места расположения. Эти оценки также не означают пяти лет. Они означают работу, которую необходимо выполнить в каждом классе, прежде чем переходить к следующему. На этот счет мысль Игнатия была наиболее ясна. Как почти универсальное правило, они никогда не означают меньше пяти лет. И для одного из них, уровня риторики, на котором должно быть достигнуто все литературное совершенство, система предусматривает два и даже три года. В этом пункте мы также можем отметить характерный взгляд Игнатия. Дело в том, что более длительный срок, когда бы он ни был предусмотрен, когда бы его ни предписывали, к чему бы ни побуждали и на чем бы ни настаивали, всегда предоставляется талантливому студенту, тому, кто должен стать выдающимся. По его собственным словам, устанавливая правила в этом вопросе для ректора университета, его идея будет полностью реализована, когда "те, кто достиг соответствующего возраста и обладает склонностями гения, будут стремиться преуспеть в каждой отрасли и выделяться в ней".⁷⁹

Чтобы перечислить теперь некоторые второстепенные элементы иезуитского метода, я процитирую того же автора, Рибаденейру. Говоря о молодых ученых, он говорит: "Придуманно множество средств и используются упражнения, чтобы стимулировать умы молодежи — усердные диспуты, различные испытания гениальности, призы, предлагаемые за выдающиеся таланты и трудолюбие. Эти привилегии и свидетельства добродетели сильно будоражат умы студентов, будят их даже во время сна, а когда они возбуждены и подвижны доброй волей, побуждают их двигаться быстрее. Ибо, как наказание и бесчестие обуздывают волю и удерживают ее от преследования зла, так честь и хвала чудесным образом оживляют чувства, позволяющие достичь достоинства и славы добродетели". Он цитирует Цицерона и Квинтилиана с той же целью.⁸⁰

Это было сделано не для того, чтобы развить ложную любовь к себе в юных сердцах, чего было бы мало у религиозных учителей. "Пусть они всеми возможными способами искореняют в себе себялюбие и жажду тщеславной славы", - гласит старейший кодекс школьных правил в Обществе, вероятно, вышедший из-под пера самого отца Петра Канисиуса.⁸¹ К чему апеллируют, так это к духу соперничества, и к миру индустрии; который, маскируя скудность предстоящей работы, побуждает юных учеников к совершенству во всем, за что они берутся, и вознаграждает развитие природной энергии естественной роскошью признания того, что они преуспевают. В сухом русле добродетели и обучения удовлетворение такого рода не возбуждается в молодежи без знака, жетона, бляхи, приза. Тогда они чувствуют себя счастливыми оттого, что хорошо поработали, как бы мало удовольствия ни доставлял им этот труд раньше. Хорошо организованные почетные отличия, иногда участие в незначительном

руководстве классом, блестящий успех в единоборстве на поле знаний, памяти или интеллектуальной уверенности в себе, упорядоченное различение обычных заслуг - все эти и многие другие средства поддерживают маленькую армию в состоянии умственной активности, а иногда и в напряжении; "и если не все побеждают, то все, по крайней мере, прошли усиливающий испытание борьбой".⁸²

На всех курсах художественной литературы, риторики, философии и теологии учреждения, называемые "Академиями", собирают в избранные группы наиболее талантливых и образцовых студентов. Молодые *литераторы*, или философы, имеющие своих собственных официальных лиц, специальные собрания и архивы, проводят свои публичные заседания в присутствии других студентов, Мастеров и выдающихся личностей, приглашенных по этому случаю. В своих стихах, речах, диалогах они обсуждают, декламируют и возвышаются до великих мыслей и концепции великих поступков.

Предметом их дебатов являются не гражданские разногласия, а слава их родной страны, ее успехи в военном деле - все то, что присуще молодому уму и воспитывает чувство любви к родине. Среди студентов, изучающих риторику, организуются судебные дебаты и судебные процессы; "и когда адвокаты обеих сторон изложат свою точку зрения на одном или двух заседаниях суда, тогда, - говорится в документе, который я цитирую, датированном 1580 годом, - судья, который был избран для этой цели, произнесет свое решение в собственной речи; это будет блестящее выступление; и, чтобы послушать его, будут приглашены друзья, а также доктора университета и все студенты будут присутствовать".⁸³ В программе распределения наград, там описывается интересный элемент, *puer lepidus*, "смышленивый молодой парень", и что он должен делать и как он должен произносить имя победителя, "после чего музыка заиграет сладостную симфонию".⁸⁴ В другое время ряд опубликованных тезисов защищал перед всеми желающими какой-нибудь философ или теолог. И в то время как игры и мужские упражнения снаружи развивают физическую силу, благородство поведения и элегантность манер служат сценой для демонстрации изысканных манер внутри.

При всем этом принцы и дворяне, будущие литераторы и деятели, смешиваются в повседневной жизни, в соперничестве и подражании с сыновьями самых простых бюргеров. Декарт⁸⁵ проницательно отмечает эти моменты, когда рекомендует другу колледж Ла Флеш: "Там собираются молодые люди, - говорит он, - со всех концов Франции; характеры смешиваются; их взаимное общение приводит почти к таким же положительным результатам, как если бы они действительно путешествовали; и, в конце концов, равенство, которое иезуиты устанавливают между всеми, одинаково обращаясь с теми, кто наиболее знаменит, и с теми, кто не таков, является чрезвычайно удачным изобретением".⁸⁶

Когда новые науки вошли в моду, они сразу же получили свободу этого города интеллекта; и здесь они получили ее первыми. Действительно, было сказано, что Общество Иисуса, "упрямо привязанное к своему формализму, отказывалось признавать что-либо современное, реальное и действовавшее, и что национальные языки и литературы, а также новые развивающиеся науки пострадали от его рук". Это утверждение, поскольку оно касается Франции, рассмотрено отцом Шарлем Даниэлем, который к другим своим ценным работам добавил изящное небольшое эссе под названием "*Институты французской молодежи в XVII^{году} и в XVIII^{году} siècle*".⁸⁷ Что касается Германии, то мы увидим достаточно указаний на все эти темы в "*Памятнике немецкой педагогики*". Для всех стран достаточно информации в простом тексте *Ratio*

Studiorum, в классическом комментарии Жуванси к нему, *De Ratione Discendi et Docendi*, и других аутентичных документах, помимо реальной практики, наблюдаемой в колледжах. Но весь вопрос о местных языках, как будто латынь и греческий не допускали их в колледжи, до такой степени является анахронизмом для дат и эпох, относительно которых некоторые современные исследователи поднимают этот вопрос, что я расскажу небольшой анекдот, который не будет таким уж большим отступлением, но вернет нас именно туда, где мы находимся в настоящее время.

В 1605 году лорд Бэкон опубликовал две свои книги о совершенствовании образования. Эта работа считается первой частью его "Нового органа". Он берется "сделать маленький Глобус", как он говорит, "Интеллектуального мира настолько правдивым, насколько он может обнаружить".⁸⁸ Его предмет идентичен, насколько это возможно, гораздо более обширному и исчерпывающему труду отца Энтони Поссевино, известного иезуита, который двенадцатью годами ранее опубликовал результаты двадцатилетних путешествий и наблюдений, одновременно выполняя во многих странах важные обязанности апостольского легата, проповедника, профессора. Передо мной два издания его больших томов. Первое - Римское, 1593 г.; другое - Венецианское, 1603 г.; последнее называется "самым свежим изданием".⁸⁹ Единственное указание, которое я вижу, на то, что Бэкон не воспользовался Поссевино, - это то, что он говорит: "Ни один человек не предполагал для себя общего состояния образования, которое должно описываться и представляться из века в век".⁹⁰ Теперь, поскольку это говорит слишком много, поскольку это просто указывает на то, что труды Поссевино показывали миру в течение двенадцати лет, я должен заключить, что есть еще одно объяснение. нет никаких гарантий, кроме того, что Бэкон извлек выгоду из Поссевино: он, по-видимому, просто затронул ту же тему по-английски и отдал должное этому предмету в своей собственной манере. Соответственно, он сделал это, насколько мог, по-английски. Три года спустя он пишет доктору Плейферу, профессору богословия Маргарет в Кембриджском университете, прося, чтобы доктор был рад перевести этот труд на латынь; и его светлость обещает вечную благодарность. На какие причины ссылается благородный автор в связи с этой просьбой? Две причины, из которых первая очень примечательна для нашей цели: — "приватность языка, на котором это написано, исключает такое большое количество читателей!" И второе почти столь же достойно внимания: "неясность аргументации во многих ее частях, исключая многие другие!"⁹¹ Здесь мы видим нашего отечественного автора-классика, в 1608 году пытающегося выбраться из своей узкой камеры, "приватности английского языка", в широкий мир литературной публики, где иезуит со своими фолиантами в полной мере пользовался своим литературным правом. Это не выглядит так, как будто колледжи в то время подавляли изучение языков, скорее, они обладали полной свободой литературного мира и отправляли студентов гулять за границу в свое удовольствие, где Бэкон смиренно подавал иск о приеме!

Я собирался процитировать Поссевино, в наглядной форме описывающего повседневную интеллектуальную жизнь великого римского колледжа с его двумя тысячами и более студентов, не считая многочисленной группы профессоров. Но мои ограничения запрещают мне делать больше, чем просто ссылаться на это.⁹²

Существует два взгляда на монету и ее марку. Один сделан непосредственно, рассматривая его сам по себе; другой - косвенный, наблюдая за впечатлением, которое он оставляет в форме. Он оставляет там определенную пустоту. Какая пустота осталась в интеллектуальной культуре Европы, когда эта интеллектуальная система была внезапно сметена? До Подавления Общества

некоторые институты, которые вообще процветали, были вдохновлены здоровым соперничеством. Когда Общества не стало, они обнаружили, что часть их жизни пришла в упадок. И, в то время как они сами начали чахнуть, место иезуитов они занять не смогли. О некоторых других, которые вели едва различимую жизнь, нам дают понять, что их жизненная сила заключалась в стремлении не допустить иезуитов. Я возьму пример из Байонна.

Только что была опубликована работа Цензора исследований лицея Ажена о муниципальном колледже Байонны.⁹³ На семидесяти страницах, посвященных сделкам с иезуитами,⁹⁴ автор отнюдь не дружелюбным тоном излагает всю историю на основе документов янсенистской партии. Я буду подражать этому его примеру настолько, что перескажу ниже следующее полностью его собственными словами.

Начиная свою последнюю главу, озаглавленную "Реформа и завершение", он говорит несколько приглушенным тоном, но не более, чем о своей теме:⁹⁵ "Тогда это был колледж Байонны, существование которого еще на несколько лет становилось все более и более ненадежным; и в конце концов он был закрыт в 1792 году, несмотря на несколько щедрых усилий по его восстановлению.

"Но уже за тридцать лет, - продолжает он, - в системе среднего образования произошло великое литературное событие. Декрет парижского парламента, датированный 16 августа 1762 года, провозгласил изгнание "ci-devant soi-disants Jésuites"; этот декрет на этот раз был окончательно приведен в исполнение. Теперь иезуиты в своих пяти провинциях Франции владели тогда почти сотней колледжей. Представьте себе огромную пустоту, которая внезапно образовалась во вторичном образовании Провинции, плохо подготовленной к столь внезапному отъезду! Воцарилось всеобщее замешательство и, так сказать, концерт жалоб и взаимных обвинений. Где взять новых мастеров?... Дисциплинарное и финансовое управление колледжами, оставленными вакантными иезуитами, было возложено на бюро, то есть собрания, состоящие из архиепископа или епископа, генерал-лейтенанта, королевского проктора и старшего олдермена.... Вскоре все почувствовали неудобства этой системы. Муниципальные чиновники городов, сами бюро поспешили обратиться к королю с петицией о том, чтобы их колледжи были переданы религиозным общинам. Таким образом, большая часть старых иезуитских колледжей попала в руки бенедиктинцев и бернардинцев, кармелитов и минимов, яковинцев и кордельеров, капуцинов и реколлектов, доктринеров и варнавитов и, прежде всего, ораторианцев. Но все эти религиозные деятели, за исключением ораторианцев, далеко отставали от иезуитов. Большая часть не имела даже представления об обучении и т.д." Затем автор посвящает большую страницу новым системам, которые были представлены. Он печально заканчивает абзац: "Вся эта агитация, - говорит он, - к сожалению, была бесплодной; и, как я только что сказал, среднее образование накануне Французской революции за пятьдесят лет не продвинулось ни на шаг вперед".

ГЛАВА VII. ПРЕДЛАГАЕМЫЕ МОРАЛЬНЫЕ РАМКИ.

Сладость - это святость юности, говорит Чосер. Не менее приятны глазу и те мягкие манеры молодежи, которые другой бард изображает как олицетворение в своих "небесных огнях", которые говорят:

Мы все
готовы к твоему удовольствию, благосклонны
Оказать тебе нежную услугу.⁹⁶

Христианская мораль и манеры делают человека идеальным джентльменом.

Платон утверждал, что "добр тот, у кого добрая душа"; и он настаивал на том, что ни у одного юноши, лично познакомившегося со злом, не может быть доброй души. Он не имел в виду, что молодежь не должна знать, что такое искушение. В этом мире нет тепличного хозяйства, которое защитило бы от этого порыва. Каждый ребенок, оставаясь на царственном пути невинности, имеет достаточно в себе и в самом изысканном окружении, чтобы познать реалии жизни и ее борьбу. Но Платон ссылается на личный опыт окольных путей, которые не являются добродетелью и по которым нет необходимости путешествовать, чтобы узнать о них достаточно. Воспитательные средства, трудолюбие, бдительность, результатом которых является сохранение молодости в свежести невинности, означают среду дыхания, которая поддерживается в чистоте, и нравственную пищу, которая хороша и постоянно пополняется до тех пор, пока нежная добродетель не перерастет в безупречную прямоту и не будет способна с этого момента мужественно противостоять случайным жизненным бурям.

Для этого морального укрепления характера, не в меньшей степени, чем для активизации умственной энергии, система Игнатия Лойолы предписывает публичное образование — публичное, как совместное обучение многих студентов, публичное в противоположность частному репетиторству, публичное, в конце концов, как требующее достаточного открытого, бесстрашного применения как практической морали, так и религии. Со времен Игнатия Дюпанлу наблюдал по этому поводу:

"Я слышал, как очень разумный человек произнес это замечательное слово. "Если узурпирующее и способное правительство хотело избавиться от великих рас в стране и искоренить их, оно должно было только свести к тому, чтобы потребовать от них, из уважения к самим себе, воспитывать своих детей дома, в одиночестве, вдали от равных, замкнутых в узком кругозоре частного образования и частного репетитора".⁹⁷

Юношеский материал, над которым приходилось работать иезуитской системе, может быть описан с двух точек зрения. Были домашние условия; и были также условия системы образования, которая была широко распространена в те столетия.

Что касается условий приличного общества в домах мальчиков, Шарль Ленорман, говоря о тех временах, говорит нам, что "привилегией джентльмена было с младенчества нести ответственность за свои поступки. Отцы семейств были первыми, кто отправил своих сыновей навстречу опасностям мира, еще до того, как наступил век проницательности".⁹⁸ Даже когда

дома для мальчиков не причиняют никакого реального вреда, все же слишком часто они соответствуют этому описанию и сводят на нет лучшее из того, что пытается сделать школьное обучение дисциплиной подчинения и практикой послушания.

Именно такое положение вещей заставило немецких иезуитов, помимо их воли, ходатайствовать о получении необходимого разрешения на открытие колледжей-интернатов на севере, как это уже было сделано в Португалии и других местах. Генеральная ассамблея неохотно дала разрешение.⁹⁹ Эти осужденные, или пенсионеры, были известны тем, что сильно повлияли на время Отцов Церкви, на их учебу, их религиозный уход на покой и особенно на их иммунитет от финансовых операций, которым они пользовались как религиозные. Конституция Игнатия предлагает не более чем голую точку опоры для введения этих колледжей.¹⁰⁰ Тем не менее, они оказались самыми плодовитыми питомниками выдающихся людей, которых Общество направило во все сферы жизни.

Не только дома можно было опасаться изнеженности и распущенности. В университетской системе шестнадцатого века были условия жизни, которые казались значительно хуже, чем те, которые уже были описаны в первой главе этой книги. Поссевино, который провел десять лет в разгар религиозных беспорядков во Франции и еще десять в папских миссиях в Германии, Польше, Венгрии, Трансильвании, России, Московии, Швеции и Готии, а после этого еще четыре года посещал университеты по всей Европе, замечает, что было пять путей, по которым произошло всеобщее разложение общества. Во-первых, он упоминает о распространении плохих книг. Во-вторых, "пропуск лекций; или, когда лекции проводились, такие беспорядки во время них, с шумом и воплями, что едва ли оставалось подобие человеческого, не говоря уже о христианском обществе". В-третьих, фракции. В-четвертых, чувственность, к причине которой следует отнести тот ужасный вид беззакония, при котором сами стены школ были осквернены письменами и самыми мерзкими картинами;¹⁰¹ так что нежный возраст, который наступил невинным, должен уйти более оскверненным преступлениями, чем пропитанным ученостью, став ненавистным самому Богу. В-пятых, отвращение к богослужению, поскольку диспуты, выпускные торжества и лекции постоянно переносились на те дни и те часы, когда по Божественному предписанию полагается публичное богослужение".¹⁰²

Средства, превращенные Игнатием в метод нравственного воспитания, я обрисую словами его современников. Рибаденейра, его биограф, говорит: "Наши Учителя используют те средства, с помощью которых добродетель зарождается в сердцах учеников, сохраняется и приумножается. Это утренняя молитва для получения благодати от Бога, чтобы не впасть в грех; ночная молитва и усердное размышление над всеми мыслями, словами и действиями дня, чтобы сокрушением сердца покончить со всеми совершенными проступками; внимательное и благочестивое прослушивание мессы каждый день; частое и смиренное исповедание грехов священнику; и если они достаточно взрослые, и это рекомендует великая преданность, а их духовник одобряет это, благоговейное принятие Тела Господа нашего Иисуса Христа; обучение и разъяснение основ христианской веры, благодаря чему мальчики воодушевляются к принятию Тела Господа нашего Иисуса Христа. живите хорошо и счастливо. Кроме того, прилагаются большие усилия, чтобы познать и искоренить пороки детства, особенно такие, которые каким-то образом врожденны и присущи этому возрасту".¹⁰³

Здесь, кстати, читатель может обратить внимание на тот факт, что исповедь, о которой здесь упоминается, никогда не является частью внешних средств нравственного развития; и

начальник никогда не является исповедником тех, кто находится под его опекой, за исключением случаев, когда этого желает сам подчиненный по свободному выбору. Так предписывает общий закон католической церкви.

Биограф Лойолы переходит к различным средствам, с помощью которых в таком множестве молодых людей плохой элемент, который, к сожалению, никогда не умрет, либо подавляется и сохраняется на низшей стадии борющейся жизненной силы, либо, если ему случается пробиться наружу, отсеивается. Сад от этого не станет беднее.

Nil dabit inde minus!

Кроме того, существует разделение учащихся на категории и звания с их собственными офицерами из числа самих мальчиков; степени чести и превосходства, присвоенные хорошему поведению и добродетели; особенно благочестивые общества или товарищества, в которые не допускаются никто, кроме самых прилежных и добродетельных юношей; и это с различием в пользу высших заслуг даже среди тех, кто соответствует общему описанию. Братства Общества Иисуса, как предмет исследования по управлению молодежью и, действительно, по воспитанию всех рангов в христианском обществе, от пэра, фельдмаршала и вице-короля, вплоть до маленького мальчика, начинающего свою карьеру в школе, сами по себе заслуживают особого разговора.

Теперь я продолжу с Поссевино, описывая римский колледж, который был объектом ежедневного наблюдения в столице христианского мира.¹⁰⁴ "Здесь, - говорит он, - у вас две тысячи юношей, среди которых царит глубокое молчание; нет никакого волнения. На занятиях не читают нечестивых авторов или поэтов, которые могли бы заразить разум скверной". Я могу отметить, что Игнатий с самого начала применил метод исключения авторов - задачу, которая затем с усердием выполнялась литераторами Общества. Наш автор резюмирует: "Сотни ежедневных случаев греха и праздности исключены; продолжается непрерывная серия лекций, повторений, диспутов, конференций". Затем он изображает, насколько это возможно в повседневной жизни, многие черты, о которых упоминал Рибаденейра.

В то время как безделье находилось под запретом, отпуск не запрещался. Однако его принципы были определены по-новому. Необходимо было обеспечить достаточный отдых, но тогда никаких новых перерывов предоставляться не должно было. "Достаточность" показалась бы излишней роскошью в наши более свободные времена.¹⁰⁵ "Одна неделя ничегонеделания, - говорят Отцы Верхней Германии генералу Аквавиве, - более вредна для учеников, чем четыре недели, в течение которых выполняются какие-нибудь литературные упражнения"; и "родителям очень не нравится такое состояние безделья, если мальчики остаются на наших руках".¹⁰⁶

При всем этом не было и речи о том, чтобы сделать из студентов религиозных людей. Речь шла только о том, чтобы сделать из них религиозных людей. Отец Георг Бадер, провинциал Верхней Германии в 1585 году, оставил в своих инструкциях по управлению каторжной школой в Дилингене указание, что "префекты не должны отчаиваться, если они не видят сразу или во всех желаемых улучшений; они также не должны требовать от них совершенства в религии и не вводить среди них такой образ жизни, поскольку в других местах студенты не могли соответствовать своему призванию; но директорам следует довольствоваться тем, что они ведут обычный, добродетельный и благочестивый образ жизни".¹⁰⁷

Согласно этой идее, поскольку религиозный учитель является мужчиной, гражданином и священнослужителем, его образовательная деятельность принесла свои плоды, когда из него вышли состоявшиеся люди, достойные граждане, компетентные священнослужители или религиозные деятели; "когда в школе, - говорит Рибаденейра, - как на арене, ученики, предвосхищая будущее, уже по-своему практикуют те же самые добродетели и обязанности, которые в более зрелые годы они проявят при управлении республикой".¹⁰⁸ Богатый материал юношеского разум и душа получают многообразное влияние, которым обладают разум и сердце учителя; и получают его по образцу получателя, в соответствии с его будущим призванием.

Какими на самом деле были профессора-иезуиты, те, кто в последующие годы проявили себя мало дружелюбно по отношению к Ордену, не преминули засвидетельствовать. "За те семь лет, - говорит Вольтер, - что я прожил в доме иезуитов, что я видел среди них? Самая трудоемкая, бережливая и размеренная жизнь, все их часы были разделены между заботой о нас и упражнениями их суровой профессии. Я свидетельствую то же самое, что и тысячи других, воспитанных ими, как и я сам; не найдется ни одного, кто противоречил бы мне. Поэтому я никогда не перестаю удивляться, как кто-то может обвинять их в преподавании порочной морали.... Пусть кто-нибудь поставит рядом "Провинциальные письма" и проповеди отца Бурдалу; в первых он научится искусству насмешки, искусству представлять вещи, безразличные сами по себе, в таких аспектах, которые заставляют их казаться преступными, искусству оскорблять красноречием; у отца Бурдалу он научится быть строгим к себе и снисходительным к другим".¹⁰⁹

История единодушно свидетельствует, что общий эффект их учения соответствовал примеру этих профессоров, несмотря на то, что, по выражению Кретино-Жоли, даже из рук религиозных людей все еще могут выйти нечестивцы, поскольку в школе мудрецов все еще можно встретить тупиц.¹¹⁰ Человек неподвижен и всегда свободен. Однако, если из этого следует, что всегда можно ожидать не только положительного, но и отрицательного результата; такой двойной результат может быть оттенен двумя утешительными размышлениями, о которых я упомяну, чтобы дополнить картину этого воспитания на практике.

Первый заключается в том, что, поскольку в школе добродетели и религиозности порок все еще может проявиться, и, как говорит генерал Вителлески, хорошее образование, хотя и почти всемогущее, может, подобно утренней росе, испариться и быть утраченным в первом пылу мужских страстей,¹¹¹ какими были бы результаты системы, если бы в ней было меньше благочестия для просвещения или меньше организованной практики добродетели для подтверждения умов и сердец молодежи?

Другое размышление заключается в следующем: человеческая природа, какой бы неустойчивой она ни была из-за дефекта воли, все же остается прекрасной, благодаря изначальному дару Божьему. Откуда это берется, это нечестие оказывается прекрасно непоследовательным; и в промежутках просветления оно находит должное признание, как это сделал тот, кто однажды сказал:

О ты, увенчанный превосходящей славой,
Взгляни из своего единственного владычества...
К тебе я взываю....
Сказать тебе, как я ненавижу твои лучи,

Которые напоминают мне, из какого состояния я выпал.¹¹²

Общество Иисуса много раз изящно благословлялось и проклиналось одними и теми же красноречивыми устами и пером.

Секрет этого господства, как предполагал Игнатий Лойола, заключался в интеллектуальных достижениях Учителей, которые, естественно, производили впечатление на юношеские умы; а также в отцовской привязанности, которая, конечно же, завоевывала юношеские сердца. Кажется ли вам необходимым что-то еще для полной реализации идеи авторитета? Комитет, назначенный кантоном Фрибург для восстановления Отцов в их старом колледже в 1818 году, упоминает в качестве одной из причин для этого, что "волю нельзя сковать; она не подчиняется ограничениям. Вы можете завоевать его, но не подчинить". И они говорят о "самой живой привязанности", когда-либо пребывавшей в сердцах студентов к членам Ордена, который они знали как колыбель своей юности.¹¹³ Тот же отец Бадер, которого я цитировал ранее, определяет, в чем заключается авторитет, когда он говорит: "Пусть префекты не считают, что их авторитет заключается в том, что студенты всегда рядом, повинаясь их кивку, каждому их слову или самому их взгляду; но в том, что мальчики любят их, подходят с доверием, и сообщайте о своих трудностях". Говоря о наказаниях, он продолжает: "Ученикам следует дать понять, что такие порицания необходимы и вызваны любовью; и пусть самым тяжким упреком или наказанием для них будет осознание того, что они оскорбили своего префекта".¹¹⁴

Таким образом, в образовании шестнадцатого века постепенно проявилась реакция на грубость и бесцеремонность прежних времен. Говоря о беседах со студентами, генерал Вителлески в 1639 году дает характерные указания: "Будет очень полезно, если время от времени профессора будут беседовать со своими аудиторами не о пустых слухах и других делах, которые не соответствуют цели, а о тех, которые больше всего относятся к их благополучию и образованию; переходя к деталям, которые, по-видимому, больше всего отвечают их потребностям; и показывая им знакомым образом, как они должны вести себя в учебе и благочестии. Пусть профессора убедятся, что одна беседа наедине, вдохновленная истинным рвением и благоразумием с их стороны, проникнет в сердца больше и подействует более мощно, чем многие лекции и проповеди, прочитанные совместно".¹¹⁵

Итак, здесь я коснулся секретов успеха, тех принципов, которые вызывали уважение и создавали вокруг Ордена несомненный ореол образовательного престижа.

ГЛАВА VIII. ИГНАТИЙ, УПРАВЛЯЮЩИЙ КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ. ЕГО СМЕРТЬ.

Первые два колледжа были основаны в одном и том же 1542 году — один из них в королевском университете в Коимбре в Португалии, другой в Гоа в Индостане. Хотя они были организованы очень рано, всего через два года после основания Ордена, когда еще никакая система не была

официально принята, тем не менее было обнаружено, что эти два первых колледжа, расположенные на расстоянии многих тысяч миль друг от друга, были созданы точно таким же образом. Франциск Ксаверий, получив назначение на апостольское служение на Востоке, основал там университет, в котором преподавались все науки и отрасли, точно так же, как в европейских колледжах. Он стал базой операций Японии, Китая, Персии, Эфиопии и других стран Востока. Сорок лет спустя в колледже насчитывалось целых сто двадцать иезуитов.

В 1542 году у Игнатия была отборная группа из пятнадцати или шестнадцати молодых людей, обучавшихся в Париже; остальных он отправил в Падую или куда-то еще. Он пользовался настоящими университетами до тех пор, пока у него не появится свой собственный. Разразилась война между императором Карлом V и французским королем Франциском, и всем испанцам и бельгийцам было приказано покинуть Францию. Как и итальянцы, оставшиеся в Париже, другие молодые иезуиты перешли границу в Лувен под руководством отца Жерома Доменека. Там латинское ораторское искусство юноши Франсиса Страда, которого Лефевр по пути через Бельгию снабдил материалом для своих речей, [116](#) помогло быстро пополнить Орден двумя типами людей: талантливыми юношами, которые были очарованы тем, что они видели и слышали, и уже выдающимися людьми, которых в равной степени привлек размах нового Института. В проповеди молодого Страда и в том, как выдающийся Лефевр изо всех сил старается субсидировать его материей, мы улавливаем семейный проблеск той усиленной силы, которая может быть развита в тесно связанной организации.

Фрэнсис Вилланова, явно лишенный даров присутствия и учености, посланный Игнатием в университет Алькалы, завоевал там такое влияние благодаря другим своим качествам священника, что вскоре был основан просторный и процветающий колледж. Отец Жером Доменек пожертвовал один из них в своем родном городе Валентия в 1543 году. Лефевр и Араоз, пробыв некоторое время по королевской просьбе в свите принцессы Марии, дочери португальского короля и королевы испанского короля, основали колледж в Вальядолиде. В Гандии, своем собственном герцогстве, Франциск Борджиа построил и богато оборудовал университет, который был первым передан в руки Общества.

В течение следующих двух-трех лет возникли колледжи в Барселоне, Болонье, Сарагосе, а также в Мессине, Палермо, Венеции и Тиволи. Очевидно, что у Игнатия уже был целый мир администрирования в его руках. Еще 16 марта 1540 года он извинился за отказ удовлетворить ходатайство из-за "больших усилий, которые он прилагал, отправляя одних в Индию, других в Ирландию и в некоторые районы Италии". Теперь, хотя его силы увеличивались, все же он экономил их; и даже так, отказываясь от многих просьб, он, казалось, был повсюду. Но это не должно вызывать особого удивления, если мы примем во внимание, что именно правильное место и правильный ход в нужное время командуют другими местами, движениями и временем.

После смерти Лефевра в 1546 году поступательное движение этих избранных людей, вступавших в контакт, дружественный или враждебный, со всеми реальными державами Европы, было настолько впечатляющим по своей стратегической завершенности и столь далеко идущим по своим результатам, что, как отмечает историк, "Эти десять человек, столь умело подобранных, менее чем за шесть лет достигли к своему полному удовлетворению того, чего самый абсолютный монарх не осмелился бы требовать от самой слепой преданности". [117](#)

Едва Лефевр ушел из этой жизни, как его место занял последний человек, с которым он имел дело, Фрэнсис Борджиа, герцог Гандийский, друг и двоюродный брат императора Карла V. Все

еще одетый в герцогскую мантию, пока его мирские дела не были улажены, он приехал в Рим в 1550 году. Он основывает Римский колледж, который является центром и прообразом всех иезуитских колледжей.

Он был начат 18 февраля 1551 года у подножия Капитолия четырнадцатью членами ордена во главе с отцом Джоном Пелтье, французом. Удвоив это число в сентябре следующего года, колледж переехал в более просторное здание. Профессора преподавали риторику и три языка: иврит, греческий и латынь. В 1553 году был добавлен полный курс философии и теологии. Число студентов-иезуитов среди слушателей составило в этом году шестьдесят, а в следующем году - сто. Несколько лет спустя Виттория Тоффиа, племянница Павла IV и жена Камилло Орсини, предоставила учреждению великолепную собственность. С тех пор число одних только студентов-иезуитов достигало 220 человек, собранных из шестнадцати или более различных наций, большинство из них были знакомы со многими языками, все по правилам говорили на языке страны, в которой они проживали, и все были компетентны говорить и преподавать на одном универсальном и изученном языке того времени - латыни.

Что касается студентов, не принадлежащих к Ордену, то в некоторые периоды насчитывается около двадцати колледжей, которые следовали курсам этого центрального римского колледжа. Они включали колледжи англичан, греков, шотландцев, маронитов, ирландцев и неофитов; колледжи имени Капраники, Фуччоли, Маттеи, Памфили, Сальвиати, Гислиери; немецкий колледж и колледж гимназии; также Римская семинария. Из 2107 студентов, посещавших курсы в данный момент, 300 были теологами. Следующие поколения самых выдающихся профессоров занимали кафедры; богословы, такие как Суарес и Васкес, комментаторы, такие как Корнелиус Лапиде и Мальдонадо, основатели или лидеры школ национальной истории, такие как Мариана и Паллавичини; Клавиус, реформатор григорианского календаря; Кирхер, универсальный специалист во всех точных науках; и так далее; в то время как цикл колледжей по всему миру оставался обеспеченным необходимыми силами и поддерживал свой собственный престиж.¹¹⁸

Эмблемой этого учреждения была теология, как бы восседающая на троне в храме внушительных пропорций. Справа и слева от нее стоят две фрейлины; они представляют естественные науки. Один из них, представляющий математику, помещает небесную сферу под ноги восседающей августейшей богини; другой, представляющий Физику, аналогичным образом помещает земной шар. Прилагаемая легенда гласит: *Leges impone subactis*.

За сорок или пятьдесят лет благодаря руководству внутри Ордена и той силе, к которой всегда апеллировал Игнатий, Божественному Провидению, было вложено столько таланта, характера и добродетели, что Рим видел, как через этот дом проходили самые выдающиеся люди того времени во всех сферах интеллектуальной жизни, высокого морального уровня и всего, что могло возвысить мысли благородных и великодушных умов. Для молодежи, в частности, появились три персонажа, фигуры, которые должны были заполнить ниши и завершить проходы для созерцания, как идеальный выбор для расцвета юности — Станислаус Костка, молодой польский дворянин семнадцати лет, Алоизиус Гонзага, итальянский принц двадцати трех лет, и Джон Берхманс, фламандский бюргер двадцати двух лет. Будучи теми, кем они были, и уходя из этой жизни в таком возрасте, они присвоили себе в католической церкви почести молодежи.

Что касается Германии, то историк представляет предмет с классическим акцентом, как стиль цезаря: *Germania, quo gravius laboravit, hoc studiosius adjuta est; Ignatio nulla regio*

commendatior.¹¹⁹ Ассоциация не будет считаться надуманной, если, заменив перо цезаря и меч Цезаря законодательством Лойолы вместо писем и его стратегической тактикой, уловить наводящую на размышления идею по данной теме из этой статуи того же автора. Римский полководец, изображающий его держащим в одной руке меч, а в другой ручку, под которой начертаны слова: *Ex utroque Cæsar*.

Большую часть заслуг тех девяти человек, с которыми он основал Орден, он потратил на Германию. Там были Лефевр, Ле Жей, Бобадилья, Сальмерон, Лайнез; не говоря уже о великом Канисиусе (де Хондте), молодом человеке, уже работавшем в этой области, которому предстояло остаться там на полвека. Именно об этих людях и их работе Ранке пишет: "Из какой страны они были, первые представители своего Ордена среди нас? Они были уроженцами Испании, Италии, Нидерландов. Долгое время даже название их Общества было неизвестно, и их называли испанскими священниками. Они занимали кафедры в университетах и встречались там с учениками, готовыми принять их веру. Германия не имеет к ним никакого отношения; их доктрина, их конституция были завершены и доведены до формы еще до того, как они появились среди нас. Тогда мы можем рассматривать прогресс их Института здесь как новое участие Латинской Европы в Немецкой Европе. Они победили нас на нашей собственной земле и отняли у нас часть нашего отечества".¹²⁰

По согласованию с герцогом Баварским и императором Фердинандом Ингольштадт и Вена стали двумя первыми операционными центрами. Ингольштадту действительно было суждено вскоре стать одним из самых представительных университетов Компании и немецким центром того, что было названо "контрреформацией".¹²¹ Но Игнатиус не согласился бы на это без четкого изложения некоторых фундаментальных принципов образовательной работы своего института. Я упомяну о них.

Во-первых, состояние всех высших учебных заведений, как и низших, было таково, что, как сказал Игнатий, бесполезно начинать с вершины, которая без хорошего фундамента никогда не устоит. Единственным результатом было бы крушение индивидуальных надежд и всеобщих ожиданий, что привело бы к деморализации на будущее. Пусть литература и философия будут пройдены удовлетворительно, сказал он; тогда можно будет обратиться к теологии. Литература должна быть на первом месте. Поэтому Поланко, секретарь Игнатия, пишет герцогу Баварскому в 1551 году, что "иезуиты должны начать с проведения подготовительного обучения с профессорами, способными мало-помалу привить своим молодым студентам вкус к теологии".¹²²

Во-вторых, мы можем вспомнить то, что упоминалось ранее, ¹²³ что Игнатий предусматривает преподавание права и медицины в своих университетах, но профессора этих кафедр должны быть уволены без Приказа. Теперь, в дополнение к этому, мы видим, как он заявляет герцогу Баварскому, что это противоречит его плану одалживать профессоров или лекторов Ордена для работы за пределами иезуитских учреждений. Поэтому для них должен быть основан колледж, иначе герцог не сможет их заполнить.

Причину такой сдержанности нетрудно понять. В такой организации, как его, нет свободных людей, которые могли бы дать взаймы. И если бы самые выдающиеся люди были назначены для работы за пределами иезуитских колледжей и университетов, молодое поколение Ордена практически было бы лишено влияния их выдающегося положения. И опять же, если бы в стране трудились выдающиеся люди, без постоянного места жительства в иезуитском

колледже в том же месте, не было бы распространения отличительной работы самого Ордена посредством людей этой страны. Тем не менее, как он проектировал местное духовенство для Германии, так он планировал местных иезуитов для немцев. Кроме того, кажется невозможным получить кафедру за пределами университета, кроме как на основе некоторого денежного вознаграждения для отдельного профессора. Теперь это ситуация, которую он не принимает. Называющий себя Отцом не должен жертвовать своей религиозной жизнью и независимостью, выполняя работу за пределами собственных домов Ордена, и это за ценное вознаграждение. Игнатиус не принимает на себя никаких обязательств по заполнению кафедр, кроме как в качестве принимающих университетов, в которых есть эти кафедры.¹²⁴ А что касается финансовых соображений, то его принцип таков: *Безвозмездное принятие, безвозмездная дата*; "Отдавайте добровольно то, что вы добровольно получили". На этот кардинальный принцип недвусмысленно ссылаются уставы столь многих университетов, если не всех, в которых иезуитский колледж руководил каким-либо из факультетов, в качестве основания для освобождения религиозных членов Общества от всех денежных сборов, связанных с университетскими делами.¹²⁵ Не было допущено ни одного остроумного компромисса, который мог бы ослабить этот принцип в отношении денежных соображений.¹²⁶ Напротив, предлагаемые наиболее законные и обильные доходы не принимались в качестве рекомендации для университета, если существовали какие-либо условия, не соответствующие требованиям Института.¹²⁷

Немецкий колледж в Риме был основан Игнатием, чтобы формировать немецких священнослужителей для немцев. В то время бенефиции и приходские церкви во владениях Германского императора, как правило, были вакантны из-за нехватки священников. Вскоре случилось так, что священники оказались в ожидании из-за отсутствия пособий. Лойола уделял этому колледжу так много внимания не только из-за обычного исцеления душ. Верный себе, всегда стремящийся к чему—то выдающемуся, *-rarum et eximium facinus*, как он однажды сказал схоластам Коимбры, "к редкому и превосходному достижению, которое стоит более шестисот обычных достижений", — он основывал семинарию для проповедников, профессоров, прелатов. Если студенты, присланные из Германии для приема и поддержки на этом основании, не являются дворянами, "во всяком случае, - пишет Игнатий в 1552 году, - пусть у них не будет недостатка в благородстве души".¹²⁸ Это учреждение, которое причинило столько беспокойства некаатолической Германии. Это обновило священство.

Таким образом, за свою короткую шестнадцатилетнюю официальную карьеру Игнатий с удовлетворением увидел, что новая и обширная образовательная политика увенчалась успехом. Несмотря на активное противодействие, которое вели против него могущественные круги в Риме, — и энергичную осаду со стороны школьных учителей нельзя было не презирать, и это нельзя было не отметить, — несмотря на отчаянную враждебность Сорбонны, которая только начинала свою войну против Общества во Франции, со штурмами Толедо и Сарагосы, сопровождавшими его движения в Испании; несмотря на открытую войну с ересью в протестантской Германии, где язвительность, доведенная до последней степени концентрации, должна была озлоблять историю, вплоть до дней Ранке и Сарагосы. Янссен должен был прийти и начать отстаивать истину истории; благодаря трудам Игнатия монополия образования разрушалась; старые университеты больше не были ни единственными хранилищами высшего образования, ни арбитрами интеллектуальной жизни Европы; и все лучшие знания, которые могли передать самые образованные люди, теперь давались безвозмездно и в стольких центрах образовательной деятельности, сколько Обществу было позволено создать. И, хотя к чести

Германии следует отнести то, что на ее земле возникли шестнадцать старых университетов, теперь, при содействии Немецкого Общества, возникло более шестнадцати иезуитских университетов, помимо двухсот колледжей. И в силу папских хартий уже было свершившимся фактом, что все полномочия университетов в отношении степеней бакалавра, магистра, лиценциата и Доктора были возложены на главу Ордена, который мог делегировать их нижестоящим начальникам. [129](#)

Неудивительно, что все факультеты христианского мира считали Орден незванным гостем и агрессором. Так можно считать и сегодня. Бесплатное и всеобщее образование было у дверей всех. Мы, люди девятнадцатого века, можем льстить себя надеждой, что именно дух нашей эпохи вдохнул в Орден Иисуса за три столетия до того времени. Возможно, так. Но нам придется подождать еще несколько столетий, даже после девятнадцатого века, прежде чем мы придем к такому образованию, которое дается повсеместно и дается безвозмездно. Ибо это одна из самых ощутимых характеристик всей образовательной и прочей филантропии, о которой мы знаем, - то, что это чрезвычайно дорогая вещь.

Давайте теперь завершим наш рассказ о великом просветителе, святом Игнатии Лойоле. Все подробности его смерти были сохранены для нас теми, кто был с ним в последний момент. Они не были его первыми товарищами. Из них те немногие, кто выжил на сегодняшний день, через шестнадцать лет после основания Общества, были разбросаны по разным странам. С ним были Джон Поланко, его лощеный секретарь, Андре Фрузис, француз, один из самых одаренных лингвистов и *литературоведов*, Кристофер Мадрици, доктор университета Алькала, и Жером Надаль, которого в Париже задолго до этого Игнатиус пытался привлечь на службу в свой Институт; но Надаль отверг все попытки, указав на Библию у него под мышкой и сказав, что ему не нужен никакой другой институт, кроме этого. Он был человеком высочайшего качества суждений и руководящего склада ума. Позже, когда подвиги святого Франциска Ксаверия в Индии и Японии стали предметом разговоров и восхищения Европы, Надаль вступил в Орден так осторожно, что можно было бы сказать, что он сделал это неохотно; и все же он это сделал. Его последующая карьера показала, что он совершил ошибку, когда упустил место в самых первых рядах.

Другие были поблизости. Лайнез лежал в комнате больного; как считалось, на смертном одре; Мендоса тоже и Мартин Олав. Последний, примерно тридцать лет назад, был мальчиком, с которым Игнатий познакомился, когда бедным паломником добрался из Барселоны в Алькалу, чтобы продолжить учебу в университете. Мальчик подал ему милостыню, первую, полученную Игнатием в этом городе. С тех пор прошло много времени. Мальчик стал магистром искусств, а в 1543 году доктором Парижского университета, замечательным во многих отношениях добродетелью и ученостью. Теперь, человек зрелого возраста и большого авторитета, он принял Институт Игнатия. Он единственный из инвалидов умер сразу после своего учителя религии.

Последний 30 июля сообщил им, что находится при смерти. Но поскольку болезни преследовали его в течение многих лет, врачи не подтвердили его слов, и отец Игнатий больше не делал заявлений на эту тему. Он провел вечер в своей обычной манере, с совершенным спокойствием духа уладил кое-какие дела, а затем был оставлен в покое до следующего дня.

На рассвете они обнаруживают, что он испускает последний вздох. Он отказывается принимать какие-либо зелья. Сложив руки вместе, устремив глаза к небу и произнося имя "Иисус", основатель Общества Иисуса уходит из этой жизни в Своем Доме в Риме.

Это было тридцать первого июля 1556 года. Ему было шестьдесят пять лет. Тридцать пять лет прошло с тех пор, как рыцарь короля Наваррского с такой торжественностью сменил свое облачение, повесил меч и кинжал в святилище Монсеррата и поклялся стать Рыцарем в Царстве Христовом.

Все время с тех пор он провел в крайней бедности, в практике аскетизма, в утомительных путешествиях паломника, в еще более утомительной погоне за письмами, под гнетом преследований, тюрем и цепей, а также под неумолимой усталостью от всеобщей предусмотрительности, бдительности и администрации. Он проявил себя лидером и повелевающим людьми, таким, каким его создала природа, и таким, каким он был, как показывает история.

В особенности он известен своим благоразумием. Подходя к каждому предприятию с самым разнообразным и исчерпывающим обдумыванием, проводя сорок дней в размышлениях над определением единственного пункта Конституции, проливая на свои помещения всевозможный свет консультаций и рекомендаций и обычно имея в своей комнате для справки только две книги, Новый Завет и "Подражание Христу", он продумывал каждый план до последней степени определенности и последовательности. Однажды придя к такому определенному выводу, ему было нелегко отклониться от выбранного направления. Совсем иначе. С предельной бдительностью он прилагал все усилия и применял все средства, будь то доступные люди или необходимые меры, для достижения своей цели. Даже когда, как это часто бывало, он исходил из принципов, отличных от принципов обычного человеческого предвидения, очевидно, из чистого доверия к Божественному Провидению, он не освобождал себя от необходимости применять, с той же осмотрительностью и усердием, что и всегда, средства, достаточные для выполнения того, что он начал. Ожидая четырнадцать часов и постясь при этом в приемной принца, чтобы не упустить благоприятный случай, составляя одно и то же письмо дважды, трижды и чаще, чтобы не сказать то, что нужно, и отправляя тридцать писем за одну ночь, он проявлял в управлении большими и малыми делами то, что отличало все его предыдущие обдумывания, высшую степень совершенного благоразумия и практического совершенства.

Если во всем этом есть много выдающихся качеств, достойных восхищения, то есть еще более удивительный результат. Он делал свою работу так, что она продолжалась без него. И следовательно, если всякий раз, когда ему случалось оказываться где-либо на поле боя, приходилось принимать во внимание такого человека, возможно, не покажется странным, что его Орден также, даже подвергнутый остракизму и изгнанный, принимается во внимание, если он где-либо виден на социальном горизонте. В то время как я пишу это, спустя триста пятьдесят лет после его смерти, бундесрат, закрывая Культуркампф и допуская все изгнанные ордена Католической церкви обратно в Германскую империю, делает исключение для иезуитов. Это запрещает Порядок Иисуса и не приводит никаких оснований, кроме очевидного факта, что Порядок таков, каков он есть. Очевидно, Игнатий Лойола делал свою работу так, чтобы она продолжалась без него; и продолжалась так, как он ее делал.

ГЛАВА IX. ПОСЛЕДУЮЩИЕ АДМИНИСТРАЦИИ.

Согласно современной хронике за 1556 год, первое сообщение о смерти Игнатия вызвало такое глубокое чувство скорби у всех членов Ордена, что, казалось, на мгновение ими овладело оцепенение. Но это было лишь временно. За этим последовал заметный подъем духа, проявляющийся повсюду. Общество начинало свой путь.¹³⁰

На первой генеральной ассамблее отец Джеймс Лейнез был избран преемником основателя на должности главного настоятеля. Вопросами, которые касались собрания в его законодательстве и нового генерала в его администрации, были надлежащее временное основание колледжей, приемосужденных или колледжей-интернатов, а также другие вопросы, которые могут быть отмечены в *"Памятнике немецкой педагогики"*.¹³¹ Лейнез управлял Орденом в течение девяти лет, до 1565 года.

Отец Фрэнсис Борджиа, который отказался от своего герцогства и своим примером побудил Карла V искать упокоения в монастыре Святого Юсте, был избран третьим генералом. Его добродетели и присутствие, где бы он ни появлялся, оказывали такое магическое влияние, что стоило ему только проехать через Испанию, как колледжи вырастали как из-под земли. Только в этой стране за тринадцать лет с момента основания Общества были образованы три провинции. Но такое увеличение числа колледжей, зачастую недостаточно обеспеченных для своего будущего развития, уже рассматривалось как одна из угрожающих слабостей Компании. Специальный закон, принятый во время его избрания, предусматривал надлежащее учреждение в каждой провинции филологических, философских и теологических семинарий для подготовки профессоров.¹³² Вместо пропорционального числа студентов-иезуитов, получающих поддержку от каждого университетского фонда, этот закон и многое другое, что последовало позже, предписали систему концентрации в семинариях гуманистической литературы, философии, естественных наук и богословия, которые проводились соответственно корпусом выдающихся профессоров, отобранных для этой цели, и содержались либо на каком-то щедром фонде, специально созданном для этой цели, либо за счет соответствующей доли других университетских фондов. В это время в соответствии с постановлениями Тридентского собора начали создаваться колледжи для подготовки епархиального духовенства, или "Епископские семинарии", как их обычно называют. Порядок приема их в колледжи Общества и, таким образом, доступа к иезуитским курсам регулировался этим собранием. Ни в коем случае им не должен был предоставляться профессорский состав, отличный от профессорско-преподавательского состава колледжа.

В 1573 году отец Эверард Меркуриан, бельгиец, был избран преемником святого Франциска Борджиа. На момент избрания ему было шестьдесят восемь лет, и он прожил восемь лет после этого. Он извлек из Конституции различные краткие изложения правил для руководства высшими должностными лицами Общества. Те из них, которые касаются исследований, приведены на нескольких страницах *"Памятника"*.¹³³

После его смерти его преемником был избран молодой человек тридцати семи лет от роду, вступивший в Орден всего около двенадцати лет назад. Это был Клавдий Аквавива, сын принца Джона Аквавивы, герцога Атри. Он был человеком, который за свои выдающиеся управленческие способности и услуги, оказанные Ордену в самые критические времена, считался вторым основателем. О том, какие результаты, по мнению его администрации, были достигнуты в сфере образования, свидетельствует *Ratio Studiorum*. Он руководил Обществом в течение тридцати четырех лет.

Муций Вителлески, один из самых кротких и благородных людей, но не по этой причине неэффективный в своем управлении, сменил Аквавиву на тридцатиоднолетнем посту, с 1615 по 1646 год. Различные педагогические интересы привлекли внимание генеральной ассамблеи, которой он был избран; в частности, пропаганда гуманных писем, способы снабжения профессоров и поисковый характер экзаменов, назначаемых членам Общества на каждом этапе обучения.

Чем дальше Общество продвигалось в истории, тем меньше появлялось нового законодательства. Напряжение со стороны администрации росло; и срочность, проявленная генеральными ассамблеями, свидетельствует об этом. Филологическая семинария была разработана для младших схоластов, а классическая форма была разработана для нее Жуванси. Как к выдающимся талантам проповедника и руководителя относились с особой благосклонностью, поскольку им разрешалось компенсировать некоторые недостатки в квалификации, необходимой для получения профессиональной степени в Ордене, так и специальное законодательство предусматривало аналогичные достижения в литературе, восточных языках, греческом и иврите.

Математика с самого начала была сферой деятельности, присущей энергичным сотрудникам Компании. Географические и исторические школы развивались в семнадцатом и начале восемнадцатого веков. Школа современной физики, утверждавшая себя в то время и так близко подошедшая к области метафизики, была подчинена постановлениям ассамблей 1730 и 1751 годов.

После восстановления Порядка, когда социальные и образовательные условия так сильно изменились, вся территория должна была быть обследована заново с целью адаптации; учебная программа должна была быть расширена и, при необходимости, продлена для удовлетворения растущих потребностей точных наук; и необходимо было предусмотреть неопределенное количество специальностей путем отбора и воспитания особых талантов. Этими специальными направлениями, согласно терминологии последней генеральной ассамблеи, являются "Древние языки, филология, этнология, археология, история, высшая математика и все естественные науки". Таким образом, история общего законодательства подводит нас к самой недавней дате - 1883 году, менее десяти лет назад.

Тем временем генералы, на которых лежало бремя надзора за всем этим, выполняли административные функции. Отец Винсент Караффа поощрял занятия художественной литературой и определял позиции в математике. Отец Фрэнсис Пикколомини в общем указе для всех высших учебных заведений определил позицию, которую должны занимать профессора, представляющие само Общество на своих кафедрах; то же самое сделал и отец Госвин Никель в отношении некоторых новых вопросов. И ему, и его преемнику Полу Оливе пришлось столкнуться с новыми непредвиденными обстоятельствами, возникшими в результате

обвинений янсенистов в том, что они называли расплывчатыми моральными учениями иезуитов. Отец Олива стимулировал стремление к совершенству в области гуманной литературы на греческом, иврите, арабском и халдейском языках. Положения Декарта, Лейбница, а также некоторых других в философии и теологии были подвергнуты критике генералами Тамбурини и Рецем. Отец Игнатий Висконти вновь призвал стремиться к совершенству в литературных вопросах и в манере руководства литературными школами. А генерал Алоизий Центурионе незадолго до Подавления Восстания изложил самые ясные принципы в отношении изучения Морального богословия и проводимых по нему экзаменов. С момента восстановления Ордена отцы Рутаан, Беккс и фактический генерал Энтони М. Андерледи посвятили свое собственное внимание и направили внимание Общества на способы принятия с неослабевающей энергией изменившейся и неблагоприятной ситуации, в которую нынешний век поставил Орден и которая препятствует возрожденному Институту.

Ибо эта огромная организация была почти полностью уничтожена одним росчерком пера — подпись Климента XIV, сделанная карандашом. Они спорят, сказал ли он это вообще; или, по крайней мере, имел ли он это в виду. Как бы то ни было, Орден, который был основан на принципе послушания, получил слово и исчез. Скала, на которую он поставил свою ногу, стала алтарем жертвоприношения; и это жертвоприношение, принесенное без борьбы или увещаний, свидетельствовало о какой-либо перемене в духе, с которым Игнатий двести тридцать три года назад поклялся в послушании Наместнику Христа. По случаю первого столетия со дня рождения Архимеда была написана эпиграмма под изображением Архимеда и его рычага; Архимед добивается опоры для своего рычага, способного двигать мир; а под ней эпиграмма:

Fac pedem figat, et terram movebit.

Теперь у него отняли опору, и он исчез из мира.

В то время как католические дворы Бурбонов, таким образом, добились успеха в осуществлении маневра, который они с перерывами предпринимали до сих пор, российская императрица-раскольница Екатерина II осудила его и попыталась противодействовать ему. В 1783 году она написала папе римскому, "что она полна решимости поддерживать этих священников вопреки любой власти, какой бы она ни была"; и она сдержала свое слово; общество в Белой России оставалось неподавленным. Протестантский король Пруссии Фридрих Великий, не проявляя всего темперамента вспыльчивой дамы, манипулировал ситуацией как мог, чтобы сохранить Общество.

Подводя итог опыту Ордена, вполне можно сказать, что в общественной жизни нет воскресения; и государство, которое умирает, мертво навсегда. С младенчества и до зрелости он дряхлым идет своим путем к могиле. И все же Бальмез замечает: "Общество Иисуса не следовало общим курсом других ни в своем основании, ни в своем развитии, ни в своем падении; этот Орден, о котором истинно и справедливо сказано, что у него не было ни младенчества, ни старости".¹³⁴ Оно поднялось снова; и знамя рыцаря Лойолы, хотя и изношенное и порванное, от этого не стало менее прекрасным:

Jam se ipso formosius est.

Ибо ни буйство выносливости, ни неистовство энергии, хотя и порождающие сильнейшую усталость, не следует путать с упадком.

Столетие назад, когда экспроприация и изгнание были признанной политикой европейских судов; когда, как утверждает американский писатель, в Португалии "Помбал разрубил гордиев узел.... Он начал с изгнания иезуитов и экспроприации их собственности". Это также не упадок Ордена, когда либеральная конфедерация в Швейцарии, получив политическое господство в 1848 году, закрывает иезуитский университет во Фрибурге и предусматривает таким образом, как записывает один американский писатель: "Ни одному религиозному обществу не должно быть позволено преподавать; и лица, впоследствии получившие образование у иезуитов или любого из орденов, связанных с иезуитами, не должны занимать должности в Церкви или государстве".¹³⁵ Политика, подобная этой, будь то в странах, "исключенных", или в странах, ранее "присоединенных", доказывает, что "ни одно религиозное общество не должно быть допущено к преподаванию". никакого распада в Порядке.

Но то, куда может прийти разложение, было ясно указано одним из его Генералов. Говоря о воспитании молодежи и продвижении гуманистической литературы, Муций Вителлески писал в 1639 году: "Если когда-либо Общество утратит то высокое положение, которое оно занимает среди стольких провинций и народов, такое событие не может произойти никаким иным образом, кроме как из-за неспособности идти теми же шагами, благодаря которым, по Божественной Милости, оно приобрело это высокое уважение".¹³⁶

Эти шаги были предприняты различными путями, из которых только два касались нас здесь. Ибо ее деятели были в значительной степени отождествлены с общей историей Европы; а ее люди слова, которые трудились в апостольской работе дома или за границей, вплели свои воспоминания в историю душ, часто неблагодарных, но всегда достойных тяжелого труда. Но представители его школы проделали работу, которую мы в общих чертах обрисовали и которую проанализируем во второй части этого эссе; в то время как его авторы заслуживают здесь мимолетного упоминания.

Они касаются нас во многих отношениях с педагогической точки зрения. Они написали учебники, многие из которых сегодня являются основой руководств почти по всем направлениям образования, иногда без изменения ни слова и, как правило, без подтверждения. Кроме того, их литературные произведения были, как правило, плодом их школьных трудов. Возможно, небезопасно оценивать их положение как *литераторов*, используя метод, которым пользуется шотландский профессор, который в ходе сорока семи изящных лекций по риторике и художественной литературе не видит особых поводов признать существование этой иезуитской школы литературы, за исключением тех случаев, когда он из кожи вон лезет, чтобы приветствовать отца Рапена несколько сомнительным образом.¹³⁷ Многие из тех, кому сам шотландский профессор воздает честь на своих страницах, были учеными-иезуитами — Боссюэ, Корнель, Мольер, Тассо, Фонтенель, Дидро, Вольтер, Бурдалу, сам иезуит. Тогда было бы безопаснее определить положение этих Профессоров, которые руководили великой литературной эпохой, обратившись к самому золотому веку, веку Людовика XIV. Большинство блестящих фигур, которых доктор Блэр называет иллюстрирующими эпоху,¹³⁸ были учеными-иезуитами. Естественно, что пятьдесят профессоров иезуитского колледжа в Париже были, как утверждал кардинал Мори, постоянным литературным трибуналом для всех литераторов, высшей судебной инстанцией, центром

общественного внимания, от которого исходило общественное мнение столицы; короче говоря, как выразительно сказал Пирон, "Звездной палатой литературных репутаций".¹³⁹

Несмотря на то, что они были преданы суровой профессии, мы можем сказать о многих из них, что сами они не были романтиками с живой фантазией или великими поэтами; и пока что согласны с Вольтером, который сделал именно это замечание о своем старом профессоре, папаше Поре. И все же, я полагаю, мы можем согласиться с духом реплики отца Поре, когда ему сообщили об этом замечании, что "он не был одним из великих поэтов". Иезуит ответил: "По крайней мере, вы можете признать, что я смог изготовить некоторые из них".

И если оценивать результаты на более широкой основе, чем просто поэзия, то, по-видимому, немало самых выдающихся людей в европейской истории стали результатом этой системы, а также людей, которые представляли все возможные школы и тенденции в своей последующей литературной и общественной жизни. Несколько имен свидетельствуют об этом. Среди них Декарт, Бюффон, Юстус Липсиус, Муратори, Кальдерон, Вико, юрисконсульт, основатель философской школы истории. Это Ришелье, Тилли, Мальзерб, дон Иоанн Австрийский, Люксембургский, Эстерхази, Шуазель, а также святой Франциск Сальский, основатель религиозного ордена Ламбертини, впоследствии самый ученый из пап под именем Бенедикт XIV, и нынешний понтифик Лев XIII, также самый эрудированный. Они, безусловно, представляют множество школ и направлений, и они, как и многие другие, происходят из тех же школ.¹⁴⁰

Как писатели всех мастей и даже на факультетах, весьма удаленных от обычных школьных курсов, писатели-иезуиты были, по крайней мере, настолько близки к учителям-иезуитам, что, как мы видим в библиографическом словаре Общества, все были профессорами, почти без исключения; и почти все преподавали гуманитарные науки, художественную литературу, риторику.

Когда отец Натаниэль Саутвелл из Норфолка попытался в 1676 году составить словарь этих авторов, он записал тех, чьи работы имели квалификацию респектабельного объема, чтобы рекомендовать их. Он ввел имена и работы 2240 авторов, которые соответствовали этому описанию. Это было через 136 лет после основания Ордена. Впоследствии предприятие неоднократно бралось в руки. Возможность когда-либо достичь этого была в значительной степени поставлена под угрозу из-за Подавления. Но, в конце концов, два отца Де Бакера опубликовали серию из семи томов в кварто в 1853-1861 годах; и за этим первым шагом они последовали в 1869-1876 годах новым изданием в трех огромных фолиантах, содержащих имена 11 100 авторов. В этот номер не входят дополнения с именами писателей нынешнего столетия, а также анонимных авторов и псевдонимов. Что касается этой последней категории, то исследования отца Зоммервогеля, проводившиеся вплоть до 1884 года, позволили ему опубликовать каталог, занимающий полный октаво объем в 600 страниц с двойными столбцами. Писатели этого столетия, каталогизированные De Backers в своем приложении, занимают 647 колонок, очень мелким шрифтом. В общей сложности три фолианта содержат 7086 колонок, сжатых со всем искусством типографской конденсации.

Там, конечно, можно увидеть Суареса, а также Корнелиуса а Лапиде, Петау и болландистов. Под одним именем, как и у Заккарии, записано 117 произведений, из которых 116-е находится в 13 томах кварто, а 117-е - в 22 томах октаво. Катехизис Канисия заполняет почти 11 колонок примечаниями к его основным изданиям, переводам, сокращениям; комментариями к нему и

критическими замечаниями. На счету Россиньоля 66 работ. Список произведений об Эдмунде Кампиане, за или против него, в основном на английском языке, занимает в фолио Де Бакерса две с половиной колонки мельчайшего шрифта. "Беллармин" в новом издании отца Зоммервогеля занимает 50 страниц в две колонки. [141](#)

Под каждой работой указаны издания, переводы, иногда сделанные на все языки, включая арабский, китайский, индийский; также критические статьи и работы, опубликованные в "опровержении" — противоречивом предприятии, которое в значительной степени сформировало протестантскую богословскую литературу того времени и, только в случае Беллармина, означало богословскую протестантскую литературу на 40 или 50 лет позже. В Оксфорде была основана кафедра борьбы с Беллармином. Издания одного из произведений этого великого человека каталогизированы Зоммервогелем под отдельными заголовками на 54 языках. [142](#)

В методической или синоптической таблице, приведенной в конце работы Авторов, представлены не только почти бесчисленные темы, к которым прилагаются каталоги с именами авторов, но и такие темы, которых можно было бы и не ожидать. Таким образом, под "Военным искусством" значатся имена 32 авторов; "Сельским хозяйством" - 11; "Военно-морским флотом" - 12; "Музыкой" - 45; "Медициной" - 28.

Завершая нашу Историю этого Образовательного Ордена, у нас есть один краткий взгляд на него у этих двенадцати или тринадцати тысяч авторов, все из одной семьи. У нас есть гораздо больше. Эта единственная работа, "свидетельствующая", как говорит Де Бакер в своем предисловии, "в одно и то же время о потрясающей деятельности и часто о бесспорных заслугах", течение времени которой составляло три с половиной столетия, а весь мир - место и театр, представляет собой общий отчет о религии, литературе, науке и образовании в каждой стране, цивилизованной или варварской, где Общество Иисуса трудилось и путешествовало. А где еще этого не было сделано? Во многих частях света первыми в этой области появились литераторы, которые затем отправляли сообщения своему начальству или в ученые общества о нравах разных стран, состоянии религии там, о литературе, науке и образовании, включая отчеты о своих собственных наблюдениях в области географии, метеорологии, ботаники, астрономии, минералогии и т.д. Оригинальные источники, из которых черпает материалы более поздняя история Северной, Южной и Центральной Америки, описаны здесь в том виде, в каком они появились; то же самое касается Японии, Китая, Тибета, Филиппинских островов, Индостана, Сирии, а также современных языков североамериканских индейцев. Здесь список опубликованной литературы, описанный и каталогизированный в соответствии с датой, отмечает этапы математической и физической науки, начиная с конца шестнадцатого века и далее, и магнитных и электрических исследований на протяжении всего прошлого столетия; а также взаимосвязь между книгами иезуитских авторов и аналогичными или родственными книгами, написанными людьми вне Общества, в разных странах и различных религиях.

Короче говоря, произведения, написанные на большинстве языков мира, отражают основные периоды мировой культуры и развитие цивилизации человечества. [143](#)

Часть II.

АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

ГЛАВА X.

АКВАВИВА. RATIO STUDIORUM.

Такой централизованный Орден, как Общество Иисуса, который сформировал своих Профессоров для каждой страны и посылал их из одного места в другое, обязался при этом продемонстрировать определенную систему образования, курсов, методов. Помимо такого единства метода, она исповедовала также последовательное единообразие доктрины.

До этого времени не существовало ни одного метода, который можно было бы считать универсальным; потому что не было ни одного учебного органа, который сам по себе был бы универсальным. Орден, по мере того как он разветвлялся по миру, находил в моде различные системы; и профессора-иезуиты, насколько могли, приспособлялись к местным традициям очень разнородного населения в университетах, которые были самостоятельными и взаимонезависимыми. Но, хотя они пытались усовершенствовать такие системы в соответствии с планом своей собственной Конституции, было ясно, что им не удалось реализовать идею своего основателя. Следовательно, вариации и диспенсации были частью обычного распорядка дня.

Тем не менее, есть лучший способ делать все; и, не в последнюю очередь, в образовании. Таким образом, некоторые элементы необходимы всегда, в то время как другие случайны и меняются в зависимости от времени, места и обстоятельств. Идеальная система сохранит в своей целостности все, что существенно, а затем адаптирует общие принципы с максимальной адаптацией к конкретной среде.

Помимо желаемого единства метода, который я могу определить как *наилучший способ, наиболее приспособленный к обстоятельствам*, как я только что сказал, была необходимость в постоянном единообразии доктрины; чтобы на одной и той же кафедре философии, богословия или естественных наук или на стульях, расположенных рядом, один профессор не сказал "Да" на вопрос, а другой "Нет" на тот же вопрос, не имея более существенной причины, очевидной для различия, за исключением того, что один преподавал здесь, а другой там, один говорил вчера, другой говорит сегодня. Однако образовательный эффект отнюдь не является несущественным; поскольку противоречивые утверждения дополняют друг друга, вполне возможно, что на следующий день учащиеся понимают меньше, чем накануне. А что касается самих профессоров, то ничто так не может угрожать гармонии и эффективности образовательной организации, как расхождение во мнениях относительно функций и самого процесса преподавания. В философии поводы для споров возникают на каждом шагу. Теология, как всем известно, создана для того, чтобы ошетиниваться ими. И среди людей, которые сами воспитаны на высочайшем уровне умственной культуры, интересы и вопросы, подобные этим, поглощают гораздо больше, чем деньги, место или власть где-либо еще. Если где-то и правят идеи, то только среди людей глубокой мысли; как показала интенсивная интеллектуальность средневековых университетов со всеми последствиями неограниченных капризов

необузданной схоластики; или, опять же, как показала вся история интеллектуального греческого мира, будь то в ранние века христианской церкви или в языческие поколения до этого.

Итак, что бы человек ни думал в частном порядке и был свободен думать в вопросах простого мнения, гений образования накладывает ограничения на способ и содержание его фактического преподавания; и рассуждения мыслителя, писателя или исследователя не следует путать с наилучшими результатами педагога, который, выполняя свою работу наилучшим образом, достигает определенной и непосредственной цели. Эта цель - не что иное, как вооружить свежие молодые умы принципами мышления и жизненными привычками, чтобы они могли во всеоружии вступить на свой соответствующий путь исполнения обязанностей. Следовательно, с этой точки зрения для эффективной системы образования с самого начала требовалась определенность вопроса, не меньшая, чем единство метода.

В течение сорока лет индивидуальное предприятие опытных и ответственных людей занималось интерпретацией ценностей и измерением результатов существующих методов. Само общество заняло такое положение, что практически контролировало всю сферу светского образования. Его собственная система, должно быть, уже была превосходной. Эта система не могла быть одинаково превосходной, если бы не некое единообразие, которое ее характеризовало. Тем не менее единство было несовершенным. Провинции просили об улучшении. Зло преграждало путь к чему-то лучшему. По этим причинам этот вопрос брался в руки одного генерала за другим. И конечным результатом их работы была "Форма", или "Метод исследований", *Формула*, или *Ratio Studiorum*.

Девятнадцатого февраля 1581 года отец Клавдий Аквавива был избран пятым генеральным настоятелем Общества. Взявшись за этот образовательный проект там, где его оставили его предшественники, и, подобно им, используя свои почти безграничные ресурсы для получения информации, он начал с того, что провел работу через все возможные стадии консультаций, к которым его подтолкнули традиции его должности и его собственные управленческие способности; и, когда все благоразумные средства были исчерпаны при обсуждении, он затем использовал предоставленную ему исполнительную власть; и он потребовал, чтобы то, что было с таким трудом разработано объединенными усилиями многих, отныне было применено на практике при доброй воле всех.

Будет интересно кратко рассмотреть процесс разработки. На генеральной ассамблее, которая избрала Aquaviva, был назначен комитет из двенадцати Отцов из разных стран для разработки метода исследований. Насколько далеко продвинулась их работа, не сообщается. Три года спустя, в 1584 году, генерал назначил Комиссию из шести человек: Джона Азора из Испании, Гаспара Гонсалеса из Португалии, Питера Байса из Австрии, Энтони Гизани из Верхней Германии, Стивена Туччи из Рима и Джеймса Тира представлять Францию. Этот последний иезуит, шотландец, не был неизвестен в списках спорщиков своему соотечественнику Джону Ноксу. Все они имели опыт управления колледжами и разбирались в предметах всех факультетов. Приступив к своим трудам, они работали в течение шести зимних месяцев в Пентенциарии собора Святого Петра в Риме; а в течение следующих трех летних месяцев они проживали на Квиринале. Взоры главных авторитетов католического мира были обращены в ожидании к ним. Действительно, некоторые из главных интересов католического христианского мира, казалось, зависели от них.

Они проводили за консультациями по три часа в день. Остальное время они посвящали консультированию авторов и отработке методов в трех областях литературы, философии и богословия. Документы, которые они изучали, перечислены сами по себе как протоколы предыдущих обсуждений, проведенных в Риме или в более известных коллегиях Ордена; письма, консультации и законы университетов и другие подобные документы, отправленные в разное время до этой даты из Италии, Испании, Франции, Германии, Польши; четвертая часть Конституции в качестве стандарта руководства; каноны общих собраний; правила и статуты школ; более того, обычаи и предписания Римского колледжа.¹⁴⁴

После девяти месяцев непрерывной работы они представили результаты генералу в августе 1585 года. Отец Аквавива передал документ на экспертизу профессорам Римского колледжа. Затем он взял весь этот вопрос на свое личное рассмотрение вместе со своими четырьмя главными помощниками, каждый из которых представлял определенное количество провинций. На этом этапе отчет был напечатан не в соответствии с установленным правилом, а в качестве предварительного наброска правила. Зачеркнутых экземпляров было немного, их как раз хватило для использования в провинциях. Письмо генерала, сопровождавшее отчет, точно определяло стадию, на которой теперь понимался этот процесс.¹⁴⁵

Он говорит, что в вопросе, имеющем столь серьезные и повсеместные последствия, в его намерения не входило что-либо назначать, не ознакомившись предварительно с мнением главных врачей Общества. Соответственно, он удовлетворился ознакомлением с результатами работы Комиссии, ничего не постановляя и ничего не меняя, за исключением того, что было необходимо для приведения их в форму для распространения. Теперь Он потребовал от провинциального начальства, немедленно по получении настоящего письма, отобрать по крайней мере пять человек, которые были бы наиболее компетентны в плане образования и суждений, наряду с другими членами, видными литераторами, и которых Провинция могла бы счесть подходящими для созыва. Им должен был быть представлен отчет, с которым каждый мог ознакомиться в частном порядке и с большой тщательностью. В определенные дни, несколько раз в неделю, они должны были встречаться и проводить консультации; излагать свои выводы в письменном виде, как в отношении практического метода исследований, так и в отношении умозрительных мнений, которым они отдавали предпочтение; они должны были отмечать все, что, по их мнению, следовало добавить, прояснить или иным образом отрегулировать для большего совершенства работы. Если кто-либо из Отцов, назначенных в этот провинциальный комитет, не мог присутствовать на заседаниях, тем не менее они должны были направлять свои мнения в письменном виде Отцам, непосредственно присутствующим на заседании; таким образом, можно было полностью учесть общественное мнение в этой провинции. Критерием, которому они должны были следовать при принятии решения, было не столько их личное чувство или их собственная склонность к тому или иному, сколько общее благо всего общества, практика университетов и школ и, в конечном счете, суждения врачей, наиболее признанных за их авторитет и основательность доктрины.

Аквавива ссылается на идею и намерение Игнатиуса относительно нынешнего предприятия; и он добавляет: "Я хотел бы, чтобы все неуклонно держали в поле зрения эту цель, чтобы они пытались выяснить причины, а не то, как можно предотвратить окончательное постановление, как если бы предприятие было трудным и вряд ли могло быть выполнено (поскольку мы решили выполнить его, поскольку это необходимо и рекомендовано Конституцией); но как трудности, если таковые имеются, могут исчезнуть, и весь Орден может объединиться в одно и то же

соглашение; ибо в противном случае конечным результатом был бы только больший ущерб Обществу".

Он обращает их внимание на важный момент в том, что сейчас называется Педагогикой, или Наукой об образовании. Дело в том, что в разосланном сейчас бланке Отцы Церкви постарались объяснить причины, по которым они пришли к таким выводам. Это не было бы сделано в Системе, которая будет разработана позже, и которая содержала бы только указания, которым все должны следовать. Этими словами мы проводим важнейшее различие между наукой, лежащей в основе системы образования, и самим практическим методом, основанным на науке. *Ratio Studiorum*, обнародованный впоследствии, является практическим методом. Наука излагается, по мере необходимости, в предварительном *Соотношении* 1586 года.

В то же время отец Аквавива отправил другое письмо, о котором он говорит в постскриптуме к предыдущему, что шесть пунктов, предварительно изложенных в нем, должны быть подвергнуты такой же проверке, как и само предварительное *соотношение*.

В этом дополнительном послании он исходит из того, что для издания окончательного свода правил потребуется много времени и размышлений; и поэтому в качестве руководства на данный момент он издает следующее:—

Во-первых, профессора должны придерживаться святого Фомы Аквинского в качестве стандарта в богословии.

Во-вторых, они должны заботиться о том, чтобы в своем обучении всегда укреплять веру и благочестие.

В-третьих, он устанавливает принцип, имеющий еще более широкое применение и кажущийся жизненно важным во всей теории и практике преподавания: "Пусть никто не защищает никакого мнения, которое, по мнению большинства ученых людей, противоречит общепринятым догматам философов и теологов или общему согласию теологических школ". Это затрагивает жизненно важный элемент образования. Если мы предположим, что искусство учителя заключается не в том, чтобы излагать свои собственные частные мысли и теории, а в том, чтобы сообщать надежные результаты, одобренные и подтвержденные, тем, кто приходит за такими результатами и желает получить их наиболее одобренным способом, тогда профессору на своей кафедре не следует принимать себя за автора в своем исследовании, и ему не следует практиковать на живых людях, вся жизнь которых у них впереди, то, что он мог бы, пристойнее, сначала практиковать в мире досуга и проверять в другом месте, либо на страницах печатных изданий, либо на конференции с равными себе людьми. Профессор, как таковой, не является оригинальным исследователем. В математике он, как известно, не таков. В этой области лучший учитель - это человек, который идет по определенной линии, не сворачивает ни вправо, ни налево и заканчивает в определенное время; иначе его ученики никогда не закончат. В определенной степени то же самое справедливо для всех курсов. Если человек теоретизирует, когда ему следовало бы учить, он отклоняется от линии совершенной системы, сколько бы усилий он ни прилагал к своему делу; точно так же, как если бы, не прилагая никаких усилий, он вообще пренебрег своим делом, зашел за него или обошел его стороной, рассказал историю своей отрасли, методы ее преподавания и рассуждал о педагогике молодым людям, которых никогда не посылали к нему с этой целью. Они посланы для изучения определенного вопроса и формирования в нем по хорошему плану человеком,

который в нем разбирается. Тогда, как сказал Лойола в другой связи, "когда они испытают на себе последствия этого", они будут подготовлены ко всему остальному, к пониманию самого плана, по которому они были сформированы, и к наслаждению всеми практическими результатами этого; и, если позволит их жизненный путь, к пониманию и других планов. Это практическая мудрость образования, а не дилетантизм или спекуляция.

В-четвертых, Aquaviva устанавливает принцип публичного отстаивания мнений. Он не имеет в виду власти, осуждающие их, или профессоров, отвергающих их; но просто указывает на определенные условия для их выдвижения: "Если в определенной провинции или городе обнаруживается, что мнения, независимо от того, чьи они, оскорбляют многих католиков, независимо от того, являются ли они членами Общества или нет, то есть лицами, не лишенными права судить, пусть никто не учит их или не защищает их там, хотя те же доктрины могут преподаваться в другом месте без оскорблений". Слово "защита" в подобном контексте означает публикацию и поддержку тезисов против всех желающих в публичных диспутах; при этом профессор представляет школу, а школа привлекается к ответственности перед Орденом. Принцип кажется сдержанным. Если корпоративная организация не хочет, чтобы ее компрометировали, член не должен компрометировать ее. Если он хочет воспользоваться совершенной свободой своих мнений и самостоятельно выступать со своими собственными заявлениями, он должен сначала убедиться в том, что его обстоятельства таковы, что он свободен от представления интересов других. Это элементарный принцип социального и урбанистического существования.

Пятый пункт касается прогресса в продвижении мнений. В нем описывается метод осторожного развития: "В вопросах, которые уже рассматривались другими, пусть никто не придерживается новых мнений, или в вопросах, которые каким-либо образом относятся к религии или имеют какое-либо значение, пусть никто не задает новых вопросов, не посоветовавшись с Префектом учебных заведений или Вышестоящим начальником. Если, таким образом, все еще остаются сомнения в том, допустимо ли новое мнение или новый вопрос, будет уместно, чтобы упомянутый авторитет, чтобы все могло идти более гладко, узнал мнение других членов Общества по этому вопросу; и тогда он определит, что представляется наилучшим для вящей славы Божьей ". В шестом и последнем пункте Аквавива обращает внимание на предыдущее постановление о способе обращения с философией Аристотеля. [146](#)

Вот и все для этого письма от Аквавивы. Относительно смысла и подтекста этого он предложил сообщить мнения всего Ордена, а также о документе, который он прилагает, - предварительном *Ratio Studiorum*. На это мы можем теперь обратить наше внимание.

Шесть Отцов Церкви, составивших его, заявляют в своем введении, что есть две опоры Общества Иисуса: "горячее стремление к благочестию и выдающаяся степень образованности", *ardens pietatis studium et prestans rerum scientia*. Если благочестие не озарено светом учености, оно, без сомнения, может принести большую пользу тому, кто им обладает, но едва ли принесет какую-либо пользу в служении Церкви и ближним, в распространении Слова и Таинств, в воспитании молодежи, в спорах с теми, кто враждебен вере, в подаче советов, ответе на сомнения и во всех других должностях и функциях, которые подобают членам Ордена. Все это требует наделения знаниями, причем не обычными, а превосходными по своему уровню.

Для получения такого образования крайне важно, чтобы мы определили перед собой, на какой путь мы вступаем, какие искусства мы применяем и какие средства используем; потому что,

если не будет принят готовый и испытанный метод, *ratio facilis ac solers*, много труда будет потрачено на сбор лишь небольших плодов; тогда как, если учебным трудом руководить по какому-либо мудрому правилу, будут получены отличные результаты ценой небольших исследований.

Далее Комиссия заявляет: "Мы взяли на себя обязательство обучать не только членов Ордена, но и молодежь из внешнего мира. Численность этого последнего класса огромна; он включает в себя блестящие таланты и представляет дворянство. Мы не можем представить, что мы должным образом выполняем свои функции или оправдываем сформированные от нас ожидания, если мы не кормим это множество молодых людей так же, как это делают медсестры, едой, приготовленной наилучшим образом, из-за страха, что они вырастут в наших школах, не сильно продвинувшись в учебе. Дополнительным стимулом является то обстоятельство, что все, что нас касается, является достоянием гласности и изо дня в день находится на виду у всех, даже у тех, кто не очень хорошо к нам расположен". Отцы Церкви считают излишним распространяться об этой гармонии взглядов, столь высоко ценимой Конституцией, в вопросах государственной политики или преподавания; они говорят: "до сих пор такой гармонии нельзя было уделять достаточного внимания; ибо, когда еще не было предписано общего порядка или формы, каждый думал, что он может придерживаться тех чувств, которые ему нравятся, и учить им других так, как он сам предпочитает; так что иногда члены Ордена расходились во мнениях как между собой, так и с другими за пределами церкви". [147](#)

После описания в ярких выражениях того, как они вели свои обсуждения и пришли к выводам, и как, когда между ними возникал какой—либо острый спор, [148](#) они разделяли и разграничивали спорный вопрос и рассматривали его в течение двух и даже трех дней, пока, наконец, не пришли к согласию относительно того, что все они приняли, критики переходят к Практике и порядку исследований; [149](#) и об этом они подробно рассказывают в последующих главах под следующими заголовками:-

Священные Писания. Продолжительность курса богословия. Способы закончить этот курс за четыре года. Метод чтения лекций. Вопросы, которые либо не должны рассматриваться профессорами богословия, либо должны рассматриваться только в определенной части курса. Повторения. Диспуты. Выбор, цензура и исправление мнений. Частные занятия студентов. Каникулы. Степени бакалавра, магистра, доктора. Противоречивое богословие. Моральное богословие. Иврит. Изучение философии, которая включает физику. Математику. Литературу, то есть грамматику, историю, поэзию, риторику. Литературные семинарии и высшие факультеты. Профессора литературы. Грамматика, которую нужно использовать. Греческий. Различные упражнения по классике. Побуждения к учебе. Метод поощрения. Книги. Каникулы в низших классах. Порядок и благочестие. Соответствующие предметы и упражнения классов грамматики и гуманизма. Класс гуманизма. Класс риторики. Общее распределение времени в течение года.

Именно эти вопросы рассматриваются в публикации 1586 года. В процессе обработки этот документ содержит, в качестве текущего комментария, полную теорию образования, или Педагогическую науку, как ее понимают эти критики. В кратких рамках этой работы будет невозможно дать больше, чем простой набросок педагогических элементов, содержащихся на ста пятидесяти страницах *Немецкого педагогического памятника*. [150](#)

Второе, неполное издание этого предварительного *Соотношения* было разослано отцом Аквавивой в 1591 году, к которому прилагается занимательная библиографическая история.¹⁵¹ В 1593 году состоялось пятое общее собрание ордена под председательством Клавдия Аквавивы. К этому времени, в течение семи лет, прошедших с момента первого издания, книга была подвергнута экспертизе во всех провинциях; замечания и критические замечания были возвращены; она была повторно передана Отцам церкви в Риме и переработана генералом со своими помощниками; и снова была отправлена на суд. Провинциалы и депутаты, собравшиеся в 1593 году, принесли с собой отчеты о том, как работала система. Были отмечены ее малейшие недостатки.¹⁵² Большинство просило предоставить сокращенную форму.

На фоне очень серьезных вопросов, которые тогда оставались нерешенными, ассамблея приняла некоторые решения по *соотношению*. Он был еще раз передан компетентным органам для доработки. И он приобрел свою последнюю и определенную форму, вероятно, в девятом издании. Этот последний выпуск, вышедший в 1599 году, после пятнадцати лет, потраченных на его разработку, называется *RATIO STUDIORUM*.

Сто двадцать семь лет спустя великий старый Парижский университет, похоже, стал учеником своего образовательного соперника - Общества Иисуса. Кверард отмечает, что ректор Роллен, "ничего не говоря об этом, перевел *Ratio* для своей *статьи об этюдах*".¹⁵³ Действительно, как замечает М. Бреаль, историк этого университета, имея в виду подавление Ордена: "После освобождения от иезуитов Университет обосновался в их домах и продолжил их манеру преподавания".¹⁵⁴

Во всех общих работах по образованию говорится об этой системе. Ее форма представляет собой практический метод, без указания причин или аргументов. Это законодательный документ, который заменил все предыдущие формы. В письме генерала, которое сопровождало это письмо, приказывалось подавить их все, обнародовав это, исключив остальные.

Чувство, выраженное в последних словах этого письма как искренняя надежда, было полностью отражено ходом событий в течение ста семидесяти четырех лет, которые должны были пройти до всеобщего подавления Ордена: "Считается, - сказал он, - что это принесет обильные плоды на благо наших ученых", *Quae nostris auditoribus uber fructus allatura creditur*. Письмо Аквавивы датировано восьмым днем января 1599 года.¹⁵⁵

ГЛАВА XI. СТАНОВЛЕНИЕ МАСТЕРА. ЕГО КУРСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ФИЛОСОФИИ.

Кажется уместным в рамках нашего предмета рассмотреть, во-первых, формирование Мастера, а во-вторых, формирование Ученого. Развитие Мастера будет вести нас главным образом через высшие исследования; развитие Ученого, скорее, через низшие. Таким образом, два человека, вокруг которых вращается наука образования, будут непосредственно подвергнуты проверке; в то время как элементы, которые их формируют, в то же время будут подвергнуты проверке.

Без теоретизирования по педагогике сама иезуитская система, просто наблюдаемая и осознанная, приводит к формированию Профессоров. Есть несколько причин, очевидных на первый взгляд, почему это должно быть сделано. Исследования, которыми занимаются члены Ордена, являются теми же курсами, которые Орден исповедует для всего мира. Но для членов-иезуитов, обучающихся на курсах дайверов, самая сложная система экзаменов на каждой стадии с особым тщательным способом тестирования студентов разработана с учетом одного объективного момента, который заключается в способности иезуита преподавать то, чему он научился, и это, как было продемонстрировано во время экзамена. Способ, которым этот момент определяется в судебном порядке, заключается в отсылке экзаменаторов к стандарту, называемому "посредственностью". После личного и устного диспута с молодым иезуитом, длящегося либо полчаса, либо один час, либо два часа подряд, в зависимости от стадии, на которой он находится, четыре или пять экзаменующих профессоров большинством голосов должны признать, что он "превзошел посредственность". К образованности, благоразумию и искренности экзаменаторов взывают без каких-либо дальнейших санкций, за исключением самой последней стадии развития молодого человека, когда успех в испытании даст ему право на профессиональную деятельность в Обществе. Затем благоразумие каждого экзаменатора стимулируется, а его искренность скрепляется клятвой. Только на одном начальном этапе, на первом экзамене в ходе трехлетнего изучения философии, новичку предоставляется определенный запас в пользу чистой посредственности.

"Посредственность" определяется как такая степень интеллекта и понимания изучаемых вопросов, которая может дать отчет о них тому, кто просит объяснения. "Превзойти посредственность" обозначает способность студента отстаивать всю свою позицию с такой эрудицией и легкостью, которые показывают, что он способен, с точки зрения реальных достижений, исповедовать изучаемую философию или теологию. Последняя степень в Ордене, которая является профессиональной, требует этой компетентности для всей философии и теологии вместе взятых. Тогда мы видим, что способность преподавать становится критерием достаточно хорошего обучения. Пройдя все ступени с этим знаком отличия, человек, который после семнадцатилетнего общего образования и необходимого развития других квалификаций затем назначается профессором на кафедру высших факультетов, в значительной степени соответствует манере, порожденной стремлением "превзойти посредственность", и делает это с характеристиками профессора.¹⁵⁶ Как те же принципы, если не в той же форме, влияют на выполнение учебной программы по литературе, мы сейчас увидим в оставшейся части этой главы.

Учебная программа по литературе была пройдена иезуитом еще до вступления в Орден. Но после его поступления принимаются специальные меры, чтобы заставить его пересмотреть эти исследования, расширить их и понять с точки зрения учителя. В истории иезуитов случалось, и природа среднего образования всегда будет такова, что наибольший объем преподавания проводился на этих литературных курсах. И немалой частью общего возрождения науки, осуществленного Игнатием Лойолой, было то, что литературе было отдано должное, как студентами, которым предстояло поступить на философские или научные курсы,¹⁵⁷ так и теми, кто намеревался начать мирскую жизнь. Ранее мы обратили внимание на рассуждения Аквавивы относительно этой политики.¹⁵⁸ Литературные курсы, о которых идет речь, - это курсы грамматики, гуманитарных наук и риторики, рассчитанные на пять-семь лет. Отцы церкви 1586 года подчеркивают важность этих исследований для английских и немецких студентов в Риме, как будто с ними сталкивались особые трудности.¹⁵⁹

Если мы зададимся вопросом, каковы были результаты строгих правил, принятых для обеспечения соблюдения этой политики, и какой степени мастерства удалось достичь на иезуитских курсах художественной литературы и красноречия, нам останется только обратиться к подтверждающим свидетельствам истории о "красивом стиле" и литературном совершенстве ученых. Интересный ответ, с бытовой точки зрения, нам случайно дает замечание, которое делают отцы Верхней Германии, когда в 1602 году они посылают в Аквививу несколько своих анимационных отзывов о *Ratio*. Они говорят, что студенты класса риторики могли бы произнести свои собственные речи, "поскольку в этом классе обычно встречаются, особенно среди второкурсников, молодые люди, которые часто превосходят даже своих собственных профессоров по гениальности, разнообразию и беглости своего языка". [160](#)

Значение всего этого очевидно при определении оценки тех студентов, которые просят о приеме в Орден. Именно после полного гимназического курса такого рода должна начаться жизнь иезуита. И это те знания, которыми он должен будет овладеть на манер учителя. Он рассмотрит их, как только закончится его двухлетнее послушничество.

Эти годы послушничества были пустыми с точки зрения светских занятий. Но, в других отношениях, будучи временем для размышлений и внутреннего приложения к делам своего ума и сердца, они стоят долгого периода в процессе развития характера, привычек к усердному труду, приобретения вкуса к уединению и добродетели, а также практики послушания советам. Действительно, выйдя из этого периода интенсивного приложения усилий к познанию себя, молодой религиозный ученик уже начинает свою карьеру в познании людей и успешном общении с человеческими характерами. Отныне церковные знания и другие приобретения будут соответствовать его положению как Религиозного деятеля; но ради особого призвания Общества Иисуса он возвращается к светским занятиям.

Ввиду его приближающегося "регентства", или профессорства в учебной программе по литературоведению, критики 1586 года дают такой совет: "Для школ было бы наиболее выгодно, если бы те, кто собирается стать наставниками, были бы в частном порядке переданы в руки кого-нибудь с большим опытом; и в течение двух месяцев или более практиковались бы у него в методе чтения, преподавания, исправления, письма и руководства классом. Если учителя не изучили эти вещи заранее, они вынуждены изучать их впоследствии за счет своих учеников; и тогда они приобретут мастерство только тогда, когда уже потеряют репутацию; и, возможно, они никогда не отучатся от дурной привычки. Иногда такая привычка не является ни очень серьезной, ни неисправимой, если ее усвоить с самого начала; но если потом эту привычку не исправить, то бывает так, что человек, который в противном случае был бы очень полезен, становится почти бесполезным. Невозможно описать, насколько плохо воспринимают Наставники, если их исправляют, когда они уже приняли фиксированный метод обучения; и какие постоянные разногласия возникают на этот счет с Префектами учебных заведений. Чтобы устранить это зло в случае с нашими профессорами, пусть префект главного колледжа, откуда обычно берутся наши профессора гуманитарных наук и грамматики, напомним ректору и провинциалу, примерно за три месяца до начала следующего учебного года, что, если Провинции понадобятся новые профессора на следующий семестр, они должны выбрать кого-нибудь, в высшей степени сведущего в искусстве ведения занятий, будь то в данный момент фактический профессор или студент богословия или философии; и к нему будущие магистры должны приходить ежедневно на час, чтобы он подготовил их к новому служению, а также к

другим преподавателям. читать проповеди по очереди, писать, диктовать, исправлять и выполнять другие обязанности хорошего учителя". 161

Этот совет соответствовал постановлению второй генеральной ассамблеи, состоявшейся в 1565 году, через девять лет после смерти Игнатия. Было решено, что в каждой провинции должна быть учреждена по крайней мере одна совершенная семинария Общества для подготовки профессоров и других специалистов, которые были бы компетентными работниками в виноградарстве Христа, на кафедре гуманистической литературы, философии и богословия, чтобы их было достаточно для нужд всей Провинции. Это должно было быть сделано как можно скорее в каждой провинции.

С тех пор стало общим правилом, что все должны были провести "по крайней мере два года в школе красноречия", помимо повторения грамматики, если это было необходимо. 162 "И если кто-то настолько одарен, что обещает большие успехи в этих занятиях, стоит посмотреть, не следует ли им потратить на них три года, чтобы заложить более прочную основу". 163 Такому прочному фундаменту в области гуманистической литературы соответствует особая привилегия в завершении образования члена, поскольку Общество допускает к Профессии человека, в целом выдающегося в литературе, даже если в теологии он, возможно, не превзошел посредственность; привилегия, которая распространялась на отличное владение индийским и восточными языками, а также на заметное превосходство в греческом и иврите. 164

Рассматривая более подробно это литературное образование, мы можем обратиться к программе семинарии младших членов, составленной Жуванси. Он составил его во исполнение соответствующего указа, принятого сто лет спустя генеральной ассамблеей 1696 года. Этот указ требовал, чтобы "помимо правил, по которым магистры литературы руководствуются способом преподавания, им были предоставлены соответствующие инструкции и методы обучения, и, таким образом, ими руководили в их частных занятиях, даже когда они фактически преподают". 165 Рассматриваемый метод изложен в первой части небольшой книги Жуванси, озаглавленной *Ratio Discendi et Docendi*, "Искусство изучения и преподавания". Беглый взгляд на эту часть показывает, что, обращаясь к мастерам по предмету их собственных частных исследований, его указания в основном зависят от их эффективности как учителей.

Жуванси делит свой предмет на три главы: во-первых, знание и использование языков; во-вторых, владение науками; в-третьих, некоторые вспомогательные средства для изучения.

Что касается языков, то их всего три: греческий, латынь и родной язык. Излагая некоторые принципы стиля в целом, он говорит: "Если правильное понимание, согласно Горацию, является первым принципом и источником правильного письма, то отсюда следует, что стиль, который есть не что иное, как определенная манера письма, состоит из двух частей: во-первых, разумной мысли или чувства, правильно понятого; во-вторых, выражения того же самого; так что, поскольку сам человек состоит из души и тела, всякий стиль также состоит из лежащей в основе мысли и способа ее выражения". Мысль должна быть правдивой, наглядной и адаптированной к предмету. Чтобы думать о вещах истинно или справедливо, требуются умственная сила и проницательность, которые отличают то, что действительно является сутью предмета, от того, что является лишь обманчивой видимостью или носит поверхностный характер. Помощь во всем этом можно получить от чтения хороших книг, от точных размышлений и длительных размышлений, которые не просто скользят по предмету или касаются его отрывочно; опять же, от анализа частей, причин, дополнений; наконец, от

благоразумного суждения других, или того, что называется критикой. Что касается способов приобретения правильной дикции, Жуванси говорит: "Я бы хотел, чтобы вы воспользовались книгами, посвященными этому вопросу, не для того, чтобы воображать, что все делается путем листания их; вы добьетесь гораздо большего, если будете обильно читать лучших писателей"; и еще: "'обильную дикцию", *copia verborum*, легко приобрести, если много читать". Хороший стиль формируется чтением, письмом и подражанием лучшим авторам; и читать следует только лучших авторов, "чтобы запах иностранного и порочного стиля не въелся в сознание, как в новые вазы".

Переходя к изучению своего родного языка, Жуванси формулирует следующие моменты: "Изучение местного языка состоит главным образом в трех вещах. Во-первых, поскольку мальчикам объясняют латинских авторов и переводят их на родной язык, созданная таким образом версия должна быть как можно более элегантной. Поэтому пусть учитель сам разработает свою версию или, если он обращается к какому-либо писателю на местном наречии, пусть он сначала сравнит латинский текст с версией, находящейся перед ним; таким образом, ему будет легко понять, что характерно для того или иного языка и в чем соответствующая сила и красота каждого из них. Тот же метод следует применять при объяснении и переводе исторических произведений в младших классах. Во-вторых, все черновики сочинений, продиктованные на местном наречии, должны соответствовать самым точным правилам родного языка, без каких-либо стилизованных изъятий. [В-третьих,] будет полезно время от времени поднимать и обсуждать все, что было замечено в ходе чтения, и все, что другие заметили относительно порочных и превосходных качеств речи. Младшему Мастеру следует остерегаться чрезмерного увлечения чтением местных авторов, особенно поэтов, что приведет к потере времени и, возможно, к ущербу для добродетели".

Интерес, проявленный здесь к порочным и превосходным качествам родного языка, был вкладом школ в развитие современных языков. Строгость, которая здесь предписывается в отношении использования поэзии, также не была препятствием для формирования нескольких хороших поэтов среди самих иезуитов. Фридрих фон Шпее считается выдающимся поэтом-лириком семнадцатого века. Дени, как переводчик Оссиана на немецкий, помог открыть более поздний период немецкой литературы. В итальянской прозе Бартоли, Сегнери, Паллавичини признаны классиками; Тирабоски - историком литературы; Брешиани в наши дни - популярным романистом. Как писатели французской прозы, Бурдалу и Бухур принадлежат к самому избранному кругу золотого века Людовика XIV; Дю Синь, Брюмуа, Турнемин, помимо других, уже упомянутых на этих страницах, заняли свое место в качестве литературных критиков. И в своих нескольких национальных литературах Каур, Мартин, Гаруччи достигли литературного возвышения как искусствоведы.

Возвращаясь к основательности мысли как основе стиля, Жуванси устраняет ложные украшения утонченного и резкого стиля, сводя концепции к диалектическому анализу: "Что означает эта вещь?" И он приводит примеры.

Во второй главе той же части, *Ars Discendi*, он подходит к овладению теми науками, которые присущи мастеру литературы. Он говорит: "Эрудиция религиозного учителя не ограничивается простым владением языками, о которых мы говорили до сих пор; она должна подняться выше, до понимания некоторых наук, которые обычно преподаются молодежи. Таковы риторика, Поэзия, история, хронология, География и филология, или эрудиция, которая представляет

собой не столько отдельную науку, сколько ряд эрудированных достижений, которыми опытный человек должен, по крайней мере, обладать". Историю он делит на Священную, Всеобщую и Частную. "Что касается историй отдельных народов, то писатели соответствующих национальностей записывают их"; "и если вы не добавите Хронологии к истории, вы вырвет у Истории один глаз". Для географии он указывает книги и карты, которые тогда были в наличии. И для всех разделов он указывает стандартных авторов.

Теперь, в этом небольшом риторическом наброске Жуванси, мы можем отметить две особенности, одну педагогическую, другую историческую. Этим частным исследованиям придается отчетливо педагогический характер, поскольку они носят рекомендательный характер и проводятся с явной привязкой к кафедре магистра. Историческая особенность, которую следует отметить здесь, является общей для иезуитской учебной литературы в целом; которая во многих своих отделах ознаменовала несколько эпох и, в целом, составила эпоху в образовании.

Таким образом, во времена *Ratio Studiorum* действительно существовало несколько первоклассных наставников на пути литературного становления. Их было трое: Цицерон, Квинтилиан и Аристотель. Из них профессор риторики должен был вывести суть и разъяснить свой метод. *Ratio* называет их своими учебниками по Наставлениям. ¹⁶⁶ Из этих источников литературная деятельность и опыт многих поколений профессоров в нескольких сотнях колледжей Ордена, как правило, указывали наилучший путь для достижения литературного совершенства. Курс литературы, на котором они сами были непосредственно подготовлены к преподавательским обязанностям, служил лишь для того, чтобы организовать этот вопрос и переварить его. Бесчисленные педагогические учебники, выпущенные до Жуванси и после него, демонстрируют прогресс движения за несколько столетий. И в настоящее время эту систему можно увидеть в ее наиболее развитом виде, если обратиться к новейшим руководствам, таким как "*Ars Dicendi*" отца Клютгена или "*Путеводитель молодого литератора*" отца Брокерта. Но задолго до наших дней самые обычные системы обучения литературе воплощали этот метод; и он есть в самых распространенных учебниках.

Аналогичную эпоху положила еще в 1572 году "Грамматика отца Эммануэля Альвареса", *De Institutione Grammatica Libri Tres*, работа, принятая *Ratio*, затем переизданная столь многочисленными тиражами, что не поддается никаким подсчетам, переведенная полностью или частично на тринадцать языков; в то время как одна часть, хорошо известная в наше время как "Латинская просодия", приписывается разным авторам или издателям. ¹⁶⁷ Последние издания этой грамматики, выпущенные на разных языках, представляют интерес. последние двадцать пять лет. Эта эпоха развития грамматики вытеснила тонкости и метафизические абстракции средневековых методов. ¹⁶⁸

В области истории, не говоря уже об объемистом Джеймсе Сирмонде, чьи исследования среди оригинальных источников были проведены еще до окончания XVI века, отец Дени Петау (Петавиус) в начале следующего столетия написал свой великий труд по хронологии, заложив точную основу в этом отношении для Всеобщей истории, как священной, так и мирской. ¹⁶⁹ В Женеве и Голландии этот труд был воспроизведен. Публикации Лаббе по древней и современной истории и хронологии, большая часть из его восьмидесяти работ посвящена этим предметам, с несколькими сокращениями и географическими дополнениями; "Практическая история" отца Бюффье, которая была опубликована для школ в 1701 году, а затем быстро

выдержала множество изданий, чтобы быть дополненной в 1715 году его "Универсальной географией", его трактатом о земном шаре и его Картами, которые выдержали несколько десятков изданий на французском, итальянском и голландском языках; эти и другие работы подобного рода указывают направление педагогического развития, происходящего в одно и то же время в различных колледжах. Следовательно, "Новые элементы истории и географии для использования учеными Колледжа Луи-ле-Гран", который был сокращением книги Бюффье, мог бы с некоторым основанием сказать на своей первой странице: "Насколько велика была беспечность эпохи, в остальном столь разумной и культурной, как наша, в том, что она до сих пор не сделала историю и географию существенной частью образования молодежи? Общественность и потомки, возможно, будут благодарны Колледжу Луи-ле-Гран за то, что он показал в этом отношении пример, который должен сделать честь нашему времени".¹⁷⁰ Таким образом, на службу иезуитскому образованию были поставлены те же ресурсы, которые в литературном мире в целом помогли сформировать историков-иезуитов: Мариана, историк Испании; Дамиан Страда, о войне в Нидерландах; Бальбин из Богемии; Нарушевич, из Польши; Катона, о королях Венгрии; Дамбергер, о средневековье; Фрэнсис Вагнер, о войне в Нидерландах. Леопольда I; Г. Даниэль, королевский историограф Франции.

Географию нельзя отделять от истории. Вплоть до конца шестнадцатого века География Птолемея, исправленная, модифицированная, видоизмененная в соответствии с отчетами мореплавателей, была научным стандартом, но неопределенным, колеблющимся и противоречащим самому себе. Начиная с начала семнадцатого века, астрономические наблюдения, присланные с дальнего Востока миссионерами-иезуитами, подчеркивали необходимость общей реформы, уже достаточно очевидную. Отец Риччоли при содействии отца Гримальди, который известен в науке как один из предшественников Ньютона, предпринял в своей *Geographia Reformata* реформу географии средствами астрономии.¹⁷¹ С этой целью он сначала создал свою собственную метрологию, идентифицировав и приведя к общему обозначению все измерения, полученные в отчетах из разных частей земли. Первое лунное затмение, о котором он упоминает в своих астрономических отчетах, наблюдалось в ночь на 8 ноября 1612 года отцом Шайнером в Ингольштадте и отцом Чарльзом Спинолой в Нангасаки в Японии. В то время, когда Риччоли писал эту книгу, в Китае было много миссионеров-иезуитов. Адам Шалл умер в 1666 году, занимая пост президента Математического трибунала в Пекине; за ним последовал Фердинанд Вербист; а затем длинная череда имперских астрономов Небесной империи, Кеглер, Халлерштейн, Сейшас, Франческо, Де Роша, Эспинья, продолжали посылать свои отчеты либо в колледжи своих соответствующих провинций, либо в другие математические центры, либо в ученые общества Европы, членами которых были немало иезуитов. Тем временем научные сотрудники из Индостана, Сиам, Тибета с одной стороны земного шара и из Сан-Доминго с другой стороны хлынули в Коллеж Луи-ле-Гран и сделали этот образовательный центр незаменимым помощником Бюро долгот. Все это, оказавшее влияние на образование, было воспринято миром в целом с удовлетворением и неуклонно, хотя и с некоторыми трудностями, двигало педагогические организации по пути прогресса. Парижский университет довольно поздно пошел по стопам иезуитов.¹⁷²

Что касается математики в образовании, очевидно, что аналогичный процесс развития, должно быть, был в истории этой отрасли, с тем ограничением, однако, что математическая наука не была так близка к созданию заново за последние столетия, как некоторые другие разделы. Отец Кристофер Клавийус, "Евклид своего времени", был привлечен Григорием XIII к реформированию

Календаря, того самого, которым мы пользуемся сегодня; он умер в 1612 году. После его смерти, пока переиздавалось полное собрание его сочинений, отец Циглер руководил новым изданием, пока оно не было закончено в пяти томах. Фрэнсис Костер из Кельна, Уртадо Перес из Ингольштадта, Генри Гарнет, англичанин, и Грин Бергер, преемник Клавияуса, оба из Рима, принадлежали, как и другие математики Ордена, к шестнадцатому веку. Авторы "Предварительного соотношения", 1586 г., требуют, чтобы в кратком курсе математики "Элементы Евклида" "всегда были приправлены каким-либо применением к географии или сфере"; затем, в следующем году, должна быть закончена остальная часть "Воплощения практической арифметики" отца Клавияуса^{173;174} и предусмотрены специальные курсы для членов Ордена, которые обещают выдающиеся достижения.¹⁷⁵

Действительно, будь то в качестве преподавателей офицерского состава армии и флота или в качестве строителей и руководителей обсерваторий, члены клуба изучали все разделы математики, как чистые, так и прикладные. "Трактат о военно-морской эволюции" отца Л'Оста использовался во французском военно-морском флоте как "Книга иезуита".¹⁷⁶ Об этой книге граф де Местр забавно пишет в 1820 году: "Английский адмирал заверил меня менее десяти лет назад, что свои первые инструкции он получил в "Книге иезуита". Если рассматривать события как результаты, то лучшей книги в мире нет!"¹⁷⁷ Эксимено в школе Сеговии обучал молодых дворян математике и физике. наука об артиллерии. И так, в целом, курсы были организованы в соответствии с потребностями соответствующих населенных пунктов. Венецианская республика учредила золотую медаль в честь Винсента Риколати, инженера-иезуита, точно так же, как король Дании наградил Де Вико, астронома, золотой медалью, отчеканенной в его честь и снабженной надписью: "Видна комета, 24 января 1846 года".¹⁷⁸

Кирхер, Боскович, Пьянчани, Секки, Перри, удостоенные членства в столь многих ученых академиях и оказывающие сегодня заметное влияние либо благодаря далеко идущим результатам своих исследований, либо благодаря их реальному контакту с наукой, могут рассматриваться как принадлежащие к нашему самому недавнему времени.¹⁷⁹

Следует отметить, что этот Порядок был обусловлен увеличением числа обсерваторий в середине прошлого века. Отец Хуберти руководил строительством обсерватории в Вюрцбурге; отец Максимилиан Хелл, придворный астроном, построил такую же в Вене. В Мангейме третий был возведен Майером и Мецгером; в Тырнау - один Кери; в Праге - еще один Степплингом; один в иезуитском колледже Граца; аналогично в Вильне, Милане, Флоренции, Парме, Венеции, Брешии, Риме, Лиссабоне, Марселе, Бонфе. Короче говоря, Монтукла замечает: "В Германии и соседних странах было мало иезуитских колледжей без обсерватории. Их можно было найти в Ингольштадте, Граце, Бреслау, Ольмюце, Праге, Позене и др. Большинство из них, похоже, разделили судьбу Общества, хотя есть несколько, которые пережили всеобщее разрушение".¹⁸⁰

Эти несколько указаний служат иллюстрацией педагогических эпох, созданных системой Ордена. И молодой участник, который формируется для того, чтобы внести свой вклад в развитие образования во всем мире, проходит проверку всех этих направлений. Одно из них, математика, изучается за пределами филологической семинарии, которую мы до сих пор рассматривали; это оставлено для его курса философии, который он будет изучать в течение трех лет, прежде чем фактически приступить к жизни в классной комнате или к своему

"регентству". Теперь мы можем предположить, что пришло время ему войти в классную комнату в качестве учителя грамматики и начальной литературы.

Когда он делает это, значит, за это философское трехлетие он овладел позитивными интеллектуальными достижениями, не скудными и не заурядными. Он исследовал всю область естественной мысли и исследований в различных областях - ментальной, физической и этической. Чтобы перечислить их, есть логика, включая диалектику, и критерии, объективные и субъективные, истины; Онтология, или общая метафизика; Специальная метафизика в ее трех подразделениях: —Космология, которая непосредственно лежит в основе физики, химии и биологии; Психология, которая лежит в основе всех антропологических наук о составе человека, его принципах и формировании его идей; Естественная теология. Все это теоретическая или спекулятивная философия. Кроме того, существует наука о нравственной жизни, которая включает этику, естественное право и социальное право. Параллельно с философией в течение одного года преподавался двойной курс физики и химии с курсом высшей математики, продолжительность которого варьировалась от одного года до трех; а также полугодовой курс геологии, астрономии и некоторых других вспомогательных дисциплин. Это общая формация. Принцип, которым руководствуются в отдельных случаях, был изложен Игнатием в следующих выражениях: "На высших факультетах, из-за большого неравенства талантов и возраста, а также из-за других соображений, ректор университета будет решать, сколько в каждой области должны изучать люди и как долго они должны оставаться на курсах; хотя для тех, кто находится в соответствующем возрасте и обладает необходимыми способностями в плане таланта, лучше, чтобы они старались продвигаться и выделяться во всем".¹⁸¹ На протяжении всего этого курса высших естественных наук некоторое внимание все еще уделялось аксессуарам. литература не была полностью забыта; практиковалось ораторское искусство, и по определенным поводам были представлены стихи. А затем новый Мастер вводится в свой курс "регентства".

ГЛАВА XII. МОЛОДЫЕ МАСТЕРА.

Когда Игнатий Лойола управлял Обществом, множество дел, которыми ему приходилось управлять, и сосредоточенность ума, которой они требовали, не мешали ему уделять каждому мельчайшему элементу то внимание, которое он специально привлекал. Поэтому он потребовал от молодых схоластов, которые пересматривали свои литературные занятия в Валенсии, прислать ему свои речи и стихотворение. То же самое произошло и с учителями низших классов в Мессине, на Сицилии. Этот колледж открылся с высшими курсами литературоведения; но уже на следующий год такие многочисленные толпы мальчиков младшего возраста пришли просить о приеме, что система, начатая с риторики и гуманитарных наук, была сокращена для удовлетворения их потребностей; и весь курс был распределен на пять классов. Игнатий требовал от учителей этих младших классов, не меньше, чем от учителей старших, каждую неделю писать и присылать ему отчет о делах его класса.¹⁸²

Это действительно знаменательный момент, когда мужчина становится учителем других. Это могут быть мальчики. Но независимо от того, являются ли они мальчиками, только

вступающими в жизнь, или юношами на пороге возмужания, их учитель должен быть учителем мужчин; и, возможно, в большей степени с мальчиком, чем с мужчиной, поскольку его контроль над младшим учеником должен быть намного более полным. Это не просто такой контроль, который будет касаться интеллекта зрелых людей, чьи характеры уже далеко продвинулись на пути формирования или, возможно, закрепились на всю жизнь; но он должен быть таким, который сформирует целостную человеческую природу, которая все еще остается гибкой и послушной.

Как почти всеобщее правило, схоласт-иезуит после прохождения курса философии переходит в колледж преподавать грамматику или литературу. Если спросить, почему это должно быть почти универсальным правилом, можно привести несколько причин. Во-первых, кандидат на вступление в Орден был принят с особым упором на эту работу. Если эта ссылка была явно проигнорирована, принятый таким образом кандидат относится к исключительной категории. Во-вторых, весь смысл того, что должно быть сказано в настоящей главе, покажет педагогическую политику в организации. Но, в-третьих, чтобы не останавливаться слишком кратко на одной особой физической форме, я скажу о ней сразу несколько слов.

Способ обучения молодежи - устный и самоучительный. Во всей иезуитской системе соблюдается устная манера: на экзаменах в младших классах, где допускается письменность, письменность включается в экзаменационные упражнения только как образец стиля и композиции. Для младших школьников манера преподавания является устной в самом специфическом смысле этого слова. Это не то общее качество, которое так же хорошо подойдет лектору или публичному оратору. Но это манера наставника, которая включает в себя запас сочувствия, того такта, который предполагает сочувствие, такого превосходства, как морального, так и интеллектуального, которое знает, как наклониться, и возвышает мальчика, наклоняясь, и делает все это естественно, инстинктивно, изящно. В обычном ходе человеческих дел эта магнетическая сила учителя более интенсивна, в зависимости от того, насколько с годами он ближе к предмету, на котором сказывается его влияние и которым оно спонтанно признается. Я имею в виду этот бесценный предмет - разум и сердце впечатлительного мальчика, который вот-вот станет взрослым, сначала молодым, а затем зрелым.

Юный субъект богат, хотя и не позитивными приобретениями, уже сделанными им самим; ибо в этом отношении его скорее можно считать, как говорит Саккини, *parum fructuosa*, то есть приносящим пока мало плодов ни в суждениях, ни в позитивных приобретениях. Но она богата своими обещаниями, поскольку стремится ввысь, к солнечному свету разнообразной и прекрасной истины. Это тот факт, который налагает на гуманитарное образование обязанность не пропускать ничего красивого или отточенного в воображении, мышлении или стиле. Это оправдывает Художественную литературу и наиболее законченный курс литературы как избранный сад цветов и фруктов, призванный богато и изысканно удовлетворять юношеские надежды ума, чувств и сердца.

Или, перевернув фигуру, если мы сравним сам ум в юности с отборной и плодородной почвой сада, мы можем заметить, что для возделывания такой почвы нужен садовник с нежной рукой и легким прикосновением. Он не должен быть ни лектором, который стоит в стороне, ни оратором, который декламирует, ни продавцом учебников, который читает и слышит пересказ того, что говорится в книге; он также не должен раздавать методы и анализ пытливому чувству и эмоциональной фантазии, которые в юной душе являются временным покровом

развивающегося интеллекта; даже, как в окружающей природе, вещи осязаемые распираются перед пытливым взором мальчика великими интеллектуальными истинами, которые они содержат. Анализы, учебники, лекции - это не под силу молодому уму. Но достаточно часто мы видим, в чем заключается настоящая сила; когда молодые люди, едва ли еще приближающиеся к расцвету жизни, оказывают на впечатлительных и блестящих юношей, ненамного младше их самих по возрасту, такое личное влияние, которое справедливо ставит их в один ряд с величайшими силами человеческой природы — силами, которые великолепно руководят, потому что они так хорошо знают, как следовать. Эта другая форма господства, более чисто интеллектуальная и берущая начало в широкой образованности и зрелости учености, принадлежит университетскому профессору более поздней стадии жизни. Отсюда следует, что молодость Мастера является преимуществом для самоучителя, обучающего молодежь.

Критики, составившие предварительное *соотношение* в 1586 году, придерживались мнения, что магистры литературных курсов должны назначаться к своей работе не после прохождения курса философии, а до. ¹⁸³ Они исключили бы из этого соглашения только профессора риторики; возможно, также, в ведущих колледжах, профессора гуманизма или поэзии; кроме, конечно, тех, "чей возраст или поведение показывают, что они еще слишком молоды, чтобы стать магистрами, или слишком преклонны в годах, чтобы их отстраняли от занятий философией". В поддержку этой точки зрения они приводят несколько причин, которые нас здесь мало интересуют; например, то, что, если молодые люди однажды попробовали на вкус тонкости философствования, они вряд ли смогут заставить себя больше получать удовольствие от безвкусного предмета грамматики; они будут корпеть над философскими знаниями; они будут отклоняться во время занятий в философские отступления, которые могут служить для показухи, но не для пользы. Критики также выражают опасение, что эти философы принесут в школьные классы языковой стиль, зараженный философскими терминами; и они цитируют выдающегося иезуита Аннибала Кодре, утверждающего, что, если философия была опробована заранее, впоследствии нельзя гарантировать ничего блестящего в литературном стиле. Но, несмотря на эти аргументы, Общество, когда дело дошло до утверждения окончательного соглашения в законодательном документе 1599 года, похоже, имело более высокое представление о молодых членах, а также об их способности и решимости избавиться от любого пагубного воздействия схоластической латыни, когда они дошли до кафедры чистейшей латыни. Следовательно, законодательство предписывает изучать философию, прежде чем приступать к преподаванию литературы. ¹⁸⁴

Однако есть несколько причин, которые, как настаивают эти критики, вполне актуальны для нашей нынешней темы. Они настаивают на том, что изучение грамматики требует определенного рвения или расторопности, которые скорее присущи людям моложе и которые пока что ближе к мыслям и чувствам детства. В этом отношении более полных результатов образования от них не дождешься, когда они станут старше. Если ощущается нехватка авторитета или опыта, их легко может дополнить префект учебных заведений, который постоянно присутствует на уроках грамматики; и его указания находят достаточный отклик в способностях и послушании учителя. Действительно, послушание советам является настолько необходимым требованием со стороны молодых учителей, что генерал Муций Вителлески замечает: "Если они проявят нетерпение к исправлению и откажутся от необходимых вспомогательных средств для повышения эффективности, их по всем статьям следует

отстранить от преподавания, даже если они проработали всего полгода; поскольку более справедливо и целесообразно, чтобы один испытал стыд, чем чтобы пострадали многие". 185

Если только исключительные таланты или простая сила обстоятельств не рекомендуют иной курс действий, нежелательно, чтобы новые учителя сразу становились мастерами более высокого класса Грамматики или Гуманности, хотя в остальном они не непригодны для этих классов. По всеобщему мнению, говорят критики, правилом должно быть то, что они начинают с самых низших классов, а затем, год за годом, переходят в следующий, более высокий класс, с лучшей частью своих учеников. Определенная грубость и неопытность, которые на первых порах неизбежны при управлении ими, будут причинять, пока это длится, не столько зло младшим, сколько старшим ученикам. Неопытность проходит с практикой. С другой стороны, если магистры повышаются каждый год, и ученые идут вместе с ними, одни и те же студенты остаются с одними и теми же учителями. Молодым людям не приходится так часто переходить от одного вида управления к другому. Частые перемены влекут за собой пустую трату времени, пока каждая сторона не узнает другую и не поймет свою роль, а также роль другого. 186 В 1583 году отец Оливер Манаре, посещавший немецкие провинции по поручению генерала, обратил внимание на этот момент в своем указе об управлении *convictus*, или колледжами-интернатами; что "частые перемены были обременительны для самих учащихся, потому что они были вынуждены часто приспосабливаться к новым учителям или старостам". 187

В том же смысле эти критики, за которыми мы следим, считают нежелательным, чтобы Мастер уходил со своего поста менее чем через три года. Частые и многообразные изменения вызывают нарекания со стороны внешнего мира. Кроме того, собственные усилия Мастера по достижению совершенства в искусстве арбитра будут сведены на нет. Когда нет перспективного постоянства в должности, разум не так серьезно относится к текущей работе. 188

Во всем этом критики сталкиваются с самым важным вопросом, касающимся мальчиков; и принимается определенное практическое решение. Вопрос в том, какую из двух альтернатив выбрать: подчинить мальчиков доминирующему влиянию одного человека или передать их через руки разных опытных и постоянных преподавателей, работающих соответственно в разных классах. Этот последний вариант, если понимать его как означающий, что один профессор постоянно остается на одной ступени, а другой - на другой, едва ли заслуживает рассмотрения ими, за исключением двух высших литературных классов — поэзии и риторики, — где требования к эрудиции настолько значительны, что требуется длительный срок для достойного заполнения кафедр. Но если альтернатива в отношении постоянных профессоров означает, что одни и те же преподаватели постоянно остаются в рамках одной и той же учебной программы, то, по-видимому, критики предварительного *соотношения* спорят о нем в обоих смыслах, за и против; и в конце концов они приходят к решению или, скорее, компромиссу. 189

Самое суровое, что они говорят против этого плана, заключается в следующем, когда речь идет непосредственно о двух высших классах: "Постоянство такого рода может привести к простой праздности и безразличию; ибо, приобретя в первые годы некоторое уважение и известность за свои познания (в поэзии или риторике), Учителя предпочитают наслаждаться плодами и славой уже проделанного труда, каким бы умеренным он ни был, а не изнурять себя новыми трудами. Следовательно, они не делают никаких новых приобретений в обучении и достижениях, присущих их отрасли; они укореняются практически на одном и том же месте и учат тому, чему учили раньше, снова и снова, хотя и с некоторыми вариациями. Что еще хуже, как будто они

совершенно измучены своими длительными упражнениями, они говорят, что больше не могут выносить весь труд по упражнению своих учеников; из-за чего все замирает, и они просят помощника, который, если он необразованный, приносит больше вреда, чем пользы; если он образованный, то почему двое выполняют работу одного?"

Решение, к которому они приходят, представляет собой компромисс, признающий особые преимущества обоих механизмов. Это воплощено в нескольких правилах *Ratio Studiorum*.¹⁹⁰ как можно больше постоянных профессоров грамматики и риторики; и некоторые кандидаты на вступление в Орден, которые кажутся пригодными для этой области деятельности, хотя, по-видимому, вряд ли преуспеют в высших исследованиях Общества, могут быть приняты при условии, что они навсегда посвятят себя этой ревностной работе. Таким образом, такие требования предусмотрены как постулирующие бессрочность профессорского звания в рамках одной и той же ограниченной учебной программы.

С другой стороны, нормальный процесс - это организация постоянной смены преподавателей в колледже, но не постоянная смена одних и тех же мальчиков. Одни и те же мальчики идут рука об руку с единственным Мастером, с которым им приходится иметь больше всего общего. И никто не должен брать на себя их руководство, каким бы временным оно ни было, говорит генерал Вителлески, "то ли из-за малочисленности, то ли просто для того, чтобы заменить другого в его отсутствие, в отношении которого нет уверенности, что он подходит для этой должности".¹⁹¹ Очень частое упоминание во всех этих обсуждениях чего-то вроде домашних трагедий, возникающих в результате смены учителей, по-видимому, показывает две вещи; во-первых, это оправдывает практику содержания одного и того же Профессора над одними и теми же мальчиками в течение определенного периода лет, если не до тех пор, пока сам класс не растворится в высшие курсы; во-вторых, это показывает, каким обычным состоянием было для учителей завоевать самую абсолютную привязанность к себе при исполнении своих судейских обязанностей, как со стороны родителей, так и со стороны учеников. Так, говоря о профессорах, набирающих силу в своих классах, критики говорят: "Они увидят, в чем нуждаются их ученики; они переведут их на следующий курс. И, следовательно, смена Хозяев, ставшая причиной стольких трагических сцен, не будет ощущаться так сильно".¹⁹²

Добавить эти элементы постоянства и идентичности другой, который является самым основным из всех, личности их становление как мастера, так что молодые иезуиты, как генерал Висконти резюмирует дело в 1752 году, "должны быть наиболее опытные преподаватели риторики, сразу после новициат, мужчины, которые не только совершенно выдающимся на этом факультете, но, кто знает, как преподавать, и сделать все гладко для них; люди выдающийся талант и богатейший опыт в искусстве; кто не просто сформировать хорошие ученые, но чтобы обучить хорошего мастера"; и что "целые два года должно быть уделено риторике, по обычаю общества, что термин не в сокращенном виде, если необходимость срочно."¹⁹³ добавить, кроме того, равномерность плана", так что форма в нашей школе может быть везде столько, сколько можно то же самое, и, когда хозяева меняются, сама необходимость проходят без изменений."¹⁹⁴ следует, что, хотя поток новых кровеносных постоянно входя в педагогической тела, и постоянное обновление происходит, ни постоянства, ни личность учение и его система находится в зависимости от тех же лиц, оставаясь на той же должности. Естественно, таких условий не следует ожидать, за исключением особых обстоятельств религиозной общины, с совершенной организацией в теле, с сознательностью самоотверженного формирования, приводящей в действие членов, с ориентирами традиций и законодательным методом,

указывающим путь; и, наконец, с исполнительными должностными лицами, достаточными для контроля.

Что касается этого последнего названного условия исполнительного надзора за людьми и вещами в системе, то несколько правил для префекта этих литературных курсов объясняются сами собой. В *Ratio* от 1599 года говорится: "Пусть у него будут правила Мастеров и ученых и он проследит, чтобы они соблюдались, как если бы они были его собственными. Пусть он помогает самим Учителям и направляет их, и будь особенно осторожен, чтобы ни в малейшей степени не пострадали уважение и авторитет, причитающиеся им. Пусть он очень заботится о том, чтобы новые Наставники в точности следовали манере преподавания и другим обычаям своих предшественников, при условии, что они не были чужды нашему методу; чтобы у посторонних людей не было причин придираться к частой смене Учителей. По крайней мере, раз в две недели давайте ему послушать, как каждый из них учит". [195](#)

Поскольку эта моральная идентичность обеспечивается способами, средствами и взглядами преподавательского состава, индивидуальные элементы, которые каждый Мастер привносит в стоящую перед ним работу, не подвергаются большому вмешательству или затруднению со стороны общности методов, чем все разновидности рас, наций, политики и окружающей среды, которыми пренебрегает или которым препятствует единая система университетских учреждений, размещенная среди них. Именно ввиду повсеместного распространения система была отлита в своей точной и регулируемой форме, так что, несмотря на повсеместное распространение, она должна быть одинаково управляемой и эффективной. И точно так же, несмотря на то, что сама система едина, игра индивидуальных талантов может быть различной, как и движущие факторы в любой крупной организации.

Мы можем завершить эту главу, обратив внимание на несколько далеко идущих последствий вышеуказанных принципов. Во-первых, те, кто, приобретя личный опыт в классах, приходят руководить колледжами в качестве ректоров, как говорят критики 1586 года, получают полный и точный отчет как об учебе, так и о профессорах; ибо они сами "несли бремя школ и знают, как сочувствовать другим, исходя из собственного опыта"; факт, который тем более способствует достижению поставленной цели, что "колледжи были учреждены для изучения литературы". Кроме того, нередко в классах, особенно небольших колледжей, возникают трудности, которые едва ли могут быть преодолены, кроме как ректором, имеющим личный опыт, который может направлять его; в противном случае, независимо от того, сумеет ли он правильно разрешить трудность или решит ее неправильно, он в любом случае не принесет большой пользы, поскольку они не ставят ему в заслугу знание того, как это сделать ". [196](#) Упомянутые здесь "небольшие колледжи" как более подверженные внутренним трудностям, в другом месте эти критики противопоставляют "более крупным и принципиальным колледжам, в которых много консультантов или судьи под рукой, к которым Учителя могут обратиться за помощью; и сами школы обладают достаточным авторитетом ". Но в так называемых второстепенных колледжах "авторитет школ зависит по большей части от репутации и авторитета отдельных магистров", которые в данный момент занимают эти должности. [197](#)

В духе этого личного и опытного участия во всех делах колледжа ректор обязан настолько умерять другие заботы своей должности, чтобы оперативно поощрять и продвигать все литературные упражнения. Он должен часто посещать занятия, как на низших факультетах, так и на высших. [198](#) Каждый месяц или, по крайней мере, раз в два месяца он должен проводить

общие консультации со всеми Мастерами, изучающими курс логики, в присутствии нескольких префектов; и после прочтения некоторых отрывков из *Соотношения*, касающихся Мастеров или благочестия и хорошего поведения студентов, он должен поинтересоваться, какие возникают трудности или какие упущения замечены в соблюдении правил.¹⁹⁹ В книгах никогда не должно быть недостатка в том количестве, к которому стремятся члены клуба в целом, независимо от того, занимаются ли они преподаванием или продолжают свои исследования.²⁰⁰ К этому постановлению, касающемуся главного органа власти в провинции, пересмотренное *соотношение* 1832 года добавляет: "То же самое можно сказать о литературных периодических изданиях, которыми пользуются профессора; о музеях, физическом оборудовании и прочем оборудовании, которое необходимо колледжу в соответствии с его степенью". Генерал Висконти несколько категорично замечает, что "покупая книги, ректоры никогда не сочтут деньги своих колледжей потраченными не по назначению".²⁰¹

Jouvansu применяет тот же принцип к публикации литературных произведений Мастеров. Сначала он набрасывает серию литературных постановок, ожидаемых от них: ежегодные речи по случаю инаугурации, с которыми каждый профессор будет выступать в своем классе, публичная и торжественная речь, с которой по случаю инаугурации выступит профессор риторики, стихотворение, которое сочинит и прочтет магистр поэзии; затем в течение года должно быть произнесено определенное количество речей; и, в конце концов, трагедия, сочиненная профессором риторики, и небольшая драма профессора поэзии, обе будут разыграны на сцене. Далее Жуванси рекомендует, чтобы ни одно публичное мероприятие не проходило без того, чтобы не воздать должное какому-нибудь подобному литературному произведению. Затем он добавляет: "Нельзя считать бесполезными и те расходы, которые идут на печатание хороших стихотворений. Во всех этих вопросах к литературным упражнениям и их демонстрации следует добавить великолепия, причем таким образом, чтобы все тем временем стремилось к солидности эрудиции".²⁰²

Вторым следствием литературного состава, отмечающим весь Орден, является выгодное положение, на которое он ставил иезуитов по отношению ко всей учености и образованным людям Европы. Свободное и элегантно владение латинским языком сразу же давало возможность овладеть средством общения, с помощью которого передавались все знания. Наши критики 1586 года суммируют преимущества этого особого преимущества в нескольких главах: члены Ордена имеют дело со столькими народами; схоластические диспуты, будь то по философии или теологии, всегда ведутся на латыни; члены Ордена пишут так много книг; они могут отдать должное древним Отцам Церкви; им постоянно приходится иметь дело с учеными людьми.²⁰³

Последнее следствие, которое я приведу, вытекает из наблюдения тех же авторов, в том же месте. Это проливает немалый свет на историю Общества и показывает практическое приспособление системы образования к современности. Таким образом, они говорят, что именно благодаря изучению художественной литературы, в большей степени, чем благодаря высшим способностям, Общество за короткое время распространилось по всем основным частям христианского мира. Она также не может быть сохранена лучше или надежнее, чем теми же средствами, с помощью которых она была впервые введена. Если они не попытаются сохранить это почетное отличие, которым Богу было угодно удостоить Общество, есть основания опасаться, что они сами все еще могут впасть в варварство, которым они далеки от

того, чтобы восхищаться в других. "Что касается других способностей, которые сами по себе достаточно блестящи, то в их развитии нет никаких проблем. Но из-за естественных склонностей, испытывающих отвращение к менее заметным занятиям, люди вынуждены, так сказать, тащить себя к этим низшим способностям. Поэтому им следует поучиться у хороших земледельцев, которые больше заботятся о пересаженных и экзотических растениях, чем о местных побегах".²⁰⁴ И они продолжают цитировать правило, сформулированное словами Игнатия генералом Эверардом Меркурианом, который требовал учреждения и сохранения литературной семинарии.²⁰⁵ Итак, мы заканчиваем здесь обсуждение низших факультетов на том месте, с которого мы начали.

Во всех тщательно подобранных планах каждый элемент соотносится со всеми остальными. Мужчины должны соответствовать работе, а работа должна подходить мужчинам. Если бы люди не были сформированы, лучшая система пришла бы в инертное состояние; и чем больше последовательности и жизнеспособности она сама предлагала внести, тем более неумелой и инертной она выглядела бы, памятником того, что она могла бы сделать, мертвой для того, на что она способна. Само по себе и по своим последствиям оно может показаться устаревшим, поскольку его не понимают. Только практическое использование вещи человеком, который в ней разбирается, демонстрирует ее ценность. Это правило вполне универсально везде, где для работы механизма требуется практическое понимание. Им нужно управлять разумно, чтобы его поняли. Как только это понято, растет практический интеллект.

ГЛАВА XIII.

КУРСЫ БОГОСЛОВИЯ И СМЕЖНЫХ НАУК. ЧАСТНОЕ ОБУЧЕНИЕ. ПОВТОРЕНИЕ.

1. Закончив курс преподавания литературы, иезуит возвращается к своим высшим занятиям. Богословие и смежные с ним науки выделяются своим внутренним достоинством; но, кроме того, они обладают изученным превосходством, приписываемым им в рассматриваемой нами системе. Почти универсальное правило - чередовать высшее образование с курсом преподавания литературы - подвергается особому исключению в случае тех "богословов, число которых невелико, а использование столь разнообразно";²⁰⁶ о которых Аквавива говорит, что "по мере развития высших курсов пропорционально меньшее количество студентов становятся квалифицированными для преподавания этих возвышенных наук".²⁰⁷ Та же политика действует в отношении тех, кто обладает выдающимся ораторским талантом. Лайнез, сам великий проповедник и компетентный судья в этом вопросе, освободил отца Фрэнсиса Страду от должности провинциала, освободив его для служения за кафедрой; и при этом он написал: "Если бы только у него было достаточное количество тех, кого он мог бы назначить на должность провинциала, он освободил бы всех проповедников от этой должности, чтобы они могли всецело посвятить себя распространению семени Божественного Слова".²⁰⁸ Из этих и других, "которые дают выдающиеся обещания быть равными более серьезным занятиям, или для кого существует непосредственная потребность в этом направлении",²⁰⁹ следует немедленно обратиться к изучению теологии.²¹⁰

Все, кто заканчивает эти высшие курсы, делают это как "имеющие квалификацию для преподавания"; точно так же, как они получили диплом по философии и родственным ей разделам.²¹¹ Но, хотя ни один студент не является магистром в течение своего философского трехлетия, ни один студент не призван исповедовать ни одну из этих областей, пока он не получит диплом также и по теологии. Здесь мы можем сослаться на несколько линий строгого параллелизма в системе, как в отношении допуска любых студентов, иезуитов или нет, к соответствующим курсам обучения, так и в отношении допуска самих иезуитов к преподаванию на кафедрах.

В качестве условия для приема любых студентов вообще на высшие курсы Общество ввело столь необходимую реформу, потребовав, чтобы литературная квалификация достаточно высокого уровня предшествовала поступлению в университет. Так, Ингольштадтский университет предписывает, что никто не может быть допущен к академическим, то есть университетским лекциям, кроме как после годичного изучения риторики; и он добавляет очень строгие правила относительно выбора курсов, повторений, диспутов и т.д. В трехлетнюю учебную программу философии.²¹²

Аналогичным образом, чтобы быть принятым в качестве изучающего богословие и соответствующие ему науки, необходимо получить высшее образование по курсу искусств, то есть философии и ее разделам. Так, Вюрцбургский университет предписывает, что никто не может быть допущен в качестве аудитора схоластической теологии, если он не является *Magisterio insignis*, "магистром искусств"; исключения составляют только присутствующие члены религиозных орденов, а также *Principis Alumnos*, "ученые князя". Другие, не получившие такого высшего образования, будут допущены к Нравственному богословию и его дополнительным разделам. Он даже не будет экзаменовывать на степень магистра искусств никого, религиозного или нет, кто изучал философию в частном учебном заведении или монастыре.²¹³ Чтобы подать заявку на получение академических степеней, "они должны доказать, что прошли все курсы в каком-либо одобренном государственном университете".²¹⁴

Учебная программа, которая сейчас находится перед студентом, рассчитана на четырехлетний курс. Он продлевается на пятый и шестой год для ознакомления со всей основой своих исследований; для подготовки публичной защиты от всех желающих; и, в случае студентов-иезуитов, для немедленной подготовки к занятию профессорского кресла, кафедры или к выполнению других функций. Следовательно, Кельнский университет, как правило, устанавливает полугодовой, или шестилетний, курс теологии.²¹⁵

Аналогичен этому параллелизм, который мы можем заметить при назначении членов Общества на профессорские кафедры. Хотя он и получил квалификацию для преподавания литературы после своего собственного полного курса письма в семинарии, все же, как мы видели, никто не должен быть поставлен во главе классов грамматики или гуманизма, если сначала не изучил его философию. Итак, опять же, на данном этапе, хотя, по-видимому, они компетентны преподавать философию и признаны квалифицированными для ее преподавания, все же никто не должен быть поставлен на кафедру этого курса, кто также не изучал свою Теологию.²¹⁶

Причины этого указаны критиками 1586 года. Философ, говорят они, который еще не стал теологом, не будет так уверен в своих выводах, в своих доказательствах, в своей манере выражаться. Он будет в менее зрелом возрасте. Его знания будут менее обширными. Он едва ли сможет ответить на аргументы неверующих. Он также не будет относиться к философии таким

образом, чтобы сделать ее полезной для теологии. В конце концов, приличия не могут быть должным образом соблюдены, если тот, кто только что занял кафедру философии, должен садиться за нее как простой студент богословия.²¹⁷

Разделами этого богословского курса являются схоластическое Богословие, Нравственное Богословие, Священное Писание, иврит и восточные языки, Церковная история и каноническое право. Общая категория студентов, естественно, более ограничена, чем в рамках философской учебной программы. Там аудиторами были молодые люди, которые в конце концов посвятили себя Медицине или другим сферам жизни. Возможно, они выбрали юриспруденцию; хотя Поссевино, сам выдающийся юрист, по-видимому, подразумевает, что каноническое право должно было быть изучено в первую очередь.²¹⁸ Студенты сейчас в основном священнослужители, у них впереди разные карьеры; или они религиозные разных орденов; или, наконец, члены самого Общества. Основным объектом нашего рассмотрения является формирование этих последних в том виде, в каком они квалифицированы, чтобы исповедовать их. Рассматриваемые нами педагогические элементы можно разделить на три категории: Индивидуальное обучение; Повторение, которое включает диспут; Чтение лекций, которое дополняется диктовкой.

2. Что касается метода индивидуального изучения, то всем слушателям курса предписывается перед лекцией просмотреть²¹⁹ текст Аристотеля, святого Фомы и т.д., который профессор собирается объяснить.²²⁰ Затем, во время чтения лекции, они делают заметки; простое копирование под диктовку не приветствуется. После лекции они должны перечитать сделанные ими заметки. Пусть они попытаются понять их аннотации. Понимая то, что они написали, они должны сами себе возразить против установленного тезиса и попытаться разрешить свои собственные возражения. Если они не могут найти решение, позвольте им отметить трудности и воспользоваться случаем, чтобы спросить об этом профессора, или приберечь их для обсуждения. Таков метод частного обучения, предписанный для членов Ордена,²²¹ и изложенный в более общих терминах для других студентов.²²² Чтобы выработать привычку к такому изучению и обеспечить необходимый досуг, критики 1586 года отвергают существовавший в то время в Португалии определенный обычай держать профессоров философии и их студентов в течение двух с половиной часов подряд в лекционном зале: "То, что философы должны оставаться в классе целых два с половиной часа, как это делается сейчас, обременительно для профессора и хлопотно для студентов; эти последние должны привыкать к частным занятиям, иначе, подобно попугаям, они, похоже, всегда говорят наизусть".²²³

Такое сокращение учебных часов было характерно для системы Общества. В 1567 году генерал отец Фрэнсис Борджиа написал через своего секретаря Поланко письмо, исправляющее в этом отношении школьные правила, которым следовали низшие классы немецкой провинции. Секретарь пишет: "Опыт работы в школах Компании показывает, что преподавать три часа подряд до полудня и еще три во второй половине дня вредно для здоровья наших Учителей и не приносит пользы здоровью учеников; по этой причине в настоящее время предписано, чтобы в наших школах утренние занятия длились не более двух с половиной часов и столько же во второй половине дня".²²⁴

Ничто так не усиливает результаты учебы, как концентрация, и не рассеивает их так сильно, как разделение внимания во время выполнения данного занятия. Этот принцип применим к количеству курсов, изучаемых одновременно, проведению частных занятий по любому

отдельному курсу и степени, в которой назначенные преподаватели и авторы стандартов полностью отдадут им должное. По этому поводу критики 1586 года дают рекомендации, вытекающие из Конституции, для направления всех студентов в целом и для членов Ордена в частности. Рекомендации кратко изложены в *Ratio Studiorum*.²²⁵ К Аристотелю в философии или к святому Фоме в теологии следует отнести один комментарий, и этот комментарий должен быть специально подобран автором, соответствующим способностям конкретного человека. На втором курсе богословия можно добавить одного из Отцов Церкви: "чтобы его читали время от времени или после утомления от долгого изучения. Другой может быть заменен, если через некоторое время они попросят другого. Но следует позаботиться о том, чтобы они не тратили слишком много времени на это чтение, как если бы они читали проповедь".²²⁶

Все это, без сомнения, делает студента "человеком одной книги", которого, как гласит пословица, следует опасаться. Однако, когда он проходит каждый курс и всюду является человеком сосредоточенного внимания, в то время как с целью публичного обсуждения и попыток опровержения его собственных выводов и выводов профессора старательно и обязательно остаются открытыми побочные пути различных авторов и систем, вполне вероятно, что, побывав "человеком одной книги" на многих курсах подряд, он также будет всесторонне образован к тому времени, когда его формирование завершится. Со студентами в целом это может быть достигнуто к двадцати пяти годам; с самими иезуитами - примерно к тридцати трем.

3. Теперь я перехожу к теме Повторения, две основные формы которого напрашиваются сами собой. Один - это именно то, на что указывает само слово; он относится ко всем способностям, но главным образом к низшим курсам. Я буду называть это общим названием Повторения. Другой имеет место главным образом в высшем; это Диспут, подготовительное упражнение к которому, называемое *Concertatio*, преобладает также начиная с низшего класса грамматики и выше.

Затем повторение повторяется в полном классе, в различных формах или модификациях этого упражнения, того, что профессор объяснил на занятии. Незадолго до окончания часа, проведенного на его лекции, профессор философии или теологии показывает, что он готов к вопросам по рассматриваемому вопросу; иногда он просит рассказать о лекции и видит, что она повторяется. Пересмотренное *соотношение* 1832 года формулирует это в более общих чертах так: "Он часто должен требовать отчета о лекциях и следить за их повторением"; и затем он желает, чтобы после лекции, либо в классной комнате, либо где-нибудь поблизости, он оставался доступным для студентов по крайней мере четверть часа, чтобы ответить на их вопросы.²²⁷ Это все из Конституции Игнатия.

Повторение, за которым он должен следить лично, проводится в небольших кружках, примерно по десять студентов в каждом. "В конце лекций пусть они группами примерно по десять человек в каждой повторяют в течение получаса то, что они только что услышали; один из студентов и, по возможности, член Общества, председательствующий на каждой вечеринке, *декурия*".²²⁸ Ни предварительный, ни окончательный *Ratio* не требует, чтобы профессор сам председательствовал на какой-либо из этих вечеринок. Но "те, кто действительно председательствует, станут более образованными и будут практиковаться, чтобы сами стать Мастерами".²²⁹

Следует признать, что содержание многих замечаний в более раннем документе 1586 года показывает присутствие иезуитов среди аудиторов, которые действовали на курс как закваска и

облегчение; хотя совпадающие свидетельства историков об иезуитских школах практически ничего не указывают на ту вольность нравов, которую описал для нас Поссевино в предыдущей главе.²³⁰ Особым образом те студенты-иезуиты, уже молодые священники, которые, пройдя четырехлетний курс, теперь пересматривали в течение двухлетнего периода, пятого и шестого курсов, все их долгие занятия высшими науками были готовы ко многим функциям на поприще руководства и президентства, либо во время повторений или диспутов, либо на кафедре; на которую официально назначались столько из них, сколько требовалось, когда их частные занятия оставляли их, наконец, свободными.²³¹

Если сказать несколько слов об этом классе студентов-иезуитов, то они показывают нам формирование Профессора на его последней стадии. Они изучают все Богословие, Философию, Священное Писание, Каноническое право, Полемическое Богословие и церковную эрудицию в целом. Последнее из их правил самосовершенствования гласит: "В частности, они должны больше всего посвятить себя тому занятию, к которому их больше всего тянет, не упуская, однако, ничего из остального".²³² Между тем, они различными способами представляют образцы своего таланта и эрудиции; они облачают в форму сборника "от собственного гения" всю теологию в соответствии с определенными главами и принципами; они могут выбрать какой-нибудь "великолепный предмет",²³³ и прочитать после этого десять публичных лекций слушателям, которые решат посетить, что, как мы можем заметить, в точности соответствовало статусу всех профессоров в средневековых университетах. В своих актах общественной защиты, пять из которых предписаны в течение двух лет, они вольны следовать мнению своих покойных Профессоров или отказаться от него.²³⁴

Затем эти студенты становятся ассистентами и экстраординарными профессорами. Они начали работу, которую некоторые из них продолжают, когда им придется стать ординарными профессорами. Они уже готовятся к этой самостоятельной работе, о сохранении которой свидетельствует пересмотренное *соотношение* 1832 года; ибо оно гласит всем, кто занимает какие-либо кафедры на этих факультетах, что в случае, если они выберут стандартного автора для своих лекций, что является довольно распространенным в более поздние времена обычаем, они, тем не менее, должны каждый год представлять какой-нибудь специальный вопрос, разработанный ими самостоятельно.²³⁵ Эта независимость стиля, совершенное владение предметом с явным разрешением начинающему профессору в течение его последнего двухлетнего периода отказаться от мнений своих покойных Профессоров стали предметом многочисленных замечаний критиков 1586 года. Кроме того, достаточно ясно, что для того, чтобы молодой человек мог безопасно оставить одобренное мнение, ему очень необходимо хорошо знать, о чем он говорит; и вдвойне необходимо, когда он выступает в публичную защиту; поскольку среди присутствующих докторов есть его собственные покойные профессора, которые готовы критиковать его во всех его догматах.

Значит, эти или другие председательствуют в кружках", - повторяет один человек, остальные слушают; они взаимно выдвигают трудности, и, если не могут разрешить свои собственные возражения, консультируются с профессором".²³⁶ Тот, кто повторяет, должен делать это не по своим записям, а по памяти. Таким образом, "тренируется память; тем, кто должен стать Мастерами, предоставляется практика, так что они приучают себя развивать свои мысли раньше других; это заставляет их всех оставаться живыми и внимательными во время лекции, делать необходимые заметки, чего они могли бы и не делать, если бы были свободны от такого повторения".²³⁷ Существует несколько других возможных форм выполнения этого упражнения.

Когда первое грубое повторение заканчивается, начинается серия диспутов, ежедневных, еженедельных, ежемесячных, ежегодных. Не считая "Грандиозных актов" общественной защиты от всех возражающих, проводимых в установленное время и специально назначенными лицами, мы можем перечислить целых семь обычных репетиций одного и того же дела.

Сначала, прежде чем идти в лекционный зал, студент просматривает текст. Это достаточно легко сделать в книге Святого Фомы или Аристотеля, если один из них является стандартным. Как и ожидал Игнатиус, писатели Общества опубликовали множество стандартных работ.²³⁸ Их рекомендация, как он намекнул, заключается в том, что они "более адаптированы к нашему времени"; и они включили недавние исследования в прогрессивных отраслях. В смысле этой адаптации ко времени и обстоятельствам кельнские богословы, делая свое заявление на 1578 год, говорят, что они следуют святому Фоме как общему правилу, но не настолько, "чтобы относиться ко всему, что он лечит, и не только к тому, что он лечит.... "У каждой эпохи, — говорят они, — есть своя дискуссионная площадка в вопросах доктрины, и это приводит к тому, что Богословие не только постоянно пополняется множеством новых диспутов, но и приобретает, так сказать, новый оттенок".²³⁹ И критики предварительного *соотношения*, трактующ курс Священного Писания, довольно подробно читают лекции всем, кого это может касаться, - богословам, профессорам, проповедникам, - именно на этом основании необходимость расширения и приспособления курса Священного Писания к условиям времени.²⁴⁰ Соответственно, у писателей Ордена появились произведения, всегда новые и адаптированные к последним потребностям. И такие, которые обеспечивают условия текста, которым можно легко следовать, также обеспечивают условия для обдумывания, прежде чем идти в лекционный зал, того, что профессор намеревается изложить. Даже если такой стандарт не соблюдается, тем не менее, как я обнаружил в документальном отчете 1886 года, "профессора всегда должны, насколько это возможно, давать указания, достаточные для того, чтобы студенты могли ознакомиться с предметом, прежде чем прийти на лекцию".

В связи с этим возникает много знакомых имен авторов. Что касается схоластического богословия и философии, то, во-первых, это князь современных богословов Фрэнсис Суарес с его библиотекой томов; есть три кардинала Толетус, Беллармин, Де Луго; Валентия, Васкес, Лессиус, Францелен; а в современной школе схоластической философии элегантный Либераторе, Клютген, Тонгиорги, Пеш, наряду с писателями Лувена, Стонихерста, Инсбрука и других мест; в Позитивной теологии и полемике Канисий, Беканус, Петау, Сарданья; в экзегетике - Мальдонадо, Сальмерон, Лапиде, Менохиус, Патрици, Корнели в школе Марии Лаах; в моральном богословии - бесконечное множество, Санчес, Лайманн, Бузембаум с его двумястами изданиями, Гурий, Баллерини.²⁴¹

Во-вторых, студент слушает лекцию профессора. В-третьих, проводится одна из форм регулярного повторения. В-четвертых, имеет место ежедневный диспут, по крайней мере, среди схоластов-иезуитов: "Дома, каждый день, кроме субботы, свободных и праздничных дней, должен быть назначен один час", в течение которого после предварительного подведения итогов по вопросу для защиты следует диспут; и, если время истекает, могут возникнуть трудности. "Чтобы иметь в запасе какое-то время, президент должен строго соблюдать силлогистическую форму обсуждения; и, если не будет выдвинуто ничего нового, он прекратит дебаты".²⁴²

В-пятых, существует еженедельный диспут: "В субботу или в какой-либо другой день, по обычаю Университета, пусть они проводят диспуты в школах в течение двух часов или еще дольше, когда собирается большое количество людей, которые приходят послушать".²⁴³ В-шестых, более торжественный диспут следует каждый месяц или почти каждый месяц: "Каждый месяц или, если студентов мало, раз в два месяца, пусть диспуты проводятся в определенный день, как утром, так и днем. Число ответчиков будет соответствовать числу профессоров, чьи диссертации они защищают".²⁴⁴ В-седьмых, ближе к концу учебного года, хотя для этой цели не следует выделять время, чтобы помешать непрерывному курсу лекций профессора, все же "все вопросы года должны быть пройдены путем повторения, когда наступит время каникул".²⁴⁵ Весь этот вопрос составляет предмет годичного экзамена для слушателей курса иезуитов.²⁴⁶ Ко всем этим аргументативным повторениям может быть добавлена дискурсивная форма в виде лекций, прочитанных самими студентами, или диссертаций, прочитанных по указанным поводам.²⁴⁷

Очевидно, что члены Общества являются главными субъектами этой полноты формирования; и это по двум причинам. Во-первых, никакие другие студенты, даже *каторжники*, то есть пансионеры иезуитских колледжей, не могут быть привлечены к такой тщательной системе. Во-вторых, другие студенты не подвергаются такой же регулярной градации экзаменов из года в год. Когда они будут компетентны, они могут подать заявление о допуске к необходимым публичным испытаниям или актам защиты; и на философских курсах они становятся бакалаврами, лиценциатами и магистрами искусств; в теологии - бакалаврами первой, а затем второй степени, лиценциатами, докторами. "Никакая ученая степень не может быть присвоена тому, кто не выдержал всех испытаний, которые, согласно обычаю Университетов, должны предшествовать присвоению этих степеней". Характер каждой степени, ее условия, тесты, формальности полностью описаны в "Форме и методе проведения академий и *генеральных исследований S. J.*", 1658.²⁴⁸

Таким образом, здесь полностью соблюден дух Конституции в том, что касается повторения, а также оспаривания. Отцы церкви отмечают, что Игнатий "не рекомендует ничего с большей настойчивостью, чем диспут и постоянство в его применении; он придает этому такое значение, что не позволяет изучающим буквы и грамматику обходиться без этого".²⁴⁹ В младших классах это принимает форму *concertatio* и взаимных вызовов в вопросах грамматики и литературной доктрины. Вот оно в своей полной форме; и мы можем перейти к рассмотрению его в следующей главе, но не как способ повторения, а исходя из его собственных достоинств.

Я сделаю переход, процитировав один или два важных отрывка из предварительного *соотношения*. Они касаются не только споров, но и того очень важного момента, в котором заключается жизненная сила для приведения в действие всей системы; и какова внутренняя ценность любой системы как простого свода законов.

Критики говорят, что противодействие очевидному упадку диспута и восстановление этого упражнения в его древней форме и великолепии зависит от бдительности и усердия тех, кто стоит у власти. "Без этого ничего не будет достигнуто, даже несмотря на то, что для надлежащего управления этим учебным заведением многие законы и предписания зафиксированы в письменной форме".²⁵⁰ В другом месте, признавая в другой связи, что действительно существует множество пунктов, требующих соблюдения, те же авторы продолжают делать следующие уместные размышления: "Совершенство доктрины, как и

совершенство нравственной жизни, нуждается во многих вспомогательных средствах; отсюда следует, что нет народа, находящегося под руководством большего количества законов, чем христианский народ, и ни одного религиозного ордена, более обязанного Конституции и декретам, чем наш собственный. "Они обязуются доказать преимущество этого, как со стороны тех, кто стоит у власти, так и со стороны тех, кто находится под властью. "Аристотель и Святой Фома, - говорят они, - оба придерживаются мнения, что как можно меньше вопросов следует оставлять на усмотрение судьи и как можно больше должно определяться четким определением закона. Они доказывают это; ибо легче найти немногих мудрецов, чья мудрость равна задаче определения твердых правил руководства, чем найти множество, которое в противном случае требуется для вынесения суждения во всех непредвиденных обстоятельствах времени и места; в законах, которые выдержали испытание временем и опытом, есть санкция большей зрелости, чем в бесцеремонных решениях текущего часа; меньше развращающего влияния на законодателей, когда они определяют вещи в целом и на будущее. Следовательно, все, что может быть предписано общим законом, должно быть предписано; то, что не может быть предусмотрено таким законом, должно быть предоставлено судье в качестве живого правила. Под эту рубрику подпадают конкретные решения, которые должны быть приняты в данных обстоятельствах, к которым общий закон не может быть отнесен во внимание ". Пока что Аристотель и святой Фома; и Отцы Церкви 1586 года согласны с ними.²⁵¹

ГЛАВА XIV. ДИСПУТ. ДИКТОВКА.

1. Много мудрых вещей было сказано опытными мастерами древности по поводу диспута. Так, Робер Сорбоннский, основатель колледжа Сорбонны, сформулировал в одном из своих шести основных правил для ученого, что "ничто не может быть познано в совершенстве, если не пережевано зубами спора".²⁵²

Наши критики-иезуиты случайно упоминают в одном месте, что "их эпоха в высшей степени искушена в диспутах".²⁵³ Они предостерегают Профессора Священного Писания от использования диспута вообще, чтобы он тем самым не отказался от своего собственного красноречивого стиля комментариев. Ибо каждая кафедра имеет свой собственный характер; и то, что *Ratio Studiorum* 1599 г. приписывает кафедре Священного Писания, включает в себя, среди ряда требований, это одно, которое упоминается в последнюю очередь, а именно, что "насколько это возможно, Профессора должны быть хорошо сведущи в красноречии".²⁵⁴

С другой стороны, на надлежащей арене диспута они предостерегают профессоров от злоупотреблений им. Отмечая в одном месте разногласия, которые могут возникнуть среди ученых людей, они иллюстрируют свою точку зрения некоторыми примерами, взятыми именно из тенденции к спору, из той преувеличенной схоластики, которая впала в диалектические крайности. Они говорят: "Для нарушения гармонии не имеет большого значения, возникает ли диссонанс в великих вещах или в малом. Не только важность вопроса, но и дух соперничества способствует возникновению разногласий; так что иногда словесная война и самые

ожесточенные споры ведутся из-за одного термина или фразы. Действительно, что может быть более тривиальным, чем спросить, находится ли Бог в воображаемом пространстве? И все же какие трагические сцены порождает сам этот вопрос!"[255](#)

Остерегаясь эксцессов такого рода, Отцы Церкви выдвинули тезис о том, что при использовании в надлежащем месте никакое упражнение не является более полезным, чем диспут. Вы увидите немало людей, полностью поглощенных чтением, написанием, упорядочиванием и раскладыванием по страницам того, что они написали; но они самым тщательным образом избегают любых споров, пренебрегая ими, рассматривая их как праздное занятие, заперев всю свою Теологию не столько в своей памяти и интеллекте, сколько в своих бумажных книгах. Авторитетные люди, продолжают они, всегда были убеждены, что философию и теологию изучают не столько слушая, сколько обсуждая. Ибо в этом упражнении у вас есть самый верный тест на то, насколько человек понимает то, о чем он пишет или учит; а также на то, насколько основательны его собственные личные рассуждения, поскольку нередко случается, что то, что кажется блестящим в чьей-то личной комнате, оказывается втоптанном в грязь, когда дело доходит до диспута.[256](#) Кроме того, когда на нас сильно давит наш оппонент, мы вынуждены напрягать каждый нерв своего разума, и, когда другие тяжело давят на нас, мы выбиваем из наших мозгов многое, что могло бы привести к тому, что мы не сможем понять. Это никогда не приходило нам в голову, пока мы пребывали в тишине досуга и отдыхали в тени. Мы слышим вещи, которые выяснили другие и которые либо проливают свет на сомнительные моменты, либо указывают путь к какой-то другой точке. Или, если то, что сказано, не заслуживает нашего осуждения, мы видим уловку оппонента насквозь; мы встречаемся с ним с большей легкостью и с большей устойчивостью отстаиваем наш собственный тезис. Одиторы, тем временем, могут принять к сведению положительные моменты, высказанные одним Профессором, сильные стороны другого, и, следуя примеру своих Докторов, они обостряют свой ум для схватки, наблюдая, где аргументы хромают, какие различия говорят о том, насколько взаимосвязана вся доктрина Профессора. Короче говоря, авторитетом самых серьезных людей и проверкой опытом хорошо установлено, что один диспут приносит больше пользы, чем множество лекций; не говоря уже о другом соображении, что ничто так не способствует прославлению наших школ, как умение наших студентов завоевывать большое одобрение и аплодисменты на публичных заседаниях и диспутах.[257](#)

Эти критики высказывают свое мнение о существующей необходимости значительного возрождения пыла и достоинства этого упражнения и, таким образом, восстановления его прежнего воспитательного влияния. Но мы можем сами убедиться, насколько благоприятным элементом всего упражнения должно быть в такой системе, как эта, которая преимущественно устная — устные экзамены, устная и самостоятельная защита и нападение, свободное и открытое чтение лекций с влиянием взгляда, голоса и личности, чтобы довести все до конца, даже если все это время речь идет не об ораторском искусстве, а просто о преподавании. Также и на ранних этапах жизни ученого, как бы много ни уделялось внимания приобретению стиля, "выковыванию слова с помощью грамматики", как сказал Роберт Сорбоннский, "ишлифовке его риторикой", чтобы оно сияло на написанной странице, однако с самого начала не меньше внимания уделялось способности выражать свои мысли с совершенным присутствием духа, не полагаясь на ноты или книгу. На высших факультетах это актуально как никогда. Теперь пришло время для материи наиболее одобренного вида. И независимое, самообладающее изложение своих мыслей, обладающее способностью доводить их до убеждения или поддерживать

вопреки всему, проявляется не только как область применения, предлагаемая системой, но и как исторический результат, достигнутый в общественной карьере Ордена.

Отец Лайнез на Конференции в Пуасси спорил таким образом с Питером Мартиром и другими; Поссевино в Лионе с Виретом, используя не столько строгую силлогистическую форму, сколько обильную и ученую дискуссию. Мальдонадо действовал двумя руками: либо силлогистически, либо дискурсивно. На Конференции в Седане в 1572 году он сначала аргументировал в диалектической форме; затем, по требованию своих оппонентов использовать другой вид оружия, он с той же легкостью перешел к дискурсивному изложению. Эдмунд Кэмпбиан в Англии, будучи снят с дыбы скорее мертвым, чем живым, немедленно столкнулся лицом к лицу с Ньюэллом и Дзем, способными поборниками как духовного превосходства королевы, так и доктрины оправдания одной верой. Он продолжал рассуждать: "Если оправдывает только вера, то она оправдывает без милосердия; но без милосердия она не оправдывает; следовательно, вера сама по себе не оправдывает". Теперь перейдем к ответу, ясному и недвусмысленному, как сами предложения. Отрицайте или различайте главное или второстепенное суждение, если вы хотите отрицать заключение; ибо при сохранении этих посылок вывод остается нетронутым, поскольку силлогизм совершенен по форме. И так продолжают споры.

Чтобы возродить диспут в его лучшем стиле, критики посвящают несколько страниц ценнейшему анализу условий и метода проведения упражнения.²⁵⁸ Их предложения воплощены в окончательном *Соотношении*. Ректоры должны проявлять свой живой интерес к диспутам, присутствуя как на общественных, так и на частных мероприятиях, а также с помощью различных искусств, которые вызовут такой интерес. Поскольку спор "замирает, кроме как в толпе", критики требуют, чтобы по истечении дней и часов диспута настояли на всеобщем присутствии. Эта восприимчивость человеческой природы, которую затрагивают Отцы Церкви, когда они говорят о диспуте, замораживающем все, кроме как на сборе, не лишена точного аналога, когда, в другой связи, они говорят о гуманистах, или профессорах литературных классов. Там они придерживаются мнения, что провинциальная литературная семинария должна быть в том же большом колледже, что и философский и теологический факультеты; ибо, говорят они, среди прочих причин "гуманисты прозябали бы в безвестности, если бы у них не было философов и богословов, которые были свидетелями, зрителями и аплодирующими слушателями их литературных достижений". И снова они сочувственно заявляют: "философы и теологи, составляя вступительные статьи к своим диспутам, вызывают ко вкусу гуманистов, более того, их стихи и речи время от времени освежают их".²⁵⁹

Продолжая свои замечания, Отцы Церкви устанавливают продолжительность еженедельных диспутов в два часа, не более, назначая на это время четырех постоянных возражающих. Профессора, принадлежащие к разным факультетам, должны взаимно приглашать друг друга к частным диспутам в своих классах, по крайней мере, на час или около того, чтобы интеллектуальное состязание разгорелось во время встречи этих докторов. С той же целью могут быть приглашены и другие врачи, не принадлежащие к профессорско-преподавательскому составу. Но, продолжает *Ratio* 1599 года, пытаясь выдвинуть выдвигаемые аргументы, "они не должны вырывать нить из рук возражающего, который все еще умело и усердно следует этому".²⁶⁰ Тем временем студенты, получившие разрешение выступать в качестве возражающих в случаях некоторой огласки, должны быть более квалифицированными участниками курса; остальные тренируются на своей частной арене, пока не смогут достойно принять участие в публичном турнире.

Если спор замирает только в толпе, то он также надоедает, если никогда не приходит к завершению; и слушатели не улавливают ни одного полезного пункта доктрины. Истина теряется в облаках, и хорошее настроение ничего не даст. Желчность или меланхолия вполне могут быть единственным результатом незаконченной или повторяющейся аргументации. Она не будет вращаться, если спорящие будут придерживаться строгой силлогистической формы. Но когда обе или все стороны разгораются, а остроумие становится оживленным, силлогизм может пострадать, и тогда, когда они закончат? Чтобы устранить это неудобство, ответственность за представление несут два человека: один - сам профессор, который председательствует в своем диспуте, другой - главный префект учебных заведений, который контролирует всю серию диспутов, поскольку они следуют друг за другом по очереди.

О профессоре говорится, что он должен считать день диспута не менее трудоемким и полезным, чем день его собственной лекции; и что все плоды и жизнь этого упражнения зависят от него. Более раннее *Соотношение* придает еще большее значение частным спорам, "которые имеют обыкновение становиться более холодными, чем публичные". Он должен помогать двум спорящим, "чтобы самому быть очевидным лицом, оспаривающим в каждом из них; пусть он выражает свое одобрение, если предлагается что-то особенно хорошее, привлекает всеобщее внимание, когда предлагается какая-либо первоклассная трудность, время от времени намекает, чтобы поддержать респондента или направить оппонента; призывайте их вернуться к строгой силлогистической форме, если они отклоняются от нее; не всегда молчите и все же не всегда говорите, чтобы позволить студентам показать то, что они знают. То, что выдвигается, он может исправить или улучшить; пусть он предложит возражающему продолжать, пока его доводы имеют вес; продолжайте излагать трудности возражающего для него дальше; не потворствуйте этому, если он соскользнет с другого пути. Он не должен позволять поддерживать спор, на который дан хороший ответ, или долго поддерживать ответ, который не является убедительным; но, когда спор станет достаточно исчерпывающим, пусть он кратко определит суть вопроса и объяснит его".²⁶¹

Генеральный префект учебных заведений обязан поддерживать серию диспутов в должной форме; спорить самому, но умеренно, и тем самым с большим достоинством выполнять обязанность общего руководства. Он не должен сталкиваться с какими-либо трудностями, которые становятся предметом обсуждения, подвергаться волнению тем или иным образом, "чтобы после этого оставалось столько же трудностей, сколько и раньше"; но когда такой волнующий вопрос будет достаточно обсужден, он увидит, что точное объяснение ему дает профессор, который председательствует.²⁶²

С последним публичным выступлением, или общей защитой философии и теологии, завершается формирование будущего профессора. Эта публичная защита занимает четыре или пять часов в два сеанса. Если обвиняемый не является членом Ордена, особое внимание уделяется тому, чтобы почтить его со всей торжественностью и присутствием всех факультетов, приглашенных гостей, докторов извне, а также принцев или знати.²⁶³ За этим актом последует торжественное присвоение Лиценциату последней степени. Когда студент - иезуит, тогда гораздо больше внимания уделяется тщательности при тщательном экзамене, как и во все предыдущие времена. Теперь он прошел длинную серию ежегодных экзаменов, которые почти всегда представляли собой диспуты, и то не с равными, а с четырьмя или пятью профессорами.²⁶⁴ Так что, наблюдая за ним в конце его образования, мы можем с большей

отчетливостью понять значение того стандарта, "превосходящего посредственность", который я пытался определить в предыдущей главе.[265](#)

2. Обратив теперь наше внимание на кафедру профессора и изучив его манеру читать лекции, объяснять, преподавать, будь то в области литературы, естественных наук, философии или теологии, мы должны, с одной стороны, предположить, что он завершил свое образование, а с другой - рассматривать ученого как находящегося в процессе становления. Итак, здесь мы приступаем ко второй части этого анализа. Стиль преподавания и управления, который является явно иезуитским типом, представлен в *Ratio Studiorum* в его практическом и идеальном аспекте. Существует также способ обучения, который не считается идеальным методом, хотя иногда он может рекомендовать себя как практически целесообразный. Я коснусь этой последней, негативной стороны вопроса, во-первых, чтобы быть свободным в следующей главе подойти к вопросу с его позитивной и конструктивной стороны.

Говоря о том, что диктант не является идеальной формой обучения в Обществе, я не говорю о правильном использовании диктанта. *Соотношение* само по себе оставляет место для этого. Именно злоупотребление диктовкой заслуживает длительной проверки своей ценности со стороны критиков. Обсуждение имеет первостепенное значение. Анализируя стиль обучения, с которым они не гармонируют, они выявляют существенные элементы любого истинного обучения. И, если мы одобряем все их принципы, подразумеваемое неодобрение отвергнутой формы только усугубляется при созерцании преувеличенного развития той же формы; то есть, когда вместо того, чтобы диктовать то, что имеет достоинство быть чьим-то собственным кропотливым трудом изготовленным, учитель превращается в раба, зависящего от учебника, напечатанного кем-то другим; и при этом учитель не демонстрирует ни одной из квалификаций, необходимых для составления книги, и ученый не затрачивает усердия, которое было бы необходимо для ее копирования. Но остается говорить как можно лучше, читается учителем вместо его учения, читается ученым как выступление какого-то третьего лица, и в последнем выпуске обнаруживается, что сказано достаточно членораздельно, чтобы ученик усвоил урок памяти и, возможно, собрал информацию, которая может соответствовать или не соответствовать его ментальной структуре. Но что касается чего-либо вроде умственной подготовки, или того, что является собственно образованием, конечный результат долгого ряда лет, кажется, показывает, что, если что-то из этого и было, возможно, это было у человека, написавшего книгу; и с ним это осталось. Так должно быть всегда при таких условиях. Ибо, когда живой Учитель внес так мало вклада в живое образование, ученый по необходимости должен уйти с чем-то меньшим.

Эти критики язвительно заявляют: "Не позволяйте давать диктовку, если объяснение почти всего, что диктуется, не предшествовало диктовке, не сопровождало ее или следовало за ней; там, где такого обычая не существует, не позволяйте вводить диктовку; там, где он существует, следует приложить усилия, чтобы покончить с ним, насколько это возможно". Затем они подкрепляют свою позицию множеством цитат из Конституции Игнатия.[266](#)

Далее они заявляют, что эта привычка диктовать была чем-то неслыханным за последние сорок лет; "и все же аудиторы тогда были не менее образованны, чем сейчас". На самом деле, даже небольшое знакомство со старой университетской системой Европы покажет, насколько ревностно поддерживалась империя устного слова — устного слова, в отличие не только от чтения того, что Доктор написал сам, но и от сверки даже с заметками во время чтения лекций.

Перед ним мог быть текст Аристотеля или Петра Ломбардца; он мог сам писать и публиковать работы; студент мог, с разрешения, делать стенографические заметки, на основе которых частично, но главным образом по памяти, он записал бы всю лекцию²⁶⁷ по возвращении из школы. Это было не просто отсутствие удобств, которые определили систему таким образом. Но объективный смысл состоял не в том, чтобы иметь знания в своих бумагах и переплет; еще меньше в том, чтобы иметь их в книгах, купленных ради знаний, которые в них содержатся, и оставленных впоследствии с теми знаниями, которые все еще остаются там. Цель состояла в том, чтобы сделать обучение своим личным достоянием и заявить о живом владении им, голосом, глазами и лицом показывая, насколько это живое владение.

Эти Врачи продолжают: "Общее впечатление в умах людей таково, что диктовать - это не читать лекцию; также одно дело писать так, как отшлифовывают трактат, и совсем другое дело иметь под рукой всего лишь несколько кратких глав и ссылок. И если материал, который продиктован, принадлежит какому-то автору, то труд по его снятию излишен".

Живой голос сильнее воздействует на разум; он выражает, он впечатляет; он возбуждает, приостанавливает внимание; он объясняет. Всех этих эффектов нет нигде в "живой" диктовке. Не приносят удовлетворения и те, кто добавляет объяснение впоследствии, ибо тогда кажется, что оба времени упущены - то, что занято диктовкой, а то, что связано с объяснением. Во-первых, пока продолжался диктант, одиторы были сосредоточены на написании, а не на понимании; особенно потому, что, прежде чем дойдешь до конца предложения, начало его уже выскользнуло из головы; и запись должна продолжаться, не давая ни на минуту передохнуть, что бывает достаточно часто, если профессор читает лекции и объясняет. Во-вторых, когда после диктанта наступает время объяснений, студенты устают; они думают, что теперь все их знания записаны в их работах; поэтому они уходят, или зевают, или перечитывают свой экземпляр, чтобы посмотреть, не недостает ли чего.

Продиктовав, профессор думает, что теперь он выполнил свою часть работы. То, что следует за этим, то есть за работой по объяснению, он проглатывает, как может, — кропотливая работа, требующая памяти, быстроты, легкости развития, беглости речи; после чего он постепенно канет в небытие, как мы видим, это действительно происходит в некоторых университетах.

Теряется еще больше времени. Ибо, пока он повторяет свою диктовку, чтобы объяснить это, ему приходится снова возвращаться к вещам, которые были достаточно ясны, чтобы проследить всю нить своего вопроса. Если бы он читал лекцию, то сказал бы все это раз и навсегда. Затем, поскольку это должно быть что-то отшлифованное и законченное в стиле, который диктует человек, бедным переписчикам приходится записывать многое из того, что не является необходимым.

Как будто они утомили себя этим всеобщим нападением на диктовку, Отцы Церкви продолжают облегчать свои чувства, восклицая: "Какая скука тем временем для тех, кто не пишет, особенно для присутствующих прелатов и других выдающихся личностей! Нужно ли говорить им, чтобы они не приходили во время диктовки и появлялись только после того, как будет объяснен вопрос? Если это так, они будут присутствовать едва ли полчаса, и то, что они услышат, будет достаточно скучным; и человек, которого они будут слушать, будет тем, кто привык к вялой диктовке, тем, кто полагается на свои бумаги и лишь немного опытен в устном изложении своих мыслей. Кроме того, сами учащиеся должны привыкнуть делать что-то по-своему, когда они это

слышат, и проявлять собственное суждение при выборе того, что писать. Таким образом, они будут лучше понимать происходящее и будут более настороже".

Не желая скрывать неудобства, с какой бы стороны они ни возникали, эти критики обращают внимание на трудности, которые, как считается, существуют; что, если предмет не продиктован, студенты не могут отдать ему должное; что лектор слишком быстр или из многого, что он говорит, они не знают, как выбрать необходимые элементы для аннотации; и, хотя фраза громоздится на фразу, они в растерянности, их заметки беспорядочные, неумелые, а иногда и просто неправильные.

На это критики тут же дают ответ: те, кому предстоит читать лекции в будущем, - это либо те, кто сейчас начинает свою профессорскую карьеру, либо те, кто давно привык к диктовке. Для тех, кто сейчас начинает, предыдущее упражнение должно быть рекомендовано в наиболее одобренной форме лекции, или *prælectio*. И они набрасывают форму. Что касается других, давно привыкших к диктовке, критики просят таких профессоров использовать эту форму чтения лекций в качестве пробной. Если они отчаиваются принять его, пусть идут своим путем, пока другое поколение профессоров не будет готово занять их места. Диктовка также может быть разрешена, хотя наши профессора часто пытались отказаться от нее, но в результате студенты пугались и бросали занятия. "И все же, - продолжают Отцы Церкви, - они не были бы склонны бросать курсы и не жаловались бы так сильно, если бы все профессора посвятили себя блестящему чтению лекций,²⁶⁸ и отложили бы диктовку. Ибо, если один диктует ленивым людям и ухаживает за ними, а другой нет, кто сомневается, что лень все равно будет ленивцам дороже трудов и терний учебы? Да, из-за диктовки они с каждым днем становятся все более и более ленивыми, так что постоянно требуют все больше и больше времени; тогда как без диктовки они с каждым днем становятся все более расторопными и им нужно меньше времени на все".²⁶⁹

Окончательное соотношение 1599 года воплощает эти предложения, не являясь абсолютным исключением всех диктовок, для которых оно предлагает форму, наиболее полезную и соответствующую духу истинного чтения лекций. Это осуждает диктовку того, что может быть найдено у авторов, находящихся в пределах досягаемости студентов. "Пусть профессор отправляет своих слушателей к тем авторам, которые были обильны и точны в изложении любого вопроса". Что касается рекомендации критиков 1586 года, согласно которой при чтении под диктовку лекция должна длиться пять четвертей часа, то в *Ratio* об этом ничего не говорится.²⁷⁰

У Поссевино в его *Избранной библиотеке* есть глава, посвященная этому вопросу: "Страдает ли ментальная культура от диктовки лекций?" Он отвечает утвердительно и говорит на эту тему со своей обычной эрудицией. Он ссылается на "акустических" учеников Пифагора, которые никогда не были переписчиками и даже не были говорящими, пока в результате длительного молчания в течение многих лет они не подумали достаточно, чтобы быть в состоянии хорошо говорить, задавать вопросы и комментировать. Он цитирует цинизм Диогена о писательстве в ущерб истинным упражнениям. Он отмечает план Ксениида Коринфянина, который дал молодым людям письменный сборник, но такой короткий, что им пришлось держать в голове лучшую часть своих знаний. Сократический метод был в высшей степени методом живой речи. А что касается "перипатетической" школы Аристотеля, которая проводилась во время *прогулок* по Лицею, то это, безусловно, не благоприятствовало писательству ни на практике, ни в

принципе. Переходя непосредственно к разговору о диктовке и цитируя приятный старый стишок:—

Quod si charta cadat, secum sapientia vadat,²⁷¹

Поссевино продолжает умолять за сундуки студентов и говорит, что чернила - это цена их крови, а окончание учебы становится концом их жизни. Следовательно, одним из исключительных результатов всего этого является то, что ученые даже нанимают помощников, чтобы они ходили в школу вместо себя и возвращали в письменном виде то, что было сказано. Но все эти деньги, говорит Поссевино, можно было бы зарезервировать для покупки книг в дополнение к реальному обучению.

Затем он подкрепляет сказанное отрывком из университетской истории, в котором, возможно, никто в его время не был разбирался лучше. Парижский университет два с половиной столетия назад принял закон против диктата и против врачей, которые им пользовались и которых окрестили *Nominatores ad pennam*. Столетьем ранее кардинал-легат снова сформулировал закон по этому вопросу. И, наконец, иезуиты, "из которых большое число в основном занимается этой профессией, наученные опытом злу этой системы, давно поняли необходимость не просто смягчать ее, но и просто покончить с ней. Поэтому отцы церкви в университетах Португалии уже опубликовали часть "Натурфилософии", благодаря чему можно обойтись без письменности, оставить место для пробуждения гения и накопить много материала для обсуждения".²⁷²

ГЛАВА XV. СТАНОВЛЕНИЕ УЧЕНОГО. СИММЕТРИЧНОСТЬ КУРСОВ. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТБОР. Книги.

То, что развито до совершенства, может создавать подобные себе другие вещи; это плодovито. Итак, принцип Аристотеля гласит: *Совершенство есть то, что порождает сравнение с природой*. Это результат и проверка совершенства. Таким образом, следуя за Учителем до тех пор, пока он не завершил свое собственное формирование, мы теперь повернулись, чтобы посмотреть в другом направлении и увидеть, как он реагирует на тех, кого он должен формировать. Хотя многое уже было сказано, имплицитно или нет, о методе и принципах этого реактивного процесса, все же кое-что остается, особенно в отношении низших факультетов, литературных курсов. В этой главе мы можем рассмотреть позицию, которую профессора, по отдельности и все вместе, занимают по отношению к студентам и к своим собственным курсам; а затем их основной способ передачи знаний, или то, что в *Соотношении* называется *prælectio*. В следующей главе мы рассмотрим основные упражнения класса и методы управления школой в младших классах. И в следующей главе я обрисую систему оценок от низшей к высшей.

1. Одно из первых наиболее общих правил гласит, что орган, в руках которого находится назначение профессоров, "должен заранее предвидеть, каких профессоров он может назначить на каждый факультет, особенно отмечая тех, кто кажется более приспособленным

для работы, кто образован, прилежен и усидчив и кто ревностно относится к продвижению своих студентов, как на своих лекциях (или уроках), так и в других литературных упражнениях".²⁷³ "Они должны обеспечивать продвижение каждого из своих ученых в частности", - говорит Игнатиус.²⁷⁴ Профессор "не должен показывать, что знаком с одним студентом лучше, чем с другим; он не должен ни на кого обращать внимания, поощрять учебу бедных наравне с богатыми".²⁷⁵

Это обычные и "ординарные профессора, которые, в частности, заботятся о своих студентах".²⁷⁶ В университете также может быть один или несколько представителей другого типа, "которые с большей серьезностью, чем обычные преподаватели, изучают философию, математические науки или любую другую отрасль на манер публичных профессоров".²⁷⁷

На низших, или литературных, курсах Учителя должны быть "хорошими и квалифицированными", которые "серьезно и со всем вниманием своего ума работают над продвижением своих учеников, а также в том, что касается обучения, как и в вопросах морали". Им придется позаботиться о том, чтобы, помимо христианского учения, которое является неотъемлемой частью нашего института, они также часто читали наставления, соответствующие способностям мальчиков, а не придуманные для пустой показухи; пусть они стараются привить им твердое чувство благочестия и любовь к Божьим делам, а также ненависть к греху".²⁷⁸

Что подразумевается под "хорошими и квалифицированными преподавателями" на этих курсах, мы уже видели из наброска Жуванси достижений, присущих учителю литературы.²⁷⁹ Если что-то и оставалось сказать по этой теме, то только отметить и отвергнуть ложные стандарты, по которым положение или эффективность профессоров, возможно, но неверно, могут быть измерены. Таким образом, около пяти лет назад, то есть на триста лет позже составления *Ratio*, я обнаружил, что два таких ложных стандарта явно отвергнуты; первый - это идея заранее собрать ровно столько доктрины, чтобы иметь возможность, когда этого потребует случай, развить достижения Профессора; другой - это тот, который учитывает только окружающую среду и измеряет интеллектуальное образование людей и предложение знаний с помощью оценки, обычно формируемой для предмета, и фактического спроса на него.

2. Если мы рассматриваем не отдельных профессоров, а всю их моральную совокупность или факультет в целом, то есть две характеристики, которые может быть трудно найти или, по крайней мере, обеспечить вне такой организации, как Общество Иисуса. Одним из них является очень строгое единство учебного материала, представленного ученому миру. Другой - степень координации и субординации преподаваемых курсов. По каждому слову.

Единство рассматриваемого вопроса, предназначенное для целей образования, предписывается на основании двойной максимы; во-первых, что просеивание множества мнений посредством разнообразной и умноженной деятельности многих умов оставляет осадок материи, достаточно прочный, чтобы поддерживать компактную и надежную систему обучения; во-вторых, что на самом деле такой материал, который я назвал "осадком", является не чем иным, как основой истины, божественной и вечной; поскольку при расчистке почвы были учтены все критерии каждого порядка, естественные и сверхъестественные. преданно и усердно рассматриваемый.

В результате этого ощущается интеллектуальное согласие во всем преподавательском корпусе. Об этом согласии критики говорят, что оно является условием и причиной более широкого и глубокого обучения на факультетах в целом. Каждый профессор занят "не возделыванием какого-то своего участка, а внесением своего вклада в общее дело для всех". В чем выгода, спрашивают они, "если то, что устанавливает один, другой расстраивает не так, как если бы он всегда выдвигал что-то лучшее, а из страха, что о нем подумают, что он пользуется плодами чужого гения? Иногда действительно не имеет значения, придерживается ли тот или иной принцип; но если мы не стремимся получить поддержки от другого, то, несмотря на весь наш труд, мы не получаем никаких других плодов, кроме разногласий".²⁸⁰ Я полагаю, что нигде нет университета, который своей внутренней историей не засвидетельствовал бы справедливости этого замечания.

Эти Отцы Церкви также не понимают, что репутация настоящей науки пострадает от такого согласия, поскольку "репутация науки зависит не от мнений, противоречащих друг другу, а от того, что они согласованы". Они не выражают высокого уважения к дурной славе, которой можно добиться, сражаясь не меньше с друзьями, чем с врагами, и восхищаясь только тем, что находится на почтительном расстоянии, и "задирая нос от того, что находится рядом".²⁸¹ Это едкое замечание кажется новым и поучительным применением старой пословицы, *Nihil vicinia molestius*: "Нет ничего более раздражающего, чем соседи!" Они считают, что на основе согласия всегда есть место и свобода для проявления таланта; во-первых, в тех вопросах, которые явно безразличны; во-вторых, в придумывании новых различий и доводов, посредством которых уже определенные истины могут быть еще более надежными; в-третьих, в нападках на то же самое, либо при публичном оспаривании, либо также при фактическом обучении, если то, что они остро выдвигают против какой-либо позиции, они еще острее опровергают; в-четвертых, в выдвигании новых мнений и вопросов, но после того, как они испросят одобрения ответственных властей, чтобы труд не был потрачен не по назначению. Самые образованные люди всегда были убеждены, что в следовании утвержденным и общепринятым принципам проявляется больше тонкости, больше заслуживающих аплодисментов и больше комфорта, чем в общей вольности и новизне мнений.²⁸² Но эти критики выдвигают свою идею, которая, вполне возможно, не получит всеобщего признания. Они говорят: "Не каждый может создать Теологию для себя". Они добавляют изящное замечание, что скромный гений стремится не ко всем видам свободы, но к той, которая неразрывна с добродетелью.

Эти принципы объясняют нам единство образовательной материи в том виде, в каком она представлена учебному миру. То же самое распределение сил, которое приводит к этому результату, приводит в действие и другое, сходное с первым. Это наиболее четкая координация и субординация курсов при взаимопонимании между профессорами и факультетами. Там, где существуют оценки, либо в их совершенной форме, как на пяти этапах классического или литературного курса, либо в форме, приближенной к этой, как на трех этапах философского трехлетия, такое подчинение легко обеспечить. Но, кроме того, в других местах устанавливаются условия совершенно определенных очертаний для трасс, которые имеют какие-либо точки взаимного соприкосновения.

Это можно проиллюстрировать некоторыми правилами *Соотношения*. Два профессора догматического Богословия должны считать себя освобожденными от комментариев по вопросам, относящимся к Священному Писанию, от рассмотрения философских вопросов, от

разработки примеров Морального Богословия. Профессор морального Богословия должен излагать с самыми краткими определениями вопрос, относящийся к догме. Желательно, чтобы профессор Священного Писания не вдавался подробно в спорные вопросы Богословия. Профессору церковной истории не нужно трактовать каноны или догмы. Профессор канонического права не будет касаться теологии или общественных прав больше, чем позволяет его время и требует необходимого понимания канонического права. Такая же сдержанность практикуется между теологией в целом и философией. Так, профессор моральной теологии примерно за десять минут излагает определение Естественного права, на которое, как он знает, профессор моральной философии тратит два дня.

Полвека спустя этот вопрос координации получил еще более полное рассмотрение в руках генерала Фрэнсиса Пикколомини. Потребовав, чтобы философы и богословы одинаково добросовестно выполняли все задания, назначенные на каждый год, он не допустит, чтобы "пример авторов, которые перепутали темы или разобрали свои вопросы до простых мелочей, мог иметь какое-либо значение для наших профессоров. Ибо, что бы о них ни думали, этот метод не подходит для практического преподавания в школах". Генерал поддерживает идею "исследования сокровищницы возможностей", чтобы выяснить новые вопросы; ибо есть основания опасаться, что "пока люди будут искать неуставленные истины, они будут цепляться за химеры и тени".²⁸³ Следовательно, как предписывает *Ratio*, "мнения, которые бесполезны, устарели, абсурдны, явно ложны, не подлежат лечению". Профессора должны быстро ответить на простые вопросы. В Священном Писании нельзя бесконечно останавливаться на трудных отрывках и уделять слишком много времени хронологическим вычислениям или топологическим исследованиям Святой Земли.

Сталкиваясь с возражением, что все это влечет за собой большие затраты мысли и материала, когда профессора должны преподавать на таких коротких курсах то, что вполне могло бы быть изучено на более длительных курсах, предварительное *соотношение* проводит четкую демаркационную линию между другими университетами и университетами, руководимыми иезуитами. "Каков бы ни был обычай в других университетах, наш метод сильно отличается от их, так что в наших школах за четыре года можно добиться не меньшего прогресса, чем в других за пять; потому что наши профессора по большей части более трудоемки; у нас больше упражнений; наше общество, нуждающееся во многих работниках, требует того совершенства науки, которое необходимо для его сотрудников, а не того утомительного метода других, которые, не имея мотивов такого рода, чтобы ускорить их, разделяют на множество лекций то, что вполне можно было бы прочитать за меньшее количество; их каникулы тоже по большей части более продолжительны". и все чаще".²⁸⁴

Ex ungue leonem, "Льва можно отличить по его лапе". Пусть кажется, что краткость, которую вы изучаете, обусловлена ограниченностью вашего времени; пусть при выборе материала бросается в глаза разборчивость, рассматривать ли его кратко или обильно; пусть альтернативные курсы дополняют друг друга, так что то, что было бегло рассмотрено в одном четырехлетии, будет расширено в следующем; тогда, говорят Отцы, авторитету, которым Профессора пользуются у церковных сановников, не будет нанесен ущерб, ожидаемый другими. некоторые, когда мы даем сжатую и точную трактовку за более короткое время того, что обычно распространяется за более длительное.²⁸⁵ На лапе изображен лев.

3. Теперь мы можем перейти к типичной форме обучения иезуитов. Она называется *prælectio*. Это слово в значительной степени эквивалентно "чтению лекций" на высших факультетах; "объяснению" на низших. Однако в любом случае это нечто конкретное. По этой причине, а также потому, что мне придется часто употреблять это слово, мне, возможно, будет позволено облачить его в английское платье и говорить о "предпочтении".

Его форма, как лекции для высших факультетов, задумана таким образом: все выдвигаемое предложение должно излагаться последовательно, без каких-либо остановок. Затем это должно быть повторено теми же словами; и это будет воспринято учащимися как знак того, что это должно быть записано; и изложение этого должно быть отмечено такими интонациями и происходить в таком темпе, особенно в самых неясных и тонких моментах, чтобы учащиеся могли легко отличить то, что должно быть записано, а что нет. Теперь, пока предложение таким образом записывается, лектор не должен выдвигать новые идеи, но должен баловаться с теми же, либо объясняя это большим количеством фраз или более четкими, либо приводя пример или сходство, или расширяя тему, или проводя ту же логическую последовательность в другом порядке, чтобы она выделялась более отчетливо, или приводя одну-две причины, которые, однако, им необязательно отмечать. Действительно, если профессор приносит в школу свои собственные статьи, у него может быть в них несколько избранных фраз, кратких, но не туманных, в которых он в нескольких словах резюмирует суть предложений. Более длительное развитие они получают только в объяснении, которое затем будет дано.²⁸⁶ При этом профессор попытается доказать свой тезис не столько количеством аргументов, сколько их весомостью. Он не должен чрезмерно ссылаться на авторитеты. И его достоинству как Мастера почти никогда не следует цитировать автора, которого он сам не читал.²⁸⁷

На уровне риторики, который является высшим в литературном или классическом курсе, предпочтение отдается двоякому: одно - искусству красноречия, в котором объясняются заповеди; другое - автору, цель которого - развитие стиля. Обращаясь к такому автору, как Цицерон, профессор, во-первых, прояснит смысл этого отрывка. Во-вторых, художественная структура должна быть проанализирована и продемонстрирована: *соотношение* здесь детализирует элементы этого анализа. В-третьих, следует привести другие отрывки, сходные по мысли или выражению; следует процитировать других ораторов и поэтов, будь то классики или простонародья, как использующих те же принципы искусства убеждения или повествования. В-четвертых, если позволяет дело, мысли, высказанные автором, должны быть подтверждены тем, что говорили мудрецы на ту же тему. В-пятых, все остальное, что поможет украсить отрывок, здесь налицо - из истории, мифологии, эрудиции любого рода. Наконец, слова должны быть взвешены по отдельности; их уместность использования, их красота, разнообразие, ритм должны быть прокомментированы. Однако все это изложение не входит в рамки каждого урока.²⁸⁸ "Эрудиция" для этого класса определяется как включающая "историю и нравы народов, авторитет различных авторов и все знания, но в умеренных количествах, в соответствии со способностями ученых".²⁸⁹

Акцент на предписаниях или правилах, "сила которых, - говорится в *Ratio*, - очень велика для целей ораторского искусства", состоит из шести пунктов. Цицерон - ритор, который излагает правила; но можно также использовать Квинтилиана и Аристотеля. Во-первых, необходимо объяснить значение правила. Во-вторых, по тому же правилу должны быть сопоставлены риторики. В-третьих, необходимо разъяснить некоторые основания для этого правила. В-четвертых, в качестве примера этого правила следует привести несколько ярких отрывков из

прозаиков, а также из поэтов. В-пятых, если что-то в плане разнообразной эрудиции способствует достижению цели, это должно быть добавлено. Наконец, следует указать, как этот принцип искусства может быть использован нами самими; стиль, в котором это делается, должен быть отмечен максимально точным выбором и законченностью дикции.²⁹⁰

На ступени Гуманности, которая находится непосредственно ниже Риторики, прелюдия должна время от времени слегка приукрашиваться украшениями эрудиции, насколько того требует отрывок. Учитель должен, скорее, в полной мере распространяться о гениальности латинского языка, о силе и этимологии слов, показанных признанными авторами, об использовании и разнообразии фраз с целью подражания. Здесь, как и в других правилах подобного рода, мы можем заметить степень прогресса, достигнутого в изучении родных языков за два с половиной столетия. В то время как в *Ratio* 1599 года добавлены следующие слова: "И пусть ему не приходит в голову выдвигать что-то из местного наречия, если это представляет что-то специально идиоматическое для передачи идеи или предлагает какую-то замечательную конструкцию"; в пересмотренном *Ratio* 1832 года заменены эти слова: "Пусть он подробно расскажет о сравнении гениальности обоих языков с целью подражания". Когда он объясняет прозу автора, он должен исследовать принципы искусства, приведенные в ней на примере. Наконец, если он сочтет нужным, он может привести версию, но наиболее элегантную, всего отрывка на родной язык.²⁹¹ В греческом языке есть своя форма преломления.

Что касается только что упомянутого "прозаика", то манера обращения с историческим писателем в "Человечестве", которое иначе называется классом поэзии, послужит, кстати, иллюстрацией разницы между тем, что признается основным предметом изучения в классе, и тем, что входит во второстепенное — наиболее существенное различие, характеризующее эту систему преподавания литературы. Критики 1586 года ясно указывают на это. Показав важность включения изучения историков в курс поэзии, они говорят: "Это не будет слишком обременительно для Наставника; ибо стиль истории более прост и ясен, так что не нуждается в тщательном изучении; и было бы достаточно объяснить ход событий так, как они изложены автором, так что ему не нужно консультироваться с другими авторами, писавшими по тому же вопросу. Выбор историка должен быть легким; после передачи предложения автора слова могут быть слегка прокомментированы, и только те, которые имеют некоторую неясность, нависающую над ними". Историками, о которых здесь идет речь, являются Цезарь, Саллюстий, К. Курций, Юстин, Тацит, Ливий.²⁹²

"Как на занятиях по риторике, так и на занятиях по гуманитарным наукам не все без разбора должно быть продиктовано и записано, а только определенные толкования сложных отрывков, которые не всем понятны, или которые Учитель разработал в результате своего личного изучения; кроме того, некоторые довольно яркие замечания к различным отрывкам исследуемого автора, такие примечания, которые дают комментаторы, редактирующие книги различного прочтения. Это будет достойно Учителя и полезно знать молодым людям".²⁹³

Классы грамматики имеют соответственно свои собственные формы прелексии, подробно приведенные в окончательном *Соотношении*. Нам будет достаточно набросать общую форму прежних критиков.²⁹⁴

В зависимости от того, что объясняется грамматикой или автором, следует придерживаться совершенно другого метода предварительного отбора. В грамматике мы приобретаем фонд предписаний; в авторе - запас слов и оборотов. Поэтому мальчики должны в совершенстве

понимать объясненные в учебниках грамматики вещи; им не нужно придирчиво разбирать там слова с целью формирования стиля. Но в письмах Цицерона и других текстах подобного рода главное значение имеет не столько содержание предложений, сколько слова и фразы; значимость и сила его мыслей должны быть сохранены для высших классов, когда ученики уже не будут простыми мальчиками.

Тогда пусть Учитель на уроках грамматики придерживается этого метода объяснения Цицерона или любого другого автора. Сначала он вкратце обрисует значение автора и связь между тем, что было раньше, и тем, что сейчас подлежит объяснению. Затем он дословно изложит версию того периода, максимально сохранив словосочетания в том виде, в каком они используются автором, а также использованные цифры. Что касается словосочетания или расстановки слов, то это имеет такое значение, что иногда, если одно-единственное слово поставить не на свое место, кажется, что вся мысль теряет свою силу и рушится. Здесь также ощущается то ритмичное течение стиля, которое само по себе, даже при отсутствии других украшений, чудесно радует слух и тешит ум. В-третьих, весь урок должен быть разделен аналитически на структурные элементы, чтобы мальчики отчетливо понимали, чем руководствуется каждое слово; и их внимание должно быть направлено на некоторые полезные моменты хорошей латыни. Что касается этого структурного анализа, мне будет позволено сделать мимоходом замечание, знакомое каждому ценителю классического образования, что дисциплинарная ценность литературоведения достигает здесь наивысшей степени умственного напряжения; и что два классических языка, латынь и греческий, в целом выдающиеся как обеспечивающие материалы для этого упражнения, в их собственной естественной структуре; которая на латыни является архитектурным сооружением, характерным для рассуждающего римского ума; а на греческом языке представляет собой тонкую концепцию и узоры, отражающие искусство, изящество и многогранность Афин и Ионических островов.

После этого каждое слово должно быть исследовано на предмет того, что оно означает и для каких целей оно может быть применено; мальчик должен понимать, насколько это возможно, первоначальную и правильную идею и силу каждого слова, а не только его общее значение, как в неясных очертаниях; он также должен знать фразы на своем родном языке, которые точно соответствуют латыни. Метафоры и образное употребление слов, особенно встречающиеся у Цицерона, должны быть объяснены мальчикам предельно просто, [295](#) и на примерах, взятых из самых простых предметов. До тех пор, пока это употребление слов не будет понято, истинное и неподдельное знание языка будет серьезно затруднено. Затем, выбрав более элегантные обороты стиля, Мастер продикует их ученым, а затем потребует использования и имитации этих фраз в их темах. Наконец, он вернется и переведет слова автора снова, как он это делал в начале; и, если понадобится, сделает это в третий и четвертый раз.

Что касается письма, то во время всего этого пусть он категорически запретит им записывать ни одной буквы, кроме тех случаев, когда им скажут. То, что он им продикует, он должен закончить во время предварительного отбора, а не затягивать это время ради написания. Время от времени случается, что с большим трудом, напрасной тратой времени, и без какой-либо благой цели мальчики старательно записывают и сохраняют подборку заметок, которые не были продуманы очень разумно и не были расположены очень тщательно, — заметок просто тривиальных, обычных, плохо склеенных, иногда хуже, чем бесполезных; и эти заметки они переносят на бумагу убогим почерком, полным ошибок. Поэтому пусть диктант будет состоять всего из нескольких пунктов, причем исключительно избранных.

Учителям следует быть настороже, чтобы частные наставники в домах мальчиков не объясняли им новые уроки. Этим учителям приходится просто повторять с мальчиками то, что было услышано в классе. В противном случае плоды хорошего объяснения, полученные в школе, теряются дома.

Теперь приступаем к повторению. Этим упражнением управляют два принципа. Во-первых, "то, что часто повторялось, глубже проникает в сознание".²⁹⁶ Во-вторых, "трудолюбие молодежи ослабевает ни перед чем так сильно, как перед пресыщением".²⁹⁷ Поэтому, как только предварительная лекция закончится, профессор должен немедленно потребовать отчета обо всем, что он сказал, и он должен проследить, чтобы при повторении была соблюдена вся линия его объяснения. Как будто это подразумевало, что следует привлекать только лучших ученых, критики продолжают отмечать, что не все из того, что было объяснено, должен повторять только один человек, но что каждый день следует практиковать как можно больше. Учитель не должен следить за порядком, в котором рассаживаются мальчики, а водить их то сюда, то туда. Однако первыми, к кому следует обратиться, являются те, кто более продвинул; затем идут более скучные или, возможно, более ленивые, и их, скорее, следует спрашивать чаще, чтобы поддерживать на должном уровне.²⁹⁸

В окончательном *Соотношении* отмечается, что ежедневный урок не должен превышать четырех строк в младшем классе грамматики; семи - в среднем. Как я уже заметил, предпочтение отдается грамматическим правилам; также греческому языку, будь то в грамматике или у автора. Соотношение ширины и глубины материала подбирается для каждого уровня. Необходимо тщательно продиктовать текст на местном наречии, который, будучи переведенным на латынь или греческий, будет служить примером объясненных правил или использования уже продиктованных фраз. И одна из частей школьных упражнений, начиная с младших классов и заканчивая риторикой, - это *концертация* между соперниками, представляющая собой оживленную дискуссию либо по вопросам, изложенным в прелекциях, либо по сочинениям друг друга. В этой области дискуссий, как и естественно, активность студентов растет как по объему охватываемой области, так и по глубине требуемой эрудиции, в зависимости от того, какие оценки выставляются. И оно выносится за пределы классной комнаты в избранные общества, называемые "академиями", члены которых, будь то грамматики или *литераторы*, проводят свои дебаты, произносят свои собственные проповеди или повторяют избранную лекцию своего профессора, отводят место в архивах какому-нибудь особо достойному произведению; и они проводят все эти упражнения в точном соответствии со своими реальными лекциями и исследованиями. При этом они ни на дюйм не уступают в серьезности или достоинстве великой академии теологов и философов.²⁹⁹

Что касается родного языка, то одна из самых ранних систем обучения в Обществе, примерно на сорок лет опередившая общее *соотношение*, предусматривает для среднего класса грамматики, что "по понедельникам и средам мальчики будут получать темы на богемском и немецком языках для своих эпистолярных упражнений".³⁰⁰ Этот документ, вероятно, принадлежит перу Питера Канисиуса вскоре после основания колледжей в Праге, Ингольштадте и Кельне. В директивном меморандуме от 1602 года, составленном для Майнца отцом Фердинандом Альбером, добавлен постскрипtum следующего содержания: "Пусть будут продолжены упражнения на немецком языке".³⁰¹ Жуванси излагает практику следующим образом: "После исправления и диктовки письменных упражнений латинский автор переводится на родной язык или проводится *концерт*. Эти два упражнения можно проводить

поочередно, если каждый день не хватает времени для обоих. Переводя автора на местный язык, вы заметите три вещи: во-первых, идиому местного языка и его соответствие по конструкции латыни или же его несогласие, так что школьники изучают каждый язык по другому; во-вторых, правильные обороты и элегантность латинского стиля; наконец, мысли автора, имеющие моральную подоплеку и рассчитанные на формирование суждений мальчиков; а также обычаи мужчин, наказания нечестивых, максимы мудрецов. Иногда автору-историку следует давать какую-нибудь часть для письменного упражнения, чтобы перевести ее на родной язык; или же она может быть добавлена в качестве приложения к более короткой теме. Пусть мальчики обсудят между собой достоинства перевода; они могут писать в таком повествовательном стиле, чтобы занять лучшие места в классе; а также, в конце года, для получения премий. Однако такие переводы не должны занимать все время занятий, как это иногда случается с нерадивыми Мастерами, которые уклоняются от работы по отбору и исправлению тем. Пока мальчики спорят между собой о правилах грамматики, поэзии или красноречия, один противостоит многим или несколько против нескольких. Тема, время и способ проведения *концерта* должны быть определены заранее; должны быть назначены судьи, призы для победителей, наказания для побежденных. Остальные, которые просто слушают во время конкурса, письменно покажут, какие плоды он принес им, или им будут заданы вопросы в связи с этим".³⁰²

В следующей статье,³⁰³ тот же автор приводит несколько примеров преломления у Цицерона, Вергилия, Федра, адаптированных к различным классам. Это всего лишь отрывки. Вся эта система состоит из отрывков, взятых последовательно, пока учащиеся не освоят целое произведение. Ибо именно в предварительном совершенстве деталей достигается совершенство в более крупном компасе. И мы также можем отметить, что только в оригинальных постановках безупречных мастеров стиля эти детали могут быть должным образом изучены. Понимание и наслаждение целым шедевром, взятым в целом, по всем законам природы и искусства является простым результатом понимания отдельных частей. Если кто-либо из авторов по педагогике считал, что ни один ученик не может "понять классику в оригинале и получить от нее удовольствие", и поэтому выступал за чтение переводов как средство получения "литературных впечатлений", я боюсь, что нам нужно только указать на стиль литературного письма, который, по-видимому, возник в результате использования подержанных вещей — если это вообще подержанные вещи. Ибо, в конце концов, стиль сам по себе никогда не появляется в переводе; переводятся только мысли. Мысли - душа стиля; их выражением было тело; каждая соответствовала другой в классическом оригинале; и в выдающемся взаимном соответствии изучался выдающийся стиль. Лучший перевод классического произведения никогда не давал большего, чем простой эквивалент. Поэтому, если с поразительным оригиналом не было проделано тщательной работы, более чем вероятно, что в результате ничего оригинального и поразительного никогда не будет сделано.

Эта система предварительного отбора, которая в дополнение к совершенству своей *техники* требовала эрудиции во всех областях знаний,³⁰⁴ делала из профессора кого угодно, только не технического педагога. Вольтер заметил это, говоря о своем собственном Профессоре. "Ничто не изгладит из моего сердца, - писал он отцу де ла Туру, ректору Колледжа Луи-ле-Гран, - память об отце Поре, который одинаково дорог всем, кто учился у него. Никогда еще человек не делал учебу и добродетель более приятными. Часы его уроков были для нас восхитительными часами. И я бы хотел, чтобы в Париже, как это было раньше в Афинах, вошло в обычай, чтобы человек в любом возрасте мог слушать такие лекции. Я бы часто ходил их

слушать. Мне посчастливилось быть воспитанным не одним иезуитом с характером отца Поре, и я знаю, что у него есть достойные преемники".³⁰⁵

Труды таких профессоров дополнили классическую литературу, как мы можем видеть в больших изданиях, или *классических книгах*, опубликованных в течение нынешнего столетия. Отец Де ла Серда из Толедо в своих трехтомниках о Вергилии в 1617 году посвятил литературе энциклопедию политических и моральных наблюдений, включая географию, историю и естественные науки.³⁰⁶ Его техническая работа была ничуть не хуже; поскольку его "Грамматические институты" стали в 1613 году, благодаря исключительной привилегии, стандартом для всех государственных школ Испании. Отец Николас Абрам, чье "Воплощение греческих заповедей в латинских стихах" выдержало пятьдесят изданий за двадцать два года, опубликовал в 1632 году, будучи профессором колледжа Пон-а-Муссон, два тома "октаво о Вергилии", которые затем постоянно переиздавались в Руане, Париже, Тулузе, Пуатье, Лионе и т.д.³⁰⁷ Предпринимая тот же труд, от имени Цицерона, он выпустил двухтомник "фолио", которым Джон Джордж Гревюс воспользовался в своем издании "Цицерона", Амстердам, 1699; а также редактор Кембриджа, чья работа появилась в 1699, 1710 и 1717 годах".³⁰⁸ "Дельфин Вергилий" отца Де ла Рю (Каролуса Руэуса) - известное произведение во Франции, Голландии, Англии; так же как и дельфинское издание Цицерона Де Мерувилля, которое часто воспроизводилось в Кембридже, Лондоне, Дублине и т.д. То же самое мы видим в отношении Санадона к Горацию, великой работы Брумуа о греческой драме, различных критических и поэтических работ Рене Рапена, и так далее. Из тридцати пяти работ отца Рапена лишь немногие не были переведены на различные европейские языки; и Оксфорд, Лондон, Кембридж были одними из наиболее активных центров переиздания или перевода на английский.³⁰⁹

4. Эта глава, которая вышла за обычные рамки, не может завершиться лучше, чем словом о книгах, что тесно связано с ее предметом. Отцы церкви 1586 года установили некоторые принципы относительно надлежащего снабжения и использования книг, а также исключения классических стандартных произведений;³¹⁰ и, соответственно, *Соотношение* 1599 года предписывает, что "учащиеся не должны ни оставаться без полезных книг, ни изобиловать бесполезными".³¹¹ Множество книг считается бесполезным, потому что "это угнетает ум и мешает удобной подготовке урока". Из книг более поздних авторов разрешены лишь немногие, и те, что очень тщательно отобраны ". Тем не менее, "разнообразие авторов придает мальчикам более насыщенный характер и облегчает подражание".³¹² Здесь Отцы переходят к указаниям по составлению совершенно нового вида работ, которые были бы очень полезны в колледжах. Это именно тот вид, который так хорошо известен в наши дни под различными названиями "Заповеди риторики", "Искусство композиции" и т.д. Поскольку развитие педагогической литературы, на которое мы обратили внимание в предыдущей главе, ³¹³ уже достигло определенного прогресса, критики говорят: "Следует поручить кому-нибудь, наиболее сведущему во всех этих вопросах, собрать все лучшее в этой области и собрать в одном трактате, написанном в элегантно-стиле, все, что он выбрал, об искусстве написания эпиграмм, элегий, од, эклог, *сильвий* (то есть материалов, "объектов"), комедий, трагедий, эпоса, краткий метод хронологии; объясняющий также, что такое исторический (или повествовательный) стиль, поэтический, эпистолярный, различные виды говорения и другие подобные вопросы, все это должно быть проиллюстрировано примерами".³¹⁴ В другом месте они призывают к аналогичной работе более высокого порядка, посвященной ораторскому искусству. Источниками, которые они указывают для такой компиляции, являются

"многочисленные публикации наших профессоров риторики, как о самом искусстве, так и о классических ораторских выступлениях".³¹⁵ Эти сборники, или учебники, были новой идеей в образовании.

ГЛАВА XVI. КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. ШКОЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И КОНТРОЛЬ.

Критики 1586 года трактуют тему литературных упражнений и школьного управления таким образом, что отдать ей должное можно было, только переписав слово в слово несколько глав предварительного *отношения*. Поскольку это невозможно, в пределах оставшегося пространства я попытаюсь проследить контур.

1. Однако есть один фундаментальный момент, которого следует коснуться, чтобы удовлетворить скрытый запрос в уме. Это относится к виду образования, проецируемого повсюду. Очевидно, что речь идет не о специальном обучении, не о подготовке специалистов или студентов технических специальностей. Во всей системе сфера педагогической деятельности - это сфера общей культуры и, следовательно, собственно образования. Результат, на который нацелены, является общим: развитие в молодом уме всех фундаментальных качеств; приспособление его путем раннего развития всех естественных способностей к любой особой работе мысли и труда в будущей зрелой жизни. Это заложило бы прочную основу во всем сознании и характере для любой научной надстройки, профессиональной и специальной, а также для всего построения нравственной жизни, гражданской и религиозной. То, что такая общая культура должна предшествовать специальной, кажется очевидным. Вытеснять его специальным или даже сокращать процесс - значит не только жертвовать общей культурой; это имеет более серьезный эффект. Из-за ложной экономии она стесняет, урезает и сводит к мельчайшим пропорциям все возможности получения общих и специальных квалификаций, которые существовали в юношеском уме. Без широкого, радикального образования внизу амплитуда органического роста наверху обязательно должна быть недостаточной; корни внизу не пустились, развитию наверху не хватает энергии, чтобы разветвляться в соответствии с окружающей средой и использовать ее возможности. Уму мальчика необходима гибкость общих способностей, поскольку только юный ум можно сделать гибким, в то же время он преимущественно склонен к обобщениям. Это то, что Сенека называет *curiosum ingenium*, "любопытный гений", открытый всему и стремящийся все открыть. Таким образом, память находится на стадии своего расцвета, готовая к культивированию на всем протяжении потенциальной необъятности, которую больше никогда не удастся испытать в жизни. Если его обильно возделывать в свое время, он впоследствии будет способен давать все виды готовых урожаев, в зависимости от приобретенной им стойкости и в зависимости от богатства заложенных в нем семян. Воображение тоже находится на стадии впечатлительного и витального расширения и остро чувствительно к свету и оттенкам объективной жизни. Они либо попадают под его наблюдение, либо, что еще лучше,

изображаются для него в прекрасной литературе; поскольку тонкая фантазия великих умов рисует природу, поскольку саму природу не найти одетой у каждой двери. Вступительное суждение также восприимчиво к мыслям и мудрости, которые другие умы продумали и передали, облекая их, как они это делали, в стиль, достойный их собственной энергии, и представляя их как наследие прошлого настоящему, мудрой старости мира его молодежи, которая может быть еще мудрее. И таким образом, у каждого отдельного юноши, когда его суждения нежно воспитываются и с возрастом созревают знания, то, что было раньше в памяти, постепенно переходит во весь характер и компетентность человека.

В рассматриваемой нами системе инструментом, используемым для достижения этих эффектов, является литература в руках компетентного учителя; это великая литература, причем двойная. Великие литературы Рима и Греции всегда считались адекватными инструментами всемирной культуры. В литературном аспекте красноречие и поэзия Греции были вершиной римского совершенства. С филологической точки зрения латинский язык был основной основой наших современных языков, сформировавшихся в истории христианского мира. В обеих книгах разнообразные элементы богатейшей мысли соприкасаются с неразвитой, но развивающейся природой молодежи; проблески человеческой жизни, индивидуальной, социальной и политической, радуют его пылкий взгляд и заставляют его почувствовать тончайшие струны человеческих чувств. Более того, он чувствует, что к этим пружинам прикасались величайшие мастера выражения; и он представляет себе мысль, изложенную в стиле, достойном величайших мыслителей; и что в языках один из них наиболее тонко организован, другой, возможно, наиболее систематически разработан из всех языков, живущих или вымерших. И, кроме того, эти две литературы дошли до нас, неся в себе то, что не могут передать никакие другие языки. Не как переводы, которые в своей лучшей форме демонстрируют лишь почтенную степень нищенства и представляют живые мысли других людей в приличном несоответствии, эти две литературы дошли до нас, неся в себе все исторические воспоминания античности, как священные, так и мирские; все шедевры красноречия и поэзии, принадлежащие не менее чем двум из очень немногих великих эпох, эпохам Перикла и Августа; всю человеческую философию, от Сократа, Платона и Аристотеля, вплоть до святого Фомы Аквинского, и, далее, до Лейбница и Ньютона, оба они люди классической литературы; короче говоря, все традиции, Вера и Божественность христианского мира.

К этим соображениям мы можем добавить еще одну характеристику классической литературы как инструмента в классе, и мы увидим достаточно в нашей нынешней теме, чтобы понять теорию, лежащую в основе *Ratio Studiorum*. Эти языки мертвы. Они не являются языком обычной жизни. Они не усваиваются инстинктивно и без размышлений. Всему нужно учиться по системе, правилам и формулам. Необходимо тщательно подходить к взаимосвязи грамматики и логики. Мысль и суждение постоянно упражняются в подборе точных эквивалентов на родном языке для каждой фразы оригинала. Совпадение конструкций слишком незначительно, общность идиоматической мысли слишком далека, чтобы ум мальчика мог ухватиться за идею благодаря той предустановленной гармонии, которая существует среди большинства современных языков. Только закон мышления и логика направляют его с помощью учителя, который указывает путь и укрепляет его борющуюся концепцию.

И когда, в конце концов, мальчик начинает писать и говорить на выученном таким образом языке и оживляет его, хотя и мертвый, той самой жизнью реальной речи, которая оживляет

современные языки, мы получаем высшее испытание и доказательство успешного труда, заключающееся в способности воспроизводить. В данном случае у нас также есть очень специфическое преимущество, заключающееся в том, что тяжелый труд был самого ценного рода; это был личный труд, потраченный в расцвете сил на полное самосовершенствование. Ибо этот великий закон всякого успеха в жизни, личный труд, соблюдался наиболее вознаграждаемым образом путем развития памяти, тренировки суждений и овладения в одной и той же вдумчивой, рефлексивной манере двумя языками одновременно, латынью и родным языком, греческим и родным языком, причем каждый систематически помогал другим по аналогии и контрасту. И, кроме того, что может быть более благоприятным для молодежи, чем письма, язык, разговоры?

Что касается работы этой иезуитской системы, то в истории педагогики очень распространено утверждение, что целью был "красивый стиль", и результатом был красивый стиль. Шотландский профессор, которого я цитировал ранее, очень точно описывает ценность этого результата. Говоря о структуре предложений, он говорит: "Логика и риторика имеют здесь, как и во многих случаях, строгую связь; и тот, кто учится выстраивать свои предложения по порядку, учится мыслить точно и упорядоченно; наблюдение, которое само по себе оправдало бы всю ту заботу и внимание, которые мы уделили этому предмету".³¹⁶ И, в другой связи, он цитирует, с одобрением, которого оно заслуживает, высказывание римского ритора: *Curam verborum, rerum volo esse sollicitudinem*: "У меня был бы выбор". Дикции должно уделяться достаточное внимание, но мысли должны быть объектом скрупулезного внимания".³¹⁷ Этот последний принцип - сначала дикция, а потом содержание - в переводе на процесс развития образования - предусматривает, в *соотношении*, пять классов, или семь лет, более или менее, которые должны быть потрачены на овладение стилем, главным образом в том, что касается его основной части, или, если хотите, его формы; затем два великих курса естественных и богооткровенных наук, или философии и теологии, для овладения тем же стилем, что и другие. главным образом в отношении его души, или, если вам угодно так это назвать, субстрата материи. И то, и другое вместе создает глубоко культурного человека; как гласит известная фраза: *Стиль - это главное для человека*, "Стиль - это сам человек". И если у нас только что была возможность обратить внимание на то, что две великие литературные эпохи мировой истории, эпохи Перикла и Августа, представлены нам классической литературой, то историческому подтверждению подлежит тот факт, что третья великая литературная эпоха, эпоха Людовика XIV, была создана под влиянием этой системы.

Манера, в которой критики 1586 года обсуждали вопрос о греческом языке, показывает практический взгляд, который они сохраняли на требования реальной жизни и условия конкретного окружения.³¹⁸ Их выводы воплощены в правиле директора или префекта учебных заведений: "Он не должен предоставлять иммунитет, особенно на какой-либо период времени, ни от стихосложения, ни от греческого языка, за исключением серьезной причины".³¹⁹

На эту тему есть шуточный намек в отчете провинции Верхняя Германия, который был отправлен отцу Аквавиве примерно через три года после публикации окончательного *соотношения*. Депутаты говорят: "Некоторые просят освободить их от греческого языка и стихосложения от имени пожилых монахов и знати. Но поскольку само правило намекает на то, что по достаточно серьезной причине может быть сделано исключение, в изменении нет необходимости. Если мы будем легкомысленны в этом вопросе, будь то с монахами или знатью, мы закончим тем, что полностью исключим греческий. Но если кто-то считается совершенно неумелым и

неспособным, невозможность этого освобождает его; ибо, если сам Бог не предписывает невозможного, почему бы и нам не навязывать греческий таким ученикам ". Отец Аквавива отвечает: "Это верно".[320](#)

2. В разделе "Упражнения" в предварительном *соотношении* подробно рассматривается литературное направление урока. Предметами являются орфография и все, что к ней относится; предварительный просмотр, как объяснялось ранее; повторения, ежедневные темы и метод ежедневной коррекции; чтение уроков наизусть; синтаксический анализ; и разговор на латыни. Жуванси определяет порядок выполнения ежедневных упражнений в классе. И он размышляет так: в каждом классе следует учить немногим вещам, но точно, так, чтобы они оставались в умах мальчиков; учитель должен помнить, что эти юные интеллекты подобны сосудам с узким отверстием, которые растрачивают жидкость, если ее наливают обильно, но забирают ее всю, если она поступает по каплям.[321](#)

Кроме того, существует ряд вспомогательных средств для управления школой. К ним относятся разделение класса на группы по десять человек в каждой, или *декурии*; представление один или два раза в месяц какого-нибудь отрывка ученика в присутствии приглашенных друзей; состязания между соперниками или вечеринками; выступление с оригинальным произведением или соревнование в ораторском искусстве каждую неделю; демонстрация или произнесение оригинальных стихотворений; ежегодное распределение премий; использование сцены, когда "мальчики могут продемонстрировать некоторые образцы своих исследований, своей подачи и силы памяти". Сочинение трагедии и малой драмы, как мы видели ранее, возлагается на профессоров риторики и поэзии.

Общим условием руководства классом является абсолютная тишина и внимание. Кроме того, в программу колледжа входит обеспечение возможности участия не только в школьных занятиях, но и в частных занятиях вне школы, особенно когда наступают каникулы. Обычные еженедельные развлечения едва ли поднимаются до ранга "праздников". Количество времени, отводимого на частных занятиях на сочинение и другую работу, является частью распорядка дня, независимо от того, являются ли студенты *выпускниками*, дневными учениками или *осужденными*, пансионерами. У всех должно быть достаточно занятий, "чтобы удерживать мальчиков от того, чтобы они бродили без дела и причиняли себе вред". То же самое относится и к обычным перерывам между школьными занятиями, "особенно, - говорят Отцы, - в летние дни, когда после полудня остается много времени до возобновления занятий; и мы слышим, как двор час за часом оглашается криками и шумными играми".[322](#)

Тогда мальчики были того же рода, что и сейчас. Потребовалась вся эффективность мягкой твердости, чтобы контролировать этот элемент, который испытывает опыт любого возраста. Немецкие отцы рисуют наглядный портрет этих мальчиков шестнадцатого века. Они комментируют правило, которое требует, чтобы префект по окончании школы находился на месте и руководил. Они так пишут отцу Аквавиве: "Многие возражают против этого, но это кажется разумным. Ибо, если кого-то нет под рукой, кого-то, кого почитают ученые, тогда, подобно стаду,[323](#) все скопом, они заполняют все помещение своими воплями и шумом, своей возней, смехом и толкотней. Теперь необходимо требовать соблюдения приличий со стороны наших учеников; поскольку, если мы где-либо оставим место для невоспитанности, она сразу же проникнет в школьные кабинеты и все испортит".[324](#) В этом смысле определенное небольшое количество правил в *Соотношении*, всего пятнадцать и очень коротких,

непосредственно представлены учащимся для их соблюдения. "Никто из наших студентов не должен приходить в колледж с оружием, кинжалами, ножами или чем-либо еще, что запрещено, в зависимости от обстоятельств времени или места". В те времена мечи и кинжалы были частью личного снаряжения джентльмена. "Они должны полностью воздерживаться от ругани, оскорбительных выражений или действий, умаления достоинства, лжи, запрещенных игр, а также от мест, которые опасны или запрещены префектом школ; короче говоря, от всего, что противоречит чистоте нравов". За этим следуют другие правила, столь же радикальные для того времени и перестраивающие образование на будущее.³²⁵

Ибо в наши дни мы не привыкли видеть, как студенты входят в аудиторию и выходят из нее по своему выбору. И многие другие неудобства шестнадцатого века для нас необычны. Но причина в том, что мы пришли на триста лет позже тех времен и наслаждаемся плодами трудов других людей.

Преобладание личного такта и обходительности, заметное у учителей-иезуитов, обычно комментируется и отсылается к той или иной причине в них самих или в общей организации Общества. Опуская это, я предпочитаю обозначить один секрет контроля, который полон значения, хотя и не настолько вероятен, чтобы привлечь внимание. Это бесчувственный метод организации, прокладывающий себе путь среди самой молодежи и служащий цели общего коллегиального контроля. Всего существовало четыре класса одиторов, смешанных вместе и оказывающих взаимное влияние. Влияние сильнейших, конечно, преобладало. На высших курсах были и сами иезуиты. Там были пансионеры, *каторжники*, которые оставались в течение десяти, или, скорее, одиннадцати месяцев в году, полностью под контролем и руководством Отцов. Среди них были целые дома религиозных или священнослужителей. Кроме того, там были *выпускники*, современные ученые, та большая группа студентов, которая изначально предусматривалась в Конституции Игнатия. Однако оказалось, что они, из-за их раздельной жизни, частично в школе, частично дома, не в полной мере отражают результаты образования. Наконец, были *экстерны*, студенты-заочники, те, кто не был занесен в списки, все еще посещали лекции; и к этой категории мы должны отнести такие общие собрания, как те несколько тысяч слушателей, которые часами до назначенного времени присутствовали на лекциях отца Мальдонадо в Париже и заставляли его выходить на открытый воздух, чтобы удовлетворить всех. Теперь, помимо уз привязанности, которые связывали ученых с Профессорами, существовала еще одна связь - их характер как содалистов. Этот символ обозначал членство в Братстве Пресвятой Девы Марии, религиозном объединении, которое получило самую высокую оценку в *Ratio Studiorum* и которое собрало в себе все, что было превосходного в студенчестве. Литературные и научные "академии" набирались только из Общества. Таким образом, в результате двойного процесса среди самих студентов была создана аристократия добродетели и таланта, стремящаяся не только к поддержанию порядка, но и к активному развитию всех тех качеств, которых больше всего желает система образования.

ГЛАВА XVII.

ЭКЗАМЕНЫ И ВЫПУСКНОЙ. РАСПИСАНИЕ ОЦЕНОК И КУРСОВ.

1. Все экзамены, предусмотренные *Ratio Studiorum*, проводятся из уст в уста. Письменность входит в программу экзаменов только тогда, когда само написанное слово является предметом исследования. Таким образом, в классах курса литературы композиция учащегося, начиная с элементарных навыков правописания, пунктуации, грамматики и заканчивая самыми разнообразными формами и разновидностями стиля, подвергается проверке для перехода в следующий класс. Но даже в этом случае, после того, как каждый из трех экзаменаторов тщательно проверит письменное сочинение и ознакомится с отчетами магистра об успехах человека в течение года, они вызывают автора, передают ему его работу и подвергают его устному исследованию по ней. После этого они переходят к другим филиалам, и все это из уст в уста.

На высших курсах, где стиль больше не является предметом изучения, письменность никогда не фигурирует на экзаменах. Письменные диссертации, специальные лекции, литературные произведения всех видов, написанные для определенных случаев, отныне являются лишь частью упражнений, предусмотренных этими курсами.

Говоря здесь только о грамматике и гуманитарных науках, каждый новичок по предъявлении требуемых документов проверяется директором или префектом учебных заведений, который "помещает его в класс и к профессору, соответствующий квалификации мальчика; однако таким образом, чтобы молодой человек был скорее достоин вышестоящего класса, чем недостоин класса, в который он помещен".³²⁶ Более ранние критики отмечали, что "на экзаменах должна практиковаться строгость, поскольку мальчикам вреднее подниматься по карьерной лестнице". класс, когда они не подходят, чем, если они действительно подходят, оставаться там, где они есть; и, в дополнение к этому, если они продвинуты, хотя и не квалифицированы, они создают немалые помехи в высшем классе".³²⁷

В низший класс не допускаются ни юноши преклонного возраста, ни мальчики очень нежного возраста. Ссылка на то, что родители просто хотят, чтобы дети были в хороших руках, не является достаточной причиной для их взятия; единственное исключение - для мальчиков, которые действительно далеко продвинулись для своих лет.

Эти возрастные условия и достаточная подготовка для поступления на классический курс очень отчетливо иллюстрируют некоторые особенности политики, которую проводило Общество. Отец Джозеф Каласанцио, священник большого рвеня, обратился к ректору Римского колледжа, в котором училось более двух тысяч студентов, с просьбой открыть несколько школ для необеспеченных детей Рима. Существует латинское слово, составленное из первых четырех букв алфавита, для обозначения этого начального класса ученых, которые еще не имеют квалификации в области литературы. Это слово - *абecedариум*. Этот термин используется как в Конституции Лойолы, так и в *Соотношении*. Ректор отказался. Отец Жозеф обратился к генералу Клавдию Аквавиве. Тот тоже отказался; он сослался на Конституцию Общества, которая была четко и во всех своих частях одобрена папами. Не сумев воплотить в жизнь свою идею иезуитами, отец Жозеф открыл свою первую "Школу благочестия" в Риме, которую вскоре стали посещать 1200 маленьких мальчиков, *абecedариум*. После смерти основателя в 1648 году его работа распространилась на обширную систему *Scuole Pie*. В наше время пересмотренное

соотношение 1832 года признает элемент подготовительных отделений. Это просто требует, чтобы они находились полностью под той же юрисдикцией, что и сам Колледж.³²⁸

Еще одна особенность политики, которую иллюстрируют эти условия и которую они также развивают, заключается в том, что они стремятся проводить различие между подходящими учеными и другими, чьи обстоятельства лишат их возможности когда-либо достичь конечной цели более высокой культуры. Там, где обстоятельства неблагоприятны, культура в целом также нежелательна. Ибо что может быть более вредным для общества в целом, чем причинять молодым людям вред двояким образом, положительно и отрицательно; положительно, помещая их в ложную культурную среду, которая не может принадлежать им в будущей жизни; отрицательно, отнимая у такой культуры все время и труд, которые можно было бы с пользой потратить на получение более простого образования и достижение его срока в любой самой обычной сфере жизни? Кроме того, само гуманитарное образование страдает от предрассудков, поскольку его неверно истолковывают, поскольку тогда его оценивают по результатам и обстоятельствам, которые к нему не относятся. Каждая система должна быть создана на своей собственной основе и строиться в соответствии со своими собственными условиями. Абсолютность Конституции Лойолы во всем, и *Ratio Studiorum* в частности, облегчает эту политику на каждом шагу.

После поступления мальчика в класс он с этого момента продвигается либо вместе со всем классом на ежегодном общем и торжественном повышении, либо, если он отличится, как определяют отчеты и Учитель, он не должен задерживаться в этом классе, но может подняться в любое время года после соответствующего экзамена. Ряд условий, которые трудно реализовать, делают это специальное повышение едва ли возможным с Первой ступени грамматики до Гуманности или с гуманности до риторики.³²⁹ С другой стороны, "если кто-либо будет признан совершенно неспособным перейти в следующую ступень, никакие прошения не принимаются во внимание".

2. На философских и теологических курсах, оба из которых заканчиваются присвоением ученых степеней, система экзаменов для всех студентов, не являющихся членами Общества, относится только к этим степеням на момент подачи заявления на них. Для получения степени по философии первым предварительным этапом является часовое обсуждение с тремя экзаменаторами по всему курсу, причем в присутствии других студентов. Если результат будет удовлетворительным, то будет выдано разрешение на подготовку к публичной защите всей Философии. Это метод торжественной формы вручения дипломов, который по старому стилю присуждает успешному студенту после трех лет изучения естественных наук или философии звание магистра искусств.

С этого момента начинаются три профессиональных направления - Медицина, Юриспруденция, Теология. Последний поименованный факультет заканчивается во многом тем же образом, что и факультет философии, но с гораздо большей амплитудой публичных действий или защиты, а затем, наконец, с защитой всей философии и теологии вместе взятых. Это дает право обвиняемому на степень доктора богословия, которая присуждается самым торжественным образом.

С настоящим предметом связана история педагогики, которую целесообразно разделить на два этапа: во-первых, на шестнадцатый век и, во-вторых, на девятнадцатый.

Игнатий Лойола законодательно закрепил в своей Конституции следующее: "При изучении искусств должны быть организованы курсы, на которых будут преподаваться естественные науки; и для этого недостаточно менее трех лет; кроме того, студентам должно быть отведено еще полгода на повторение услышанного, проведение публичных актов защиты и получение степени магистра. Следовательно, весь курс обучения должен длиться три с половиной года, вплоть до получения ученой степени".³³⁰ Опять же, Игнатий издал закон для богословия: "Курс богословия должен длиться шесть лет; все вопросы, которые предстоит прочитать, будут рассмотрены в первых четырех; в двух других, помимо повторения, те, кто будет повышен до степени доктора, совершат обычные акты защиты".³³¹

Имея перед собой этот закон и сорокалетний опыт, иллюстрирующий его действие, критики 1586 года в то же время сталкиваются с рядом исторических фактов, которые, по-видимому, не согласуются с законодательством. В то время как система Лойолы, очевидно, была организацией образования, факты, которые они замечают, показывают сопутствующий процесс, идущий, в обратном смысле, к распаду системы. Это, без сомнения, было вызвано беспокойным состоянием шестнадцатого века. Пытаясь привести *Соотношение* и факты в большее соответствие, критики рассуждают следующим образом:—

"Трудно повсюду ожидать, что студенты-экстерны будут довольны проведением своих актов публичной защиты только после окончания курса философии или теологии; и это в течение полугода или двух лет, указанных выше. Ибо в Италии наши факультеты почти никого не повышают до ученых степеней, за исключением наших собственных выпускников или осужденных, которые не могут ждать так долго и которые с готовностью уйдут в медицину или юриспруденцию; более того, они отчуждены от нас и оскорблены такой строгостью, видя, что в других университетах Италии они могут легче всего получить ученую степень, если захотят ее. В Германии тоже с трудом переносят такие длительные интервалы ожидания; и они скорее думают, что они что-то сделали, если прошли четырехлетний курс теологии. И было бы уместно предоставить им там послабление; в противном случае мужчины воздержатся от получения докторской степени; так что в будущем в Германии будет очень мало врачей-католиков; в то время как она изобилует врачами-некатоликами, повышение по службе которых может произойти со дня на день. Во Франции философы тоже не дожидаются окончания трехлетия, чтобы стать магистрами искусств; они не могли мириться с задержкой, потому что спешили получить Юридическое образование. То же самое происходит и с немецкими философами, но по другим причинам. Поэтому преподобный отец генерал мог бы подумать, не обойтись ли ему без соблюдения Конституции в итальянских и Трансальпийских провинциях; тем более что в самой Конституции говорится, что она должна соблюдаться, насколько это возможно".³³²

В соответствии с этим, *Ratio Studiorum* не является абсолютным в своем общем законодательстве и оставляет место для особых условий разных стран. Наиболее четкое представление о значении и процессе присвоения ученых степеней можно получить, обратившись к типичному уставу исключительно иезуитского университета, представленному в "*Памятнике немецкой педагогики*".³³³ В третьей части этого документа говорится исключительно о "Разнообразии академических степеней и условиях для каждой". И начинается оно словами: "Поскольку целесообразно присваивать академические степени тем, кто признан достойным того же, поэтому следует соблюдать крайнюю осторожность, чтобы в любой момент они не были присвоены таким лицам, которые только дискредитировали бы имя Академии, а сами степени - вызвали презрение. Поэтому никому никогда не может быть

присвоена ученая степень, если он не прошел все испытания, которых требуют обычаи университетов".

Переходя от шестнадцатого века к нашему времени, необходимо преодолеть важный пробел в истории образования Ордена. Это период Подавления, продолжавшийся около сорока лет в конце прошлого века и начале настоящего. Эти чистые страницы означают полную потерю собственности и положения, с разрывом во многих местах образовательных традиций на почти шестьдесят лет и полным их разрушением во многих других частях. Кроме того, как и "бесхозное добро", вся система образования, которая с помощью Общества вышла за пределы ограниченного числа средневековых университетов и была безвозмездно предоставлена приютам в более чем семистах городах дюжины национальностей, была обнаружена Орденом при его возрождении в значительной степени в руках государственных властей или, по крайней мере, не независимой от государственного контроля. Восстановленная, но вынужденная бороться за существование в изменившихся и неблагоприятных обстоятельствах, эта педагогическая система может быть рассмотрена с интересом в том виде, в каком она была к концу девятнадцатого века. С этой целью мне, возможно, будет позволено взглянуть на это в нескольких частях света именно в том аспекте, который я только что рассматривал, а именно в стремлении завершить свою образовательную работу с получением академических степеней.

В Соединенных Штатах оно обладает такой же свободой действий, как и любая другая система высшего образования, без какой-либо особой поддержки, оказываемой организациям, финансируемым государством.

Во многих частях Европейского континента имущество Ордена находится в обычном или хроническом состоянии конфискации, а члены Ордена, как преподаватели, юридически объявлены вне закона. Образование вряд ли может процветать, когда оно на взводе.

В Австрии, где Общество полностью признано, его учителя в результате перекрестного движения практически лишены государственного признания. Чтобы выдавать своим студентам государственные дипломы, необходимо, чтобы они сами были сертифицированными государственными преподавателями. Чтобы стать такими учителями, они должны были фактически посещать специальный курс грамматики, истории и т.д. в течение четырех лет, по которому впоследствии будет признан их сертификат. Между тем, как иезуиты, они прошли курсы, которые я в общих чертах обрисовал на страницах этого эссе; и к этому времени их, конечно, не следует путать с молодыми людьми, которые просто исследуют какую-то ограниченную область педагогической деятельности как сферу своей жизни. Следовательно, в этот самый энергичный и зрелый период своей жизни они должны потратить четыре года впустую, как если бы они были молодыми нормальными учеными, следуя одному или двум направлениям педагогического образования; и это только для того, чтобы их слова были приняты во внимание, когда они передают своих студентов на получение государственных степеней.

В Великобритании и зависимых странах Британской империи таких изматывающих ограничений нет. Условия для поступления в университет и для последующей серии экзаменов в таких университетах, как лондонский, Калькуттский или Лавальский, вполне соответствуют американским идеям социальной либеральности; какими бы высокими и требовательными в остальном ни были стандарты, необходимые для успеха либо на вступительных экзаменах, либо на Отличиях. Также, если в некоторых английских университетах снова потребуется

специальная аттестация зрелости перед поступлением на медицинские курсы, это не создает каких-либо особых трудностей. Таким образом, школа святого Франциска Ксаверия в Калькутте входит в число высших так называемых "христианских школ" Индии. Чтобы прояснить ситуацию, я возьму два примера, один из самой Великобритании, другой из Доминиона Канада.

Стонихерст проиллюстрирует работу государственной системы как соприкасающуюся с *Ratio Studiorum*. Вступительные экзамены в Лондонском университете не создают особых трудностей, хотя старшие классы литературной программы могут рассматриваться как находящиеся под напряжением из-за двойного стремления удовлетворить *Соотношение* и поступить в этот университет. После получения аттестата зрелости процесс становится значительно более плавным. Сдача экзаменов на степень бакалавра или магистра с отличием по классике или математике полностью соответствует обычному курсу иезуитской системы. Сразу же после получения степени бакалавра с отличием можно легко добраться до хорошего места в списке государственных служащих Индии. И, в целом, все изменения, внесенные Уполномоченными по государственной службе, были направлены на адаптацию их конкурсных экзаменов к обычной школьной программе. При подготовке к поступлению в военные академии Вулвича и Сандхерста студенты проходят обычный школьный курс в Стонихерсте в течение примерно двух лет с момента поступления; а затем они просто проходят специальный курс, разработанный для военного кадетства. То же самое теперь возможно и в отношении военно-морского флота, поскольку возраст для поступления на эту службу был несколько повышен. И, если упомянуть об одном из курсов, которые полностью соответствуют иезуитской системе, - философии, - обычные лекции двухлетней философской учебной программы должны быть лишь дополнены несколькими специальными лекциями, и студенты готовы к сдаче философских работ на степень бакалавра в Лондонском университете.

Монреаль демонстрирует отношения иезуитской и государственной систем в католической стране. Университет Лавала одновременно зафрахтован государством и Папой Римским. Профессора-иезуиты в колледже Монреаля проводят свои собственные исследования, экзаменуют своих студентов и просто отправляют их с сертификатами для получения ученых степеней в Университете.

Из этой истории следует, что, хотя учебная программа богословия в иезуитской системе не претерпела значительных изменений за три столетия, за исключением обычного самостоятельного приспособления курсов к новым и насущным вопросам, ее учебная программа философии претерпела существенные изменения применительно к общему миру студентов. Это, как предусмотрено в *Ratio Studiorum* 1586 года и как снова упоминается в пересмотренном *Ratio* 1832 года, приводит к двойной договоренности. Во-первых, везде, где члены Ордена продолжают свое обучение, философский трехлетний период, как само собой разумеющееся, действует полным ходом и продлевается отдельными лицами до четвертого года для пересмотра предметов и дальнейшего их изучения; и этот курс семинарии, если он связан с государственным колледжем, остается, как всегда, открытым для внешнего мира. Во-вторых, чтобы удовлетворить требования студентов-заочников, которые не желают проходить полный трехлетний курс обучения, провинциальный "позаботится о том, чтобы курс философии был установлен в соответствии с обычаями и потребностями страны".³³⁴ Следовательно, обычно устанавливается двухлетний курс; и, в соответствии с потребностями или желаниями местности, он проводится либо на латыни, либо на местном наречии.

3. Теперь мы можем кратко рассмотреть различные курсы, проводимые в течение года и распределенные по неделям.

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ПО ЛИТЕРАТУРЕ.

Оценка основана на принципах классического образования. Другие отделения поступают на классический курс в качестве завершения основных исследований. Но, исходя из их собственных достоинств, они получают особое распространение. Префекту младших учебных заведений предписывается "распределять историю, географию, элементы математики и все остальное, что обычно изучается в этих классах, таким образом, чтобы каждый магистр мог удовлетворительно и удобно завершить порученное ему дело". Это должно быть сделано "после консультации с провинциальными властями", что обеспечивает стабильность в организации этих отделений.³³⁵ Что касается родного языка, изучение которого тесно связано с классической литературой, профессорам этих классов раз и навсегда дается общее указание: "В изучении родного языка, будет применяться почти тот же метод, что и при изучении латыни". И в форме предварительного отбора они должны использовать метод, определенный как присущий историку и поэту, который является более кратким, чем предварительный отбор центрального автора прозы: "Во многом тот же метод будет использоваться при предварительном отборе классических авторов на местном языке".³³⁶

Низшая грамматика. Оценка этого класса - совершенное знание зачатков и начальное знание синтаксиса. В греческом языке: чтение, письмо и определенная часть грамматики. Авторами, использованными для предварения, будут несколько простых отрывков из Цицерона, помимо басен Федра и жизнеописаний Непота.

Средняя грамматика. Оценка - это знание, хотя и не полное, всей грамматики; еще одной части греческой грамматики; и, для предварительного ознакомления, только избранных посланий, повествований, описаний и т.п. Цицерона с комментариями Цезаря и некоторыми из самых простых стихотворений Овидия. На греческом: басни Эзопа, избранные и сокращенные диалоги Лукиана, Кебская таблица.

Высшая грамматика. Оценка - это полное знание грамматики, включая все исключения и идиомы в синтаксисе, фигуры риторики и искусство стихосложения. В переводе с греческого: восемь частей речи, или все зачатки. Для уроков: в прозе - самые трудные послания Цицерона, книги "О дружбе", "О сенектуте" и другие в этом роде или даже некоторые из самых простых речей; в поэзии - избранные элегии и послания Овидия, а также отрывки из Катулла, Тибулла, Проперция и эклоги Вергилия или некоторые из более простых книг Вергилия. По-гречески: святой Златоуст, Ксенофонт и им подобные.

Человечность. Оценка состоит в том, чтобы подготовить, так сказать, почву для красноречия, что достигается тремя способами: знанием языка, некоторой эрудицией и кратким изложением правил, относящихся к риторике. Что касается владения языком, которое заключается главным образом в приобретении правильности выражения и беглости, единственным автором прозы, используемым в ежедневных проповедях, является Цицерон; в качестве исторических писателей - Цезарь, Саллюстий, Ливий, Курций и другие в том же роде; используемые поэты - это, прежде всего, Вергилий; также избранные оды Горация с удаленными элегиями, эпиграммами и другими произведениями прославленных поэтов; аналогичным образом, ораторы, историки и поэты на местном языке. Передаваемая эрудиция должна быть

незначительной и только для того, чтобы стимулировать и воссоздавать ум, а не препятствовать прогрессу в изучении языка. Предписаниями будут общие правила выражения и стиля, а также специальные правила для второстепенных видов композиции, посланий, повествований, описаний, как в стихах, так и в прозе. На греческом: искусство стихосложения и некоторые представления о диалектах; также четкое понимание авторов и некоторые сочинения на греческом. Авторами греческой прозы будут святые Златоуст и Василий, послания Платона и Синезия, некоторые отрывки из Плутарха; поэты Гомер, Фокилид, Феогнид, святой Григорий Назианзен, Синезий и другие подобные им.

Риторика. Степень этого предмета нелегко определить. Ибо она развивает в совершенстве красноречие, которое включает в себя две великие способности, ораторскую и поэтическую, причем первая главным образом является объектом культуры; она рассматривает не только практическое, но и прекрасное. Что касается наставлений, то Цицерона можно дополнить Квинтилианом и Аристотелем. Стиль, которому может способствовать привлечение наиболее авторитетных историков и поэтов, должен формироваться на Цицероне; все его произведения наиболее подходят для этой цели, но только его речи следует сделать предметом предварительного обсуждения, чтобы можно было увидеть принципы искусства на практике. Что касается просторечия, то стиль должен формироваться по образцу лучших авторов. Эрудиция будет черпаться из истории и нравов народов, из авторитета писателей и всей учености; но умеренно, как и подобает способностям студентов. В греческом языке необходимо приобрести более полное знание авторов и диалектов. Греческие авторы, будь то ораторы, историки или поэты, должны быть древними и классическими: Демосфен, Платон, Фукидид, Гомер, Гесиод, Пиндар и другие в том же роде, включая святых Назианзина, Василия и Златоуста.

Составители предварительного *соотношения* дают несколько очень полезных советов относительно работы и сферы применения этого класса. Они говорят, например, что изучающим риторику "следует помогать почти ежедневно излагать какого-нибудь поэта, чтобы извлечь отсюда разнообразие и богатство поэтического подражания и дикции". Опять же, "никакая диалектика не должна быть предметом предварительного обсуждения в этом классе, поскольку риторов следует держать как можно дальше от стиля, изобретения, и духа диалектики". Говорится о "двух или трех годах", проведенных в этом классе.³³⁷ Во всяком случае, "все наши дневные ученики или пансионеры³³⁸ должны провести один год на занятиях риторикой, прежде чем они перейдут на философию; об этом следует рассказать их родителям. Других, кто посещает наши курсы со стороны,³³⁹ следует убедить делать то же самое".³⁴⁰ Если они все еще настаивают на том, чтобы начать изучать философию в слишком раннем возрасте, предлагаются специальные средства, не поощряющие такую практику.

Очевидно, что все эти пять степеней связаны настолько, что не накладываются друг на друга. Их также нельзя умножать, разве что в том смысле, что допускается более одного деления, когда ученых очень много. Если ни в одном месте невозможно сохранить все классы, "следует сохранить более высокие, насколько это возможно, а от более низких отказаться".³⁴¹

ФИЛОСОФСКИЙ УЧЕБНЫЙ ПЛАН.

Когда побочные ветви достаточно изучены, когда врожденные таланты мальчика "стимулируются" или "культивируются", как часто выражается *Ratio*,³⁴² и его память обогащается полнейшими материалами для стиля на двух языках, латыни и просторечии, в то время как греческий субсидирует его культуру, ученик приступает к изучению философии, используя схоластическую латынь как средство выражения.

Этот инструмент для выражения философской мысли обладает качествами тонкости, проницательности и точности, которые диалектическая практика всех университетов имела тенденцию развивать в нем, начиная с двенадцатого века. С добавлением полноты и богатства сочинений Цицерона, которые колледжи культивировали с таким рвением, схоластическая латынь таких людей, как Молина, Рипальда, Либераторе, Францелен и многих других, достигла уровня литературного совершенства.

Математика проходит параллельно с курсом философии, и об этой отрасли науки есть довольно красноречивый отрывок в *Ratio* 1586 года.³⁴³ Физика всегда была включена в философию Аристотеля. Карьера современного физика была тогда в будущем. Но, как в чистой и прикладной математике, курсы всегда выдвигались на передний план, так и в арифметике и геометрии мы замечаем, что уже в 1667 году единственный публичный курс под руководством иезуитов в Кане насчитывал четыреста студентов,³⁴⁴ итак, в середине следующего, восемнадцатого столетия мы находим кабинеты физики в постоянном использовании и экспериментальные лекции, читаемые классам профессорами физики.³⁴⁵ Таким образом, основа исследования заложена в правилах пересмотренного *соотношения*: "Профессор должен раскрывать теории, системы и гипотезы, чтобы было ясно, какая степень достоверности или вероятности принадлежит каждой из них. Поскольку этот факультет каждый день делает новые успехи, профессор должен считать частью своего долга знакомство с более свежими открытиями, чтобы в своих предвыборных выступлениях он мог продвигаться вместе с самой наукой".³⁴⁶ Генеральные ассамблеи приняли закон по этому предмету, как я указывал ранее, отведя надлежащее место в философии тому, что они называли "более приятной" или "более легкой" формой физики. Действительно, сама философия в течение трех столетий столкнулась со многими новыми потребностями и обратилась к новым направлениям лечения.

Первый курс. Логика и общая метафизика. *Один профессор: восемь часов в неделю.* Вводный очерк философии. Диалектика или малая логика: идеи, суждения, рассуждения. Собственно логика: критерии истины; виды знания и общие правила критики и герменевтики. Общая метафизика или онтология: понятия бытия и категории. Математика. *Один профессор: шесть часов в неделю.* Все, что готовит к физике следующего года, а именно алгебре, геометрии, плоской и сферической тригонометрии и коническим сечениям. Этот быстрый курс за столь короткое время предполагает, что вопрос не совсем новый, а уже изучался в курсе литературы.

Второй курс и часть третьего. Специальная метафизика. *Один профессор: четыре часа в неделю.* Во-первых, космология: происхождение мира, элементы тел, совершенство мира, его природа и законы, сверхъестественные эффекты и их критерии, рассматриваемые с точки зрения философских принципов. Во-вторых, психология: Сущность человеческой души и ее способности: ощущение, воображение, память, природа интеллекта и рассудка, аппетит, воля, свобода; существенное различие между душой и телом; простота, духовность и бессмертие души; союз души и тела, природа и происхождение идей; жизненный принцип животных. В-

третьих, Естественная теология: Бог, Его существование и атрибуты и т.д., рассматриваемые в свете человеческого разума. Физика. *Один профессор: девять часов в неделю.* Механика, динамика; свойства тел, гидростатика, гидравлика, аэростатика, пневматика; элементы астрономии; свет, теплота, электричество, магнетизм, метеорология. То, что не завершено в этом году, продолжается в следующем, с элементами естественной истории. Многое из этого курса можно было увидеть в учебной программе по литературе. "К этим вопросам не следует подходить настолько исключительно с рациональной точки зрения, чтобы почти не оставлять времени для экспериментов; и эксперименты не настолько отнимают время, чтобы это выглядело как чисто экспериментальная наука". Химия. *Один профессор: три часа в неделю.* Неорганические и органические.

Третий курс. Метафизика. *Один профессор: четыре часа в неделю.* Что осталось от только что описанного курса для второго курса. Философия морали. *Один профессор: четыре часа в неделю.* Цель человека, нравственность человеческих действий, естественное право, естественные права и обязанности; принципы общественного права. Физика. *Один профессор: два часа в неделю.* Геология, астрономия, физиология. Часть вышеуказанного курса можно забронировать на этот год. Математика. *Один профессор: три часа в неделю.* Аналитическая геометрия и дифференциальное исчисление.

В этих курсах естествознания, если вопрос не является совершенно новым, поскольку изучался на низших факультетах, философский подход теоретической критики довольно специфичен для всей этой учебной программы.

УЧЕБНАЯ ПРОГРАММА ПО ТЕОЛОГИИ.

Как иезуитские богословы Кельна объявили в своей программе 1578 года, что, хотя они и следовали святому Фоме, все же "ни все вопросы, ни только те, которые он рассматривал", не должны были решаться ими; так и в каждую эпоху принятый стандарт соблюдался с тем же практическим учетом потребностей времени. Причина та же, что и у названных теологами; потому что, по их словам, "У каждой эпохи есть определенные области конфликта, которые делают необходимым, чтобы Богословие было дополнено множеством новых спорных вопросов и, фактически, чтобы оно приняло новую форму".³⁴⁷ В структуре схоластического богословия *Соотношение* предполагает следующую форму:—

Схоластическое богословие. Четыре года. *Два профессора: каждые четыре часа в неделю.* *Один курс.* Религия и Церковь; Бог в Единстве и Троице; Его атрибуты, предопределение: Бог как Творец; Ангелы; сотворение Человека и его грехопадение; воплощение; Три из Семи Таинств. *Другой курс.* Человеческие поступки, добродетели и пороки; теологические добродетели; кардинальные добродетели; право и справедливость; религия; благодать; таинства в целом; остальные Семь Таинств.

Нравственная теология. Два года. *Один профессор: пять с половиной часов в неделю.* Цель этого курса - сформировать служителей Таинств. *Один год.* Человеческие поступки, совесть, законы, грехи, Заповеди, за исключением седьмой. *В прошлом году.* Седьмая заповедь, которая включает договоры; Таинства, порицания, состояния и обязанности в жизни.

Церковная история. Два года. *Один профессор: два часа в неделю.* Необходимые и своевременные вопросы истории каждого столетия.

Каноническое право. Два года. *Один профессор: два часа в неделю. Один год.* Личности, судебные решения, штрафы. *Другой год.* Вещи.

Священное Писание. Два года. *Один профессор: четыре часа в неделю.* Общие пролегомены. Книга из Ветхого и Нового Завета поочередно.

Иврит. Один год. *Один профессор: два часа в неделю.* Дополнен одним часом в неделю на сирийском, арабском, халдейском языках в течение четырех лет.

ОБЩЕЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ.

Составители предварительного *соотношения* предприняли попытку разработать единую систему распределения времени в различных странах. Но окончательное *Соотношение* предпочло оставить этот вопрос таким: "Поскольку разнообразие стран, времени и людей склонно вносить разнообразие в порядок, который необходимо соблюдать, и в распределение часов для учебы, повторений, диспутов и других упражнений, а также во время каникул, соответствующие власти сообщат генералу все, что он сочтет более целесообразным в своей провинции для лучшего продвижения учебы, чтобы можно было прийти к определенному соглашению, которое будет отвечать всем требованиям, сохраняя, однако, как можно ближе к общему порядку наших занятий".³⁴⁸ Соответственно, правило Главного префекта учебных заведений предписывает, чтобы "он устанавливал не только порядок занятий, повторений, диспутов, которые должны соблюдаться членами Общества, нашими учеными и внештатными студентами в целом под руководством их профессоров; но также распределял все их время таким образом, чтобы они хорошо проводили часы частных занятий".³⁴⁹

Я приведу три наброска реальных мероприятий по ведению литературной или средней учебной программы; и одно обычное мероприятие для двух факультетов высшего образования - философии и теологии. Три расписания для среднего курса взяты из англоязычного мира. Это пронумерованное (I), если представить его полностью, будет очень похоже на обычное расписание американского колледжа. Это метод, более или менее принятый иезуитскими колледжами, которые сосредоточены вокруг Университета Сент-Луиса в Западных Штатах. Расписание, пронумерованное (II), представляет систему Джорджтаунского колледжа и других в Восточных Штатах; оно выглядит как близкая адаптация системы, представленной на этих страницах. Номер (III) - это метод колледжа Стонихерст, Англия; и к нему можно отнести канадскую систему и систему Индостана. Часы, указанные в этом расписании, включают установленное время для занятий, помимо часов занятий. Установленное учебное время в колледже-интернате может составлять в среднем четыре с половиной часа в день; к нему могут быть добавлены другие часы из свободного учебного времени или часы избыточного отдыха. Организация в Стонихерсте интересна тем, что это организация факультета, которому двести девяносто девять лет, без каких-либо перерывов в его карьере. Его первоначальным домом был Сент-Омер, Франция, где отец Парсонс основал колледж в 1592 году. После распада Ордена во Франции в 1762 году колледж переехал в Брюгге в Бельгии; оттуда, в 1773 году, в Льеж; откуда, под давлением Французской революции, он нашел убежище в Англии и открыл свои курсы в Стонихерсте, Ланкашир, в 1794 году.

Расписание философского трехлетия (Высшее обучение, В) взято из Вудстокского колледжа и Университета Сент-Луиса; расписание теологического курса (Высшее обучение, С) - из Вудстока. В этих расписаниях, а также в том, что не представлено здесь для семинарского курса

литературы (Высшее обучение, А), не было обнаружено никакой существенной разницы между одним учебным заведением и другим в Обществе.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЧАСОВ В НЕДЕЛЮ.

Среднее образование.—*Литература.*

	I.			II.		
Степени	I.–IV. Четыре года	V.–VI. Два года.	VII. Один год.	I.–IV. Четыре года.	V.–VI. Два года.	VII. Один год.
Возраст учащегося	13-16.	17-18.	19.	13-16.	17-18.	19.
ПРЕДМЕТЫ.						
Классика	9.	9.	..	13½.	13½.	..
Математика	4.	4.	4.	5½.	5½.	..
....Английск ий и принадлеж ности	12.	9.	6.	8.	5.	..
Естественн ые науки	..	3.	..	..	3.	10.
Философия	.	..	10.	..	..	12.
	III.					
Классы	I.–IV. Четыре года.	V.–VII. Три года.	Учебная программа по философии.			
Возраст учащегося	11-15.	16-18.	..			
ПРЕДМЕТЫ.						
Классика	18.	18.	..			
Математика	8½.	8½.	..			
Английский	6.	6.	..			
Французски й	5.	..	..			
История и география	3.	..	..			
Естественн ые науки	..	3–6.	..			

.Философия Двухлетний курс, как показано ниже (b).
я

Высшее образование.—А) литература.

КУРС СЕМИНАРИИ.

Два года обучения литературе Для членов ордена.

Высшее наставление.—(Б) Философский.

ТРЕХГОДИЧНЫЙ КУРС.

Годы	I.	II.	III.
Предметы курсов.			
Философия:			
Логика, }	8 + 5 (Диспут).		
Онтология.			
Космология, }		4 + 3 (Диспут).	
Психология.			
Психология, }			4 + 3 (Диспут).
Естественное богословие.			
Моральная философия			4 + 3 (Диспут).
Математика:			
Алгебра, }	6.		
Геометрия, тригонометрия.			
Аналитическая геометрия, математический анализ. }			3.
Механика	9 (Три	месяца)..	
Физика		9 (Семь месяцев).	
Химия		3 (Десять месяцев).	
Геология, }			2.
Астрономия, Физиология.			
Специальности	За пределами этого трехлетия.		

ДВУХГОДИЧНЫЕ КУРСЫ.

(a) Двухлетняя учебная программа, включенная в Трехлетний период.

(b) Аналогичная учебная программа, проводимая отдельно на английском языке.

Высшее наставление.—(C) *Теологическое*.

КУРС, ПОСВЯЩЕННЫЙ СЕКСУАЛЬНОСТИ.

Годы		I.	II.	III.	IV.	V.	VI.		
Темы курсов.									
Схоласти	}	8 + 5	8 + 5	8 + 5	8 + 5	Двухгодичный общего повторения, философские и теологические; и специальные семинарии работы.			
ческая		(дисп.).	(дисп.).	(дисп.).	(дисп.).				
теология.									
Нравстве		5½	5½	½	½				
нное									
богослов									
ие,									
Церковно	}	2	2	..	..				
й									
истории.									
Канониче		..	..	2	2				
ское									
право.									
Священн	}	..	..	4	4				
ое									
Писание.									
4	иврита.....	2	..	..	..				
									
Сирийски	}	..	1	1	1				
й,									
арабский,									
халдейск									
ий.									
Фирменн	В	За пределами этого Сексуального периода.							
еблюда.									

Высшее руководство.—D) *Закон*.

Проводится Преподавателем, не входящим в Орден.

Превосходное обучение.—(E) *Медицина*.

Проводится Преподавателем, не входящим в Орден.

ГЛАВА XVIII. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

От внимательного читателя не ускользнуло, что почти вся история, педагогическая или иная, изложенная в этом очерке, укладывается в рамки того, что было названо Контрреформацией; и некоторая ее часть относится к тому, что в нынешнем столетии называется Контрреволюцией. По этой причине, если записанные факты покажутся ему новыми, он поймет причину. Они лежали за пределами одного из проторенных путей в истории.

Помимо фактов эволюции, какими они, возможно, предстали на этих страницах, я не претендую на то, чтобы найти место для этой системы в каком-либо плане педагогического развития. Я также не претендую на дальновидность, которая может предвидеть любое развитие событий после смерти, как наследие этой системы миру образования. В политическом плане его место часто вкратце отводилось ему основными силами. Но и с педагогической точки зрения может наступить день, когда, собравшись вместе с другими остатками, которые формируются в прошлом, оно сможет взглянуть сверху вниз со своей собственной ступени и места в эволюции и, подобно другим, увидеть потомство, более привилегированное, чем оно само, прекрасную мать еще более прекрасных детей; точно так же, как старая университетская система средневековой Европы, особенно система великого Парижского университета, может смотреть сверху вниз со своего безмолвного и торжественного места в истории, как прямой прародитель *Ratio Studiorum*. "Нас тоже учили другие", - сказал Поссевино в 1592 году. Действительно, как очевидно, последнее, о чем система, кажется, когда-либо мечтала, что на самом деле никогда не пересекает путь ее интеллектуального видения, - это то, что она играет роль, возможно, педагогического авантюриста или добивается внимания каким-нибудь новым и поразительным отклонением. Несомненно, по своей целостности это исключительная система иезуитов, и во множестве практических элементов она воплощает тщательно продуманный опыт единой практической организации людей. Но, тем не менее, если мы посмотрим вниз, на его основы, мы пройдем через эпоху Возрождения литературы и обнаружим традиции схоластической Европы; и еще дальше, в расслоении истории, мы придем к принципам образования, определенным Аристотелем, Платоном и Сократом.

Что касается ее скрытой эволюции, я могу обозначить две формы, которые этой системе было предложено принять. Скорее, я могу указать на эпоху в его истории, когда общее образование разделилось на два направления; и, тем или иным путем, почти все среднее и высшее образование, которое преобладает среди нас, достигает нашего нынешнего времени. Принципы, принятые одной стороной, какими бы экстравагантными они ни были при их первом внедрении и во всем блеске и пылкости нового направления, несомненно, будут кому-то полезны. Другой был практически, если еще не был принят официально, принят Орденом как продолжение его старого метода и как пересмотр в девятнадцатом веке того, что сам Орден заложил в пятнадцатом. Я процитирую, чтобы объяснить одно из движений, писателя М. Древолана, которого я цитировал однажды ранее, ³⁵⁰ главным образом потому, что он появился совсем недавно, а также потому, что он полностью не симпатизирует системе иезуитов. С другой стороны, я процитирую одного из последних генералов Общества Иисуса, отца Джона Рутаана.

Когда иезуитские колледжи, числом более девятиста, были внезапно закрыты во Франции, тогда, говорит первый автор, "отъезд иезуитов стал поводом для шумной демонстрации против

обучения, которое проводилось в колледжах. На рынок сразу же хлынуло множество книг³⁵¹, в которых излагались планы новой системы образования, которая должна в большей степени соответствовать прогрессу науки и философии. Люди высочайшего авторитета, такие как президент Роланд, не побрезговали заняться этими вопросами и вдаваться в подробности: "Настал момент, - воскликнул один из них, - установить печи, добавить к ним мехи и посвятить ученых в учение о газах".³⁵² Реакция была тем более бурной, что духи дольше подавлялись. Это перешло даже границы дозволенного, как случается почти всегда в подобных обстоятельствах; так что, по словам современного писателя,³⁵³ дети, получившие надлежащее образование, должны были стать в возрасте пятнадцати лет достаточно квалифицированными земледельцами, интеллигентными натуралистами, расчетливыми экономистами, проницательными бизнесменами, просвещенными политиками, глубокими метафизиками, выдающимися геометрами, без ущерба для письма и рисования, всеобщей географии, древней и современной истории; без ущерба для французского языка, а также английского, немецкого и немного латыни; и опять же без ущерба для музыки и геральдике, танцам и фехтованию, искусству верховой езды и, прежде всего, плаванию. Но людям не пришлось долго ждать, прежде чем выразить сожаление по поводу такого избытка. К сожалению, вся эта агитация оказалась бесплодной; и, как я только что сказал, накануне Французской революции среднее образование за пятьдесят лет не продвинулось ни на шаг вперед....

"Он получил новое рождение в 1808 году и оказался почти там же, где и был до этого долгого сна. Наполеон заявил, что новый метод обучения в университете очень похож на методику древнего Парижского университета; только курсы "оставляют желать лучшего в отношении рисования, современных языков, географии, истории и особенно математических и физических наук". Несомненно, это был прогресс, и следует признать это. Но Наполеон ошибается, когда делает вид, что новый университет - это детище древнего. Это преимущественно детище иезуитов. Ибо, как мы уже отмечали, иезуиты с самого начала очень заботились о том, чтобы не вносить никаких новшеств. Они приняли старые методы такими, какими они их нашли, и мало-помалу ввели свой собственный порядок действий, изменение, наиболее рассчитанное на обеспечение их влияния и успеха. Великий старый университет, занявший, так сказать, второе место в системе общественного образования, подчинился влиянию своих ненавистных и торжествующих соперников и, вопреки себе, позволил проникнуть в себя их методам. Следовательно, в 1808 году, в тот момент, когда Наполеону приснилось, что он восстанавливает Университет, идеалом общественного обучения было сочетание старых университетских традиций и эмпирических методов иезуитов".³⁵⁴

В задачи данного автора не входит указывать, как, исходя из этого исторического расхождения, современный практический метод обучения стал полностью организованным. Каждая система развивалась своим собственным путем. Я перехожу к другой линии, или, скорее, возвращаюсь к иезуитскому *Ratio*; и я просто укажу, какому процессу корректировки она тогда подверглась.

В 1832 году отец Рутаан, генеральный директор Общества, обратился к Ордену с энцикликой. Резюмируя это, он говорит: "На самом первом собрании после восстановления Общества была получена петиция из Провинций, и с тех пор ежедневный опыт показывает, что становится все более и более необходимым, чтобы Система обучения соответствовала требованиям времени. После консультаций, потребовавших большого труда и тщательного изучения, была составлена форма пересмотренного *соотношения*, которая теперь предлагается для использования на практике, с тем чтобы после внесения новых поправок, если это необходимо, или иного

расширения, она могла получить санкцию универсального закона. К этому предприятию подходили с величайшим почтением к Системе, которая была одобрена двумя столетиями успешной эксплуатации и которую нередко превозносили сами враги Ордена.

"Возможно ли, что все новшества, которые были внесены в методику воспитания молодежи за последние пятьдесят или более лет, могли быть одобрены и приняты в наших школах? Новые методы и новые формы, изобретаемые день за днем, новое расположение материи и времени, часто противоречащие друг другу и взаимно отталкивающие друг друга, - как все это могло быть принято за правило для наших исследований?

"В высших школах или при изучении более серьезных дисциплин благоразумные люди сокрушаются по поводу того, что там нет основательности, но много показного — плохо организованная масса избыточных знаний, очень мало точных рассуждений —; что науки, если не считать физики и математики, не достигли никакого истинного прогресса, а находятся в общей неразберихе, так что там, где можно найти окончательные результаты, истина едва ли появляется. Изучение логики и строгой диалектики вызывает почти презрение, вследствие чего ошибки глубоко укореняются в умах людей, которые в остальном не являются неграмотными; и этим ошибкам, по той или иной случайности, придается большое значение, как если бы они были установленными истинами, и их превозносят до небес, потому что ни к чему не относятся со строгостью и точностью, не принимают во внимание определения и четкость рассуждений. Таким образом, легко разбираясь в философских материях, молодые люди оказываются совершенно незащитными перед софистикой, поскольку они даже не могут видеть разницы между софизмом и аргументом.

"В младших классах цель состоит в том, чтобы мальчики изучали как можно больше вещей, и изучали их в кратчайшие сроки и с наименьшими возможными усилиями. Отлично! Но это разнообразие столь многих вещей и столь многих курсов, которые молодежь слегка потягивает, позволяет им составить высокое мнение о том, как много они знают, и иногда пополняет толпу недоучившихся, самый пагубный из всех классов как для Науки, так и для государства. Что касается истинного и твердого знания чего-либо, то его нет. Кое-что из всего: в конце концов ничего.³⁵⁵ Быстро постигая литературные курсы, нежного возраста, с еще нетренированными умами, они берутся за серьезнейшие занятия философией и Высшими науками; и, не получая от них почти никаких реальных плодов, они пленены лишь наслаждением большей свободой; они с головой погружаются в порок и вскоре сами становятся учителями того типа, который, выражаясь как можно мягче, я бы назвал незрелым.

Что касается методов, которые становятся все легче и легче, которые обсуждаются, то, какое бы удобство в них ни находилось, существует одно серьезное неудобство; во-первых, то, что приобретается без труда, лишь слегка закрепляется в уме, а то, что в итоге накапливается, быстро забывается; во-вторых, и это, хотя многие и не обращают на это внимания, является гораздо более серьезным ущербом, приносится в жертву почти главный плод обучения мальчика, который заключается в приучении его с раннего возраста к серьезному применению ума и к тому преднамеренному напряжению, которое требуется для тяжелой работы.

"Однако в некоторых моментах, которые не касаются сути образования, потребности нашего времени требуют от нас изменения практики наших предшественников. И обращение к требованиям такой необходимости отнюдь не чуждо нашим принципам, а полностью соответствует Институту.

"На высших курсах существует сколько вопросов, которые раньше никогда не вызывали споров, на которые теперь яростно нападают и которые должны быть подтверждены вескими аргументами, чтобы не были подорваны сами основы истины! Поэтому живые вопросы требуют особого обсуждения, решения, опровержения.

"В физике и математике мы не должны противоречить традициям Общества, пренебрегая этими курсами, которые в настоящее время возведены в ранг самых почетных. Если многие злоупотребляли этими науками в ущерб религии, то мы должны быть гораздо дальше от того, чтобы отказаться от них по этой причине. Скорее, по этой причине членам Ордена следует с еще большим рвением посвятить себя этим занятиям и вырвать оружие из рук врага, и с тем же оружием, которым они злоупотребляют, чтобы атаковать истину, выступить в ее защиту. Ибо истина всегда согласуется сама с собой, и во всех науках она незыблема, всегда одна и та же; и невозможно, чтобы то, что истинно в физике и математике, противоречило истине более высокого порядка.

Наконец, в методе проведения низших курсов обучения для некоторых вспомогательных дисциплин должно быть выделено время, особенно для местных языков и литературы. Но изучение латинских и греческих букв всегда должно оставаться нетронутым и быть главным объектом внимания. Как они всегда были основными источниками, демонстрирующими самые совершенные образцы литературной красоты по замыслу и стилю, таковыми они остаются и сейчас. И если бы они больше находились перед глазами и в уме, мы бы не видели, как изо дня в день выходит из печати так много произведений талантливых людей, с дикцией и стилем, не менее новыми и необычными, чем мысли и мнения, которые они выражают. Простые люди смотрят на них с восхищенным трепетом и оцепенением; но люди образованные и с правильным вкусом смотрят с сочувствием и печалью на эти безошибочные признаки красноречия, не менее развращенного, чем нравы того времени.

"Следовательно, адаптация *Ratio Studiorum* означает, что мы учитываем потребности эпохи, ни в малейшей степени не принося в жертву основательное и правильное образование молодежи".³⁵⁶

Таково содержание документа, достойного грамот и постановлений в области образования, изданного длинной вереницей опытных и сведущих судей в искусстве воспитания молодежи. Изменений, внесенных в старое *Соотношение*, было немного, и я принял их к сведению в предыдущем анализе.

Итак, здание прошлого стоит, с последними изменениями, внесенными в его фасад духом настоящего. Подобно тому, как монументальные сооружения, усеивающие почву Европы и расположенные среди королевских парков или богатых полей колосющегося зерна, были данью уважения князей церкви или князей страны и являются не только памятниками королям или народам, но особенно архитектурными свидетельствами веков; так и система, признанная в истории великой, возведенная в ранг высших человеческих достижений, система воспитания человечества и покоящаяся на основе древнейших традиций и мудрости отдаленнейшего прошлого, не была работой обычного человека или одного дня. Мастера своего дела и столетия своей работы объединились, чтобы создать его, памятник практике и теории поколений. С преданным рвением и благоразумием светские общины и даже язычники в далекие времена приносили камни и вносили десятину на возведение полотна. Но слишком хорошо известно, что архитекторами памятника в его нынешнем виде были священнослужители и религиозные

деятели. И они строили не лучше, чем им казалось; ибо их структура в точности основана на знании, главным образом на божественном знании, возведенном в непротиворечивую теорию и удостоенном самого практического применения. Итак, в самом первом предложении *Ratio Studiorum*, говорящем об "обильных практических плодах, которые можно извлечь из этого многообразного труда школ", упоминается, что плодом является "знание и любовь Творца".

Тогда, возможно, мне будет позволено завершить эту работу цитированием их собственных стихов, начертанных на статуе Христа. Статуя выходит окнами на парк перед ней, на поля по соседству и на богатый сад прилежной молодежи в стенах колледжа рядом. Так, одна надпись гласит:—

TIBI · HAEC · ARVA · RIDENT · ATQUE · AGGERE
COMPLANATO · HAE · FLORIBUS · NITENT · AREOLAE · ET
PUBES · UNDIQUE · ACCITA · VIRTUTIBUS
SCIENTIIS · QUE · ADOLESCIT.[357](#)

И снова на граните написано:—

QUAS · CIRCUM · CERNIS · CHRISTO
URNAE · FLORIBUS · HALANT · NE · CARPE
INCESTO · POLLICE · QUIQUE · FUAS.[358](#)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ,

С УКАЗАНИЕМ НЕКОТОРЫХ ИСТОЧНИКОВ И ДРУГИХ РАБОТ, БОЛЕЕ ДОСТУПНЫХ.

Пахтлер, Г. М., S. J.: *Ratio atque Institutio Studiorum*, 1586; *Ratio Studiorum*, 1599, 1832; и другие педагогические документы:—Включены в *Monumenta Germaniae Pædagogica*, тома. ii, v, ix (за ними последуют другие); Берлин, A. Hofmann & Co., 1887.

Jouvancy, Jos., S. J.: *Ratio Discendi et Docendi pro Magistris Scholarum Inferiorum*, 1 vol. 12mo; Авиньон, о. Сеген, 1825.

Sacchini, Franc., S. J.: *Parænesis ad Magistros Scholarum Inferiorum Soc. Jes.*; *Protrepticon ad Magistros Scholarum Inferiorum Soc. Jes.*—Jude, Claude, S. J.: *Instruction pour les Jeunes Professeurs qui enseignent les Humanités*:—Comprised in *Manuel des Jeunes Professeurs*, 1 vol. 18mo; Париж, Пуссиельг-Русанд, 1842.

* * * * *

Crétineau-Joly, Monsieur M. J.: *Histoire Religieuse, Politique et Littéraire de la Compagnie de Jésus*, 6 vols. 12mo; 3-е изд.; Париж, В. Пуссиль-Русанд, 1851.

Мейнард, месье аббат: *Исследования и преподавание Общества Иисуса*, 1 том 8во; Балтимор, Джон Мерфи и Ко., 1855.

Иезуиты: их основание и история, Б. Н., 2 тома. 8во; Benziger Bros., Нью-Йорк, 1879.

Дженелли, Кристофер, С. Дж.: Житие св. Игнатий Лойола, 1 том 8во; Benziger Bros., Нью-Йорк.

De Rochemonteix, Camille, S. J.: Un Collège de Jésuites aux XVIIe. et XVIIIe. siècles, Le Collège Henri IV. de la Flèche, 4 vols. в 8во; Ле-Ман, Легишо, 1889.

Daniel, Charles, S. J.: Les Jésuites Instituteurs de la Jeunesse Française, au XVIIe. et au XVIIIe. siècle, 1 vol. 12мо; Париж, Виктор Пальме, 1880.

* * * * *

De Backer, Augustin, S. J.: Bibliothèque des Écrivains de la Compagnie de Jésus, ou Notices Bibliographiques 1° de Tous les Ouvrages Publiés par les Membres &c., 2° des Apologies, des Controverses Religieuses, des Critiques Littéraires et Scientifiques Suscitées à leur sujet; 3 large folios (see above, page 134); Liège, chez l'Auteur, A. De Backer; Paris, chez l'Auteur, C. Sommervogel, 1869. Было изъято всего 200 экземпляров; это воплощено и дополнено в следующем, находящемся в процессе публикации:—

Sommervogel, Carlos, S. J.: Bibliothèque de la Compagnie de Jésus:—Première partie, Bibliographie; seconde partie, Histoire. Bibliographie, tom. i, Абад-Бужар, 4-й этаж, двойная колонна, 1928 год; Брюссель, Оскар Шепенс, 16, улица Треренберг; Париж, Альфонс Пикар, 82, улица Бонапарт, 1890.

Кирхенлексикон Ветцера и Вельте: 2d-редактирование, кардиналом Хергенретером и доктором Ф. Кауленом; vol. vi, "Jesuiten," col. 1374–1424; Freiburg, Benjamin Herder, 1889.

Типография J. S. Cushing & Co., Бостон, США

Штамповка фирмы Berwick & Smith, Бостон, США

СНОСКИ

1 Христианские школы и ученые, автор А. Т. Дрэйн; 1881; последняя глава.

2 О развитии гуманитарных исследований; Monumenta Germaniae Pædagogica, vol. ix, с. 129.

3 История папства, том i, книга v, § 3; Иезуитские школы в Германии.

4 Sur la destruction des Jésuites, par un auteur désintéressé, p. 19.

5 Imago Primi Sæculi, lib. vi, Societas Flandro-Belgica, cap. iii, § 1, стр. 772.

6 Crétineau-Joly, Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. iv, ч. 3, с. 210; 3-я^{правка} меня. 1851.

7 Histoire de l'Université de Paris, par Charles Jourdain, liv. i, ch. 1; quoted with other testimonies, in the learned work, Un Collège de Jésuites aux xvii and xviii siècles, Le Collège Henri iv de la Flèche, par le P. Camille de Rochemonteix, 1889; tom. i, ch. 1, p. 3.

8 Exercitia Spiritualia.

- 9 Ранке, История папства, том i, книга ii, § 7.
- 10 Дженелли, Жизнь святого Игнатий Лойола, стр. 351.
- 11 Imago Primi Sæculi, lib. iv, загл. ix, pp. 521-2; De Calumniis.
- 12 Jouvancу, История воплощения. S. J., стр. 168, 1551 год н.э.
- 13 "Развитие образования", книга i; филадельфийское издание, 1841, том i, стр. 167.
- 14 Июля месяца, том. vii; auct. J. P., § xviii, стр. 443-4.
- 15 Дженелли, Житие святого Игнатий Лойола, часть i, гл. 8.
- 16 Болландистов, как указано выше, nn. 313-4; там же, Суарес, Нигрониус и другие.
- 17 Дженелли, Житие святого Игнатий Лойола, часть ii, глава 13.
- 18 Каноническая булла С. И. де Лойолы, § 22.
- 19 Болландистов, nn. 313-4; 317.
- 20 июля, Том Болландистс. vii, auct. J. P., §§ xxvii, xxviii.
- 21 Нигроний; Болландисты, № 317.
- 22 апокалипсис, гл. xviii, 13.
- 23 Продвижение обучения, книга i, стр. 176; Phila. Редактировать.
- 24 Père Charles Daniel S. J., Des Études Classiques dans la Société Chrétienne, ch. 8, La Concile de Trente; 1853.
- 25 Болландистов, auct. J. P., nn. 293-7.
- 26 Болландистов, № 292.
- 27 Gagliardi.
- 28 Hist. S. J., 2da pars, Лайниус; 1564 год н. э., № 220, стр. 340.
- 29 В основном из P. Enrico Vasco, S. J., Il Ratio Studiorum Addattato есс, том i, глава. vii, № 33, частные мемуары, 1851.
- 30 Monumenta Germaniae Pædagogica, ii, стр. 71; Ratio Studiorum и др., Г. М. Пахтлер, С. Я.; Берлин, 1887.
- 31 Там же. Пахтлер, стр. 334 *далее*.
- 32 Там же. Пахтлер, стр. 337 *далее*.
- 33 Дженелли, часть ii, глава 8.
- 34 Рыцарство, Воплощение истории. S. J., Anno Christi, 1547.
- 35 "Васко", том i, глава vii, № 33 и далее

- 36 Орландини, болландисты, № 843.
- 37 Болландистов, № 839.
- 38 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 72.
- 39 Constitutiones S. J., часть iv, декларации в proœmium.
- 40 Сахкини, часть iii, lib. i, nn. 36-42.
- 41 Саккини, часть iii, Борджиа; lib. i, nn. 36 след.
- 42 Sacchini, pars v, Claudius Aquaviva, tom. предыдущий; lib. iv, n. 81.
- 43 Recherches sur la Compagnie de Jésus en France au temps du Père Coton, par le P. Prat, tom. ii, стр. 296.
- 44 Constitutiones S. J., часть iv, глава vii, п. 3.
- 45 Bibliothèque des Écrivains de la Compagnie de Jésus, Preface, 1869.
- 46 Crétineau-Joly; Histoire Religieuse, Politique et Littéraire de la Compagnie de Jésus, tom. ii, ch. iv, p. 176; troisième édit. 1851.
- 47 De Institutione Juventutis; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 61.
- 48 Памятник немецкой педагогике, т. ii; Пахтлер, стр. xx.
- 49 Они занесены в каталог Rochemonteix, Collège Henri IV, tom. ii, глава i, стр. 57, примечание.
- 50 Памятник немецкой педагогике, т. ix; Пахтлер, стр. 192, № 3.
- 51 Немецкий педагогический памятник, том. ix, стр. 110-2.
- 52 Арх. Дополнение Rheni., цитируемое Пахтлером; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 110; см. также письмо генерала Джона Пола Оливы, там же, стр. 106.
- 53 Памятник немецкой педагогике, т. ii; Пахтлер, стр. xx.
- 54 Том ix, стр. 322-389.
- 55 Мейнард; Исследования и преподавание Общества Иисуса во время его подавления, 1750-1773; Балтиморское издание. 1885, гл. 2; Иезуиты в Германии, стр. 112-3.
- 56 1777, 18 novembre, Œuvres de Voltaire, vol. xcvi, p. 207; edit. 1832.
- 57 Lettre à Voltaire, 7 juillet, 1770; Œuvres de Voltaire, tom. xii, c. 495; изд. в 1817г.
- 58 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 358-9.
- 59 Le Collège Henri IV, tom. ii, ч. 1, с. 20.
- 60 Fernand Butel, Docteur en Droit, etc.; L'Éducation des Jésuites autrefois et aujourd'hui, Un Collège Breton, ch. 1, p. 51; p. 19; p. 28; Paris, Firmin-Didot, 1890.

61 Немецкий педагогический памятник, том. ix, стр. 65.

62 Constitutiones, pars iv, c. 7, n. 1.

63 Formulæ acceptandorum Collegiorum, etc., summarium; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, Пахтлер, стр. 338.

64 Там же.

65 Памятник немецкой педагогике, том. ii, Пахтлер, стр. 76, 5. Их учебная программа была расширена в 1829 году; там же, стр. 110, 6.

66 Ratio Studiorum 1599; Рег. Притч. 21, § 4. Пахтлер, "Памятник немецкой педагогике", том ii, стр. 258.

67 Constitutiones, ibid.

68 Конституции, параграф iv, c. 12.

69 Конституций, часть iv, c. 5, n. 1.

70 Конституций, часть iv, c. 9, n. 3.

71 Там же, c. 5, n. 1, С.

72 Глава xi. ниже.

73 Конституции, параграф iv, c. 6, n. 2.

74 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 311.

75 Там же, стр. 310, примечание.

76 Рибаденейра, Болландистс, Джулай, том. vii, номер 335 *далее*.

77 Le Collège Henri IV., том. iii, стр. 5-7.

78 Сравните постановление отца Оливера Манаре, 1583, № 114; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том ii. стр. 269.

79 Constitutiones, pars iv, c. 13, n. 4.

80 Болландистов, там же, 376-7.

81 Памятник немецкой педагогике, том II. ii, Пахтлер, стр. 169.

82 L'Éducation des Jésuites autrefois, etc., par Dr. F. Butel, ch. 1, pp. 22-8. Этот автор хорошо описывает средства, затронутые в тексте, и его ссылки полезны.

83 Памятник немецкой педагогике, том. ii, Пахтлер, стр. 261. Дополнение к упражнениям по литературному гуманизму, 1580 г.; до завершения Ratio Studiorum.

84 Там же, стр. 262.

85 Lettre xc.

- 86 Сравните "Гений христианства" Шатобриана, часть iv, книга vi, Краткое изложение; перевод доктора Ч. И. Уайта; Балтимор, 1884, стр. 637 *далее*.
- 87 Париж, Виктор Пальме, 1880 год.
- 88 Сочинений; филадельфийское издание, 1859, том i, стр. 244.
- 89 Bibliotheca Selecta in qua agitur de Ratione Studiorum, in Historia, in Disciplinis, in Salute Omnium procuranda. Де Бакер в своей книге "Библиотека руководителей компании Иисуса" приводит список переизданий, полностью или частично. Новая работа Зоммервогеля "Королевское кварто", Библиотека компании Иисуса, 1890 год, дошла пока только до буквы В; следовательно, Поссевино еще не внесен.
- 90 Там же, стр. 187.
- 91 Там же, стр. 136.
- 92 Глава 10 книги 1 "Ratio Collegiorum et Scholarum" и др., конец главы; Римская редакция.
- 93 Histoire d'un Collège Municipal aux XVIe, XVIIe, et XVIIIe siècles ... à Bayonne avant 1789. Thèse présentée à la Faculté des Lettres de Toulouse, par J. M. Drevon, censeur des Études au Lycée d'Agen, 1890. Около 500 страниц.
- 94 С. 160-234.
- 95 С. 429.
- 96 Данте, Парад. viii.
- 97 De La Haute Éducation Intellectuelle, liv. iv, ch 4. Compare Vasco, vol. i, n. 24.
- 98 Essais sur l'Instruction Publique, par Charles Lenormant, membre de l'Institut; quoted by Rochemonteix, Le Collège Henri IV, tom. ii, ch. 1, с. 49, в его весьма поучительной дискуссии об иезуитском *интернате*, или *пансионе*.
- 99 Памятник немецкой педагогике, т. ii, Пахтлер, стр. 78.
- 100 Конст., часть iv, гл. 3, децл. В.
- 101 Turpissimis signis.
- 102 Bibliotheca Selecta, lib. i, ch. 44; Quasnam tetenderit insidias humani generis hostis, etc.
- 103 Рибаденейра, Болландисты, номер 373 *далее*
- 104 Избранная библиотека, библиотека i, глава 40.
- 105 Ratio Studiorum 1599 и 1832 годов, Рег. Притч. 37. Высшим курсам разрешены летние каникулы продолжительностью от одного до двух месяцев; на низших, или литературных, курсах риторики разрешен один месяц, на остальных - меньше. Помимо определенных праздничных дней в течение года, в каждой неделе должен быть один свободный день, который на высших курсах составляет целый день, а на низших - только последнюю его часть.
- 106 1602; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, Пахтлер, стр. 467.

- 107 Памятник немецкой педагогике, т. ii, Пахтлер, стр. 411.
- 108 Болландистов, № 374.
- 109 Lettre 7 février, 1746; Œuvres, tom. viii, с. 1128; изд. в 1817г.
- 110 Crétineau-Joly, Histoire de la Compagnie de Jésus, tom. iv, ч. 3, с. 209; изд. в 1851 г. Эта глава и следующая, глава 4, в Кретино-Жоли, стр. 158-297, содержат самую разнообразную информацию по нашему предмету, касающуюся профессоров, писателей, ученых и т.д.
- 111 Epistola de Institutione Juventutis, et Studiis Litterarum Promovendis, 1639; Mon. Germ. Pæd., том. ix, Пахтлер, стр. 62.
- 112 Потерянный рай, книга iv.
- 113 Notice sur le Pensionnat, etc. à Fribourg en Suisse, 1839, pp. 56 seq.
- 114 1585; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, Пахтлер, стр. 411.
- 115 Памятник немецкой педагогике, т. ix, Пахтлер, стр. 59.
- 116 Manare, Commentarius.
- 117 Кретино-Жоли, том i, гл. 3, стр. 150.
- 118 Сравните Кретино-Жоли, том i, гл. 6; tom. iv, главы 3, 4.
- 119 Чем тяжелее было бремя войны для Германии, тем усерднее направлялась помощь; ни одна часть поля боя не была более под прицелом Лойолы.
- 120 История папства, том i, книга v, § 3; Первые иезуитские школы в Германии; Перевод Фостера, стр. 417.
- 121 Сравните Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, Pachtler, Nr. 72; Nr. 91; Nr. 92, etc.
- 122 Эту весьма поучительную переписку можно увидеть в общих чертах в книге Дженелли "Житие св. Игнатий Лойола, часть ii, гл. 8, стр. 342 далее. 1889г.
- 123 Гл. 6 выше, стр. 84.
- 124 Const., pars iv, с. 7, decl. E.
- 125 Сравните понедельник. Germ. Pæd., vol. ii, Пахтлер, № 38, богословский факультет Вюрцбургского университета, стр. 303, № 7; Понедельник. Герм. пед., том. ix, Пахтлер, № 67, стр. 162, и № 68, стр. 178, богословский и философский факультеты Трирского университета и т.д.
- 126 Сравните Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, Пахтлер, стр. 38, заметка о Перудже.
- 127 Там же, стр. 51, примечание о Валенсии.
- 128 Памятник немецкой педагогике, т. ii, стр. 369, Письмо отцу Кесселю.
- 129 Сравните Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, Pachtler, Papstliche Privilegien, pp. 1-8.

- 130 Болландисты, J. P., № 612.
- 131 Педагогическое законодательство, начиная с этой даты, можно найти в Monumenta Germaniae Pædagogica, vol. ii, Пахтлер, стр. 70-125.
- 132 Пахтлер, там же, стр. 75.
- 133 Пахтлер, там же, стр. 126-132.
- 134 Европейская цивилизация, глава 46.
- 135 Национальное образование, часть ii, том ii. ii, с. 659; с. 74; Нью-Йорк, 1872.
- 136 Памятник немецкой педагогике, т. ix, Пахтлер, стр. 57.
- 137 Лекции Блэра по риторике и художественной литературе, лекция 26.
- 138 Лекция 35.
- 139 Хвалебная речь, произнесенная кардиналом Мори своему предшественнику во Французском институте иезуиту Де Радонвилье, 1807 г. —Ораторы Сакре, Минье, Том. lxvii, столбец 1161.
- 140 Классификацию выдающихся студентов можно найти в книге Кретино-Жоли, Том. iv, ч. 3, с. 207.
- 141 Bibliothèque de la Compagnie de Jésus, nouvelle édition, par Carlos Sommervogel S. J., Strasbourg, tom. i, from Abad to Boujart; large quarto edition, 1890.
- 142 Христианская доктрина и т.д.; Предания; Зоммервогель, *sub voce*, Беллармин, столбцы 1187-1204.
- 143 Только в области общей филологии сравните монографию "Духовное управление и миссия" фон Джозефа Дальманна С. Я., 15 января 1891 г., пятидесятое дополнение к "Stimmen aus Maria-Laach", 121 страница.
- 144 Памятник немецкой педагогике, том v, Пахтлер, стр. 29.
- 145 Там же, том v, стр. 9 *далее*.
- 146 "Памятник немецкой педагогике", том v, стр. 12 *далее*.
- 147 "Памятник немецкой педагогике", том v, стр. 26 *далее*.
- 148 Disputatio acris oriebatur.
- 149 Там же, № 8, стр. 65.
- 150 T. v, с. 67-217.
- 151 "Памятник немецкой педагогике", том v, стр. 15 *далее*.

- 152 В качестве примера скрупулезной критики, обрушившейся на него в Германии, см. Monumenta Germaniae Pædagogica, том v, стр. 218 *далее*. Подобные анимадверсии следует понимать как исходящие из других источников.
- 153 Supercherie littéraire dévoilée iii, 446, f; Sommervogel, Dictionnaire des Ouvrages Anonymes et Pseudonymes, etc., S. J., *sub voce*, *Ratio*.
- 154 Цитируется Ч. Даниэлем, С. Дж., Les Jésuites Instituteurs de la Jeunesse и др., последняя глава, стр. 297.
- 155 Памятник немецкой педагогике, том v, № 11, стр. 227.
- 156 Monumenta Germaniae Pædagogica, том v, стр. 252, Ratio Studiorum от 1599 г., Рег. Притч. 19, § 11.
- 157 Сравните лорда Бэкона, "Развитие образования", книга ii, стр. 186, 1-я колонка; Филадельфийское издание, 1846.
- 158 Глава vi выше, стр. 83.
- 159 Monumenta Germaniae Pædagogica, том v, стр. 129, Ratio Studiorum 1586 г., ок. Филос.
- 160 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 491, № 32.
- 161 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 154, n. 6, Humanitatis Doctores quos et quales, etc.
- 162 Vitelleschi, 1639, Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 60, n. 4.
- 163 Исследование отношения., Рег. Пров. 19; Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 242.
- 164 Немецкий педагогический памятник, том ii, стр. 84, 93.
- 165 Там же, том ii, стр. 101.
- 166 Rt. St. 1599, Рег. Prof, Rhet. 6; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 404.
- 167 Соммервогель заполняет двадцать четыре колонки частичным перечислением изданий Альвареса; Библиотека компании Иисуса, 1890, *sub voce*, *Альварес*.
- 168 Сравните Monumenta Germaniae Pædagogica, том ii, стр. 269, n. 114; Постановление Манаре для Германии.
- 169 Rationarium Temporum, Paris, 1632.
- 170 Daniel, Les Jésuites Instituteurs, etc., ch. 10, p. 216.
- 171 Geographiæ et Hydrographiæ Reformatæ Libri xii, Bologna, 1661, in folio.
- 172 Смотрите приятный набросок в книге Даниэля "Институты иезуитов" и др., главы 2-5; также "Иезуиты, их исследования и преподавание" Мейнарда, глава 4 "Научное состояние иезуитов" и др.
- 173 Рим, 1583, 8во, стр. 219.

174 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 141, De Mathematicis.

175 Рег. П. 20.

176 Первое издание в 1697 году.

177 De l'Église Gallicane, liv. i, ch. 8, p. 46; edit. 1821.

178 Медаль находится в музее Коулмана Джорджтаунского университета, где Де Вико вместе с Сестини некоторое время были астрономами.

179 Исторический очерк баварских иезуитов в аспекте выдающегося научного опыта см. В Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 445-6, где отец Пахтлер дает проспект нового научного и литературного обозрения, которое должно было выйти в Баварии в 1772 году. Запрет предотвратил это.

180 История математики, т. iv, стр. 347; цитируется Кретино-Жоли, т. iv, с. 4, стр. 283, который содержит большое количество литературы по этому вопросу. Согласно последним исследованиям, проведенным М. К. Андре и Г. Райе, астрономами Парижской обсерватории, число обсерваторий, созданных во всем мире, к концу прошлого столетия составляло 130. Из этого числа 32 были основаны иезуитами или находились под их руководством.—Victor Van Tricht, La Bibliothèque des Écrivains de la Compagnie de Jésus, etc., appendice 1er, p. 221; 1876.

181 Конституция, часть iv, с. 13, п. 4.

182 Болландисты, Дж. П., № 871.

183 "Памятник немецкой педагогике", том v, стр. 151 *след.*

Ул. 184 Ratio, рег. Пров. 28; Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 260.

185 Там же, т. ix, с. 59.

186 Там же, том v, Rt. St. 1586, Humanitatis Magistri, № 5, стр. 153.

187 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 415.

188 Там же, т. v, № 3, с. 152.

189 Там же, том v, № 4, с. 152.

190 Там же, т. v, стр. 260; Рег. Притчи 24, 25.

191 Там же, т. ix, стр. 60; письмо 1639 года.

192 Там же, том v, стр. 154.

193 Там же, том. ix, стр. 130, п. 2.

194 Там же, п. 6.

195 Там же, том v, стр. 352.

196 Там же, том v, стр. 149.

197 Там же, стр. 153.

Ул. Рт., 198, рег. Часть 3; Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 268.

199 Там же, № 18, стр. 272.

200 Рег. Prov. 33; Monumenta Germaniæ Pædagogica, p. 262.

201 Там же, том. ix, стр. 131.

202 Jouvancy, Ratio Discendi; c. Ordo Studendi.

203 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 144.

204 Там же.

205 Там же, том ii, стр. 126; Рег. Пров. № 50.

206 Rt. St. 1586; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 150.

207 Formula Acceptandorum Collegiorum, b; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, стр. 339.

208 История. S. J., Саккини, pars ii, Лайниус, lib. viii, № 219, 1564 год н.э.

209 Rt. St. 1586, там же.

210 Rt. St. 1599, рег. Пров. 27; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 260.

211 Глава xi, выше, стр. 155.

212 Statuten der philos. Фак. Ingolstadt, 1649; De Auditoribus; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 284.

213 Qui non in Academia, sed privatim in aliquo Auditorio aut Monasterio audierunt philosophiam.

214 Nisi probent se omnes materias publice audivisse in aliqua Academia probata: Würzburger Promotionsgebrauche, 1662; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 387.

215 Rhetius S. J. für Reform der theol. Фак. zu Köln, November, 1570; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, стр. 217.

Ул. Рт., 216, рег. Пров. 28; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 260.

217 Там же, т. v, стр. 133, № 10, Философский кабинет.

218 Библиот. Selecta; de Cultura Ingeniorum, cap. 27.

219 Prævidere.

220 Prælegere.

221 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 450, № 4.

222 Там же, стр. 460, п. 9.

- 223 Rt. St. 1586, Studium Philos. № 12; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 134.
Сравните также немецкую провинцию, где в 1586 году четыре часа сокращены до трех, там же, т. ii, стр. 283.
- 224 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 154.
- 225 Ibid., vol. v, p. 108, De Privato Studio Scholasticorum; ibid. p. 133, n. 11, Studium Philos.
- 226 Ut concionabundi.
- Ул. Рт, 227, рег. комм. Проф. суп. фак., № 11; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 290.
- 228 Rt. St. 1599, рег. Проф. Phil. № 16; 1832, № 9, Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 340, 332.
- 229 Rt. St. 1586, Repetitiones, № 3; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 99.
- 230 Глава vii, выше, Моральные рамки, стр. 101.
- 231 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 268; Рег. Пункт 6.
- 232 Monumenta Germaniæ Pædagogica, p. 456; Institutio pro biennio, n. 14.
- 233 Præclara aliqua materia.
- 234 Там же, стр. 454.
- 235 Рег. связь. Prof. sup. fac., n. 9; Monumenta Germaniæ Pædagogica, p. 288.
- 236 Constitutiones, pars iv, c. 6, H.
- 237 Rt. St. 1586, Repetitiones, Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 99.
- 238 Конституций, часть iv, c. 14, B.
- 239 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 245.
- 240 Там же, том v, стр. 68.
- 241 Обратитесь к пяти томам Nomenclator Litterarius Recentioris Theologiae Catholicae, X. Хертера, S. J., 1871-1886.
- Ул. Рт, 242, рег. комм. Проф. суп. фак., № 12; Monumenta Germaniæ Pædagogica, т. v, стр. 290; сравните также Monumenta Germaniæ Pædagogica, т. ix, Ordnung Einer Selbst. Univ. der Ges. J. 1658, pars ii, c. 4, p. 355; De Repetitionibus et Disputationibus Scholasticorum S. J.
- 243 Там же, № 14.
- 244 Там же, № 20.
- 245 Там же, п. 13.
- 246 Памятник немецкой педагогике, т. ii, p. 95; Congr. gen. 11.

- 247 Per. Prof. S. Script., n. 19, 20; also Statuten der philos. Фак. Ingolstadt, 1649, Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 291.
- 248 Памятник немецкой педагогике, т. ix, стр. 359-381.
- 249 Rt. St. 1586, Диспуты; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 103.
- 250 Там же.
- 251 Там же, том v, Commentariolus, стр. 45 *далее*.
- 252 Nihil perfecte scitur, основы диспутационного процесса; см. "Жизнь и труды святого Фомы Аквинского" Беда Воана, 1871, том i, гл. 16, стр. 388. Две главы о Париже в этом ученом труде изобилуют информацией, относящейся к нашей теме.
- 253 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 71, n. 5; De Scripturis.
- 254 Рег. Пров., № 5; Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 234.
- 255 Commentariolus, Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 53.
- 256 Cum non raro, quæ splendescere videntur in cubiculo, sordeant in Scholasticis concertationibus.
- 257 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, Disputationes, n. 8, p. 102.
- 258 Там же.
- 259 Ibid., p. 147, Separandane sint Seminaria, etc.
- 260 Рег. комм. Проф. суп. фак., № 16; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 292.
- 261 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 292; Rt. St. 1599, рег. комм. Проф. вспомогательный факт., № 18; Rt. St. 1586, Disputationes, там же, стр. 106.
- 262 Там же, стр. 102, № 7, стр. 276, № 6.
- Ул. Рт, 263, рег. Проф. Стад., № 12, 21; Памятник немецкой педагогике, т. v, стр. 278, 282.
- 264 Там же, Рег. Пров., № 19, стр. 244.
- 265 Глава xi, выше, стр. 157.
- 266 De Ratione et Modo Prælegendi; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 82.
- 267 Ad literam legibilem.
- 268 Ad prælegendum egregie.
- 269 Rt. St. 1586, De Ratione ac Modo Prælegendi; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, pp. 81-5.
- 270 Памятник немецкой педагогике, том v, Рег. комм. Проф. суп. фак., nn. 9, 10, стр. 288.
- 271 Почему, если бумага упадет, мудрость тоже должна пропасть!

272 Possevinus, Biblioth. Selecta, lib. i, de cultura ingeniorum, сс. 25-6, edit. Венеция, 1603, стр. 21-2. Он ссылается на публикацию Conimbricenses, объединенного труда факультета Коимбры, точно так же, как позже на "Wirceburgenses", а в настоящее время, под руководством отца Корнели, авторы Cursus Scripturæ Sacræ публикуют свои работы как единое целое.

273 Rt. St. 1599, рег. Пров., № 4; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 234.

274 Constitutiones, pars iv, с. 13, n. 3; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, стр. 55.

275 Рег. комм. Проф. суп. фак., № 20; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 292.

276 Constitutiones, там же, С.

277 Там же.

278 Vitelleschi, 1639; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 59.

279 Глава xi, выше, стр. 162.

280 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, Commentariolus, p. 43.

281 Там же.

282 Там же, стр. 41.

283 Постановление о студ. поддержке, 1651; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 88.

284 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, Utrum Quinquennium, etc., p. 76.

285 Там же.

286 Modus Prælegendi, n. 10; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 84.

287 Rt. St. 1599, рег. комм. Prof. sup. fac., nn. 7, 8; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 288.

Ул. Рт, 288, рег. Проф. Rhet., n. 8; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 406.

289 Там же, п. 1.

290 Там же, nn. 6, 7.

291 Рег. Проф. Хум., № 5; там же, стр. 420.

292 Rt. St. 1856, Classis Hum.; Памятник немецкой педагогики, том v, стр. 195.

293 Там же, Класс. Повторение, № 6, стр. 198.

294 Ibid., Exercitationes lat. et græc., n. 2; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 166.

295 Maxime rudi Minerva.

Ул. Рт., 296, рег. Præf. stud. inf., № 8, § 4; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 354.

297 Там же, рег. комм. Проф. cl. inf., № 24; там же, стр. 388.

298 Exercitationes lat. et græc., Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 167.

- 299 Rt. St., Особые правила для соответствующих классов, Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 398-448. Правила академий, там же, стр. 460-480.
- 300 Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, p. 166, Schulregeln um 1560-61.
- 301 Немецкий педагогический памятник, том. ix, стр. 145.
- 302 Jouvancy, Ratio Docendi; c. De interpretatione vernacula, etc.
- 303 Способ эксплицированного преломления.
- 304 Eruditio ex omni doctrina, Reg. Проф. Rhet., n. 1, ex omni eruditione, ibid., n. 8.
- 305 Lettre 7 février, 1746, Œuvres, t. viii, p. 1127; edit. 1817.
- 306 De Backer, Bibliothèque des Écrivains de la Compagnie, *sub voce*, *Cerda*.
- 307 Sommervogel, Bibliothèque de la Compagnie, *sub voce*, *Abram*.
- 308 Зоммервогель, там же.
- 309 Сторонник, *sub voce*, *Насильник*.
- 310 Rt. St. 1586, с. 8, De Libris; Памятник немецкой педагогики, том v, стр. 178.
- 311 Рег. Præf. Стад., № 29; Памятник немецкой педагогике, стр. 284.
- 312 Там же, стр. 179.
- 313 Глава xi, выше, стр. 164 *далее*
- 314 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 180.
- 315 Рт. ст. 1586, Класс. Прим., стр. 197-8.
- 316 Лекции Блэра по риторике и художественной литературе; лекция XII, в конце.
- 317 Там же, лекция XIX О формировании стиля, в конце.
- 318 Рт. ст. 1586; Памятник немецкой педагогики, том v, стр. 160-4.
- 319 Рег. Præf. stud. inf., № 31; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 364.
- 320 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 491.
- 321 Ratio Docendi, с. ii, De discipulorum eruditione, art. 3.
- 322 Памятник немецкой педагогике, том v, Упражнение. лат. et græc., n. 8, p. 170.
- 323 Sicut porcelli inter se commixti.
- 324 Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 493.
- 325 Рег. Externorum Auditorum Soc., Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 458.
- Ул. Рт., 326, рег. Præf. stud. inf., 11; Monumenta Germaniæ Pædagogica, т. v, стр. 358.

- 327 Rt. St. 1586, Ratio promovendi и др., Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 177.
- 328 Рег. Преф. студ. инф., п. 8, § 12.
- 329 ул. Рт., рег. Преф. студ. инф., № 13; Monumenta Germaniæ Pædagogica, том v, стр. 360.
- 330 Constitutiones, pars iv, с. 15, п. 2; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ii, стр. 60.
- 331 Там же, п. 3.
- 332 Rt. St. 1586, De Gradibus и др., Памятник немецкой педагогике, том v, стр. 110.
- 333 Том ix, стр. 359-387.
- Ул. 334 Рт., Рег. Пров., 17, § 2.
- 335 rt. St. 1832, рег. Преф. студ. инф., п. 8, § 11.
- 336 Там же, nn.. 12, § 2; 28, § 2.
- 337 Там же.
- 338 Бывших осужденных.
- 339 Externi.
- 340 Рег. Прямо, № 12.
- 341 Рег. Пров., п. 21, § 4.
- 342 Excitetur ingenium; excolatur ingenium.
- 343 De Mathematicis; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 141.
- 344 Crétineau-Joly, Histoire de la Compagnie, tom. iv, ч. 3, с. 202.
- 345 Сравните постановление для провинции Верхняя Германия, 1763, № 7; Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. ix, стр. 441.
- 346 Rt. St. 1832, Pro Physica, nn. 34-5.
- 347 Памятник немецкой педагогике, том ii, стр. 245.
- Ул. Рт.348, Рег. Пров., № 39.
- 349 Рег. Præf. Стад., № 27.
- 350 Глава vi, выше, стр. 96.
- 351 М. Д'Аламбера, М. Аббата де Кондильяка и других.
- 352 L'Abbé Proyard, De L'Éducation Publique.
- 353 Id., там же.

[354](#) История муниципального колледжа и др., Байонна; Ж. М. Древол, 1889; последняя глава, Форма и заключение, стр. 443 *далее*.

[355](#) Ex omnibus aliquid: in toto nihil.

[356](#) Epistola P. Roothaan, 1832, Monumenta Germaniæ Pædagogica, vol. v, p. 228 *seq.*

[357](#) Для Тебя улыбаются эти луга, и на разглаженной вершине холма эти клумбы украшаются цветами, и молодежь из всех стран воплощает в добродетели и науке надежды христианской зрелости.

[358](#) Урны, которые ты видишь вокруг, источают аромат своих цветов для Христа. Не срывай их неосвященной рукой, кем бы ты ни был.

Примечания переписчиков

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; случайные несбалансированные кавычки сохранены.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Указатель не проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

Аббревиатура "S. J." была упорядочена здесь, чтобы всегда включать пробел, поскольку, похоже, именно так она в основном печаталась.

Страница [117](#): "et eximium facinus" было напечатано именно так.

Страница [171](#): "математики" были напечатаны именно так.

Сноска [180](#) (ссылка на страницу [172](#)): "Mathematiques" была напечатана именно так.

Страница [204](#): "Repetitonibus" было напечатано именно так.

Страница [205](#): Привязка к сноске [248](#) (первоначально 3) отсутствовала в нескольких изданиях этой книги и, вероятно, была добавлена Переписчиком.